

БОРЬБА КЛАССОВ

8-9

1931 г.

МАССОВЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ОБЩЕСТВА ИСТОРИКОВ-МАРКСИСТОВ ПРИ КОМАКАДЕМИИ ЦИК СССР

РЕДАКЦИЯ: СТРАСТНОЙ БУЛЬВАР, 11, ТЕЛ. 3-91-48

ИЗДАТЕЛЬ: ЖУРГАЗОБЪЕДИНЕНИЕ

И. В. СТАЛИН

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ИСТОРИИ БОЛЬШЕВИЗМА

Письмо в редакцию журнала «ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ»

Уважаемые товарищи!

Решительно протестую против помещения в журнале «Пролетарская революция» (№ 6 1930 г.) антипартийной и голутроцкистской статьи Слуцкого «Большевики о германской социал-демократии в период ее предвоенного кризиса» как статьи дискуссионной.

Слуцкий утверждает, что Ленин (большевики) недооценивал опасности центразма в германской и вообще предвоенной социал-демократии, то есть недооценивал опасности прикрытого оппортунизма, опасности примиренчества с оппортунизмом. Иначе говоря, по Слуцкому выходит, что Ленин (большевики) не вел непримиримой борьбы с оппортунизмом, ибо недооценка центразма есть по сути дела отказ от развернутой борьбы с оппортунизмом. Выходит, таким образом, что Ленин в период перед войной не был еще настоящим большевиком, что лишь в период империалистской войны, или даже в исходе этой войны, Ленин стал настоящим большевиком. Так повествует в своей статье Слуцкий. А вы вместо того, чтобы заклеить этого новоявленного «историка» как клеветника и фальсификатора, ввязываетесь с ним в дискуссию, даете ему трибуну. Не могу не протестовать против помещения в вашем журнале статьи Слуцкого как статьи дискуссионной, так как нельзя превращать в предмет дискуссии вопрос о большевизме Ленина, вопрос о том, вел Ленин принципиальную непримиримую борьбу с центразмом, как известным видом оппортунизма, или не вел ее, был Ленин настоящим большевиком или не был таковым.

В своем заявлении «от редакции», присланном в ЦК 20 октября, вы признаете, что редакция допустила ошибку, поместив статью Слуцкого в качестве дискуссионной статьи. Это, конечно, хорошо, несмотря на то, что заявление редакции появляется с большим запозданием. Но вы допускаете в своем заявлении новую ошибку, декларируя, что «редакция считает политически крайне актуальным и необходимым дальнейшую разработку на страницах «Пролетарской революции» всего круга проблем, связанных с взаимоотношением большевиков с довоенным II интернационалом». Это значит, что вы намерены вновь втянуть людей в дискуссию по вопросам, являющимся аксиомами большевизма. Это значит, что вопрос о большевизме Ленина вы вновь думаете превратить из аксиомы в проблему, нуждающуюся в «дальнейшей разработке». Почему, на каком основании? Всем известно, что ленинизм родился, вырос и окреп в беспощадной борьбе с оппортунизмом всех мастей, в том числе с центризмом на Западе (Каутский), с центризмом у нас (Троцкий и др.). Этого не могут отрицать даже прямые враги большевизма. Это аксиома. А вы тянете нас назад, пытаетесь превратить аксиому в проблему, подлежащую «дальнейшей разработке». Почему? На каком основании? Может быть по незнакомству с историей большевизма? Может быть ради гнилого либерализма, чтобы Слуцкие и прочие ученики Троцкого не могли сказать, что им зажимают рот? Довольно странный либерализм, проводимый за счет кровных интересов большевизма...

Что собственно считает редакция достойным дискуссионного рассмотрения в статье Слуцкого?

1) Слуцкий утверждает, что Ленин (большевики) не вел линию на разрыв, на раскол с оппортунистами германской социал-демократии, с оппортунистами II интернационала довоенного периода. Вы хотите дискуссионировать против этого троцкистского тезиса Слуцкого. Но что тут дискуссионного? Разве не ясно, что Слуцкий просто клеветает на Ленина, на большевиков? Клевету нужно заклеить, а не превращать в предмет дискуссии.

Всякий большевик знает, если он действительно большевик, что Ленин еще задолго до войны, примерно с 1903—1904 гг., когда оформилась в России группа большевиков и когда впервые дали о себе знать левые в германской социал-демократии, — вел линию на разрыв, на раскол с оппортунистами и у нас, в российской социал-демократической партии; и там, во II интернационале, в частности в германской социал-демократии. Всякий большевик знает, что именно поэтому большевики уже тогда (1903—1905 гг.) снискали себе в рядах оппортунистов II интернационала почетную славу «раскольников» и «дезорганизаторов». Но что мог сделать Ленин, что могли сделать большевики, если левые с.-д. во II интернационале и, прежде всего, в германской социал-демократии представляли слабую и немощную группу, организационно не оформленную, идеологически не подкованную, группу, боящуюся даже выговорить слово «разрыв», «раскол»? Нельзя же требовать, чтобы Ленин, чтобы большевики устроили из России за левых раскол в западных партиях. Я уже не говорю о том, что организационная и идеологическая слабость была характерной чертой левых с.-д. не только в период довоенный. Она, эта отрицательная черта, как известно, сохранилась за левыми и в период после войны. Всем известна оценка германских левых с.-д. в известной статье Ленина «О брошюре Юниуса»¹, писанной в октябре 1916 года, то есть спустя более двух лет после начала войны, где Ленин, критикуя

¹ Юниус — Роза Люксембург, лидер левых с.-д. в германской социал-демократии.

целый ряд серьезнейших политических ошибок левых с.-д. в Германии, говорит о «слабости всех немецких левых, опутанных со всех сторон гнусной сетью каутскианского лицемерия, педантства, «дружелюбия» к оппортунистам», где он говорит о том, что «Юниус не освободился вполне от «среды» немецких, даже левых социал-демократов, боящихся раскола, боящихся договаривать до конца революционные лозунги».

Из всех группировок II интернационала русские большевики были тогда единственной группировкой, способной по своему организационному опыту и идеологической подкованности предпринять что-либо серьезное в смысле прямого разрыва, раскола со своими оппортунистами в своей российской социал-демократии. Вот если бы Слуцкие попытались даже не доказать, а просто предположить, что Ленин и русские большевики не использовали всей своей мощи для того, чтобы организовать раскол с оппортунистами (Плеханов, Мартов, Дан) и изгнать центристов (Троцкий и прочие сторонники августовского блока), — то тогда можно было бы спорить о большевизме Ленина, о большевизме большевиков. Но в том-то и дело, что Слуцкие не смеют даже заикнуться в пользу такого дикого предположения. Не смеют, так как знают, что всем известные факты решительной политики разрыва с оппортунистами всех мастей, проводившейся русскими большевиками (1904—1912 гг.), вопиют против такого предположения. Не смеют, так как знают, что на другой же день будут они пригвождены к позорному столбу.

Но вот вопрос: могли ли русские большевики осуществить раскол со своими оппортунистами и центристами-примиренцами задолго до империалистской войны (1904—1912 гг.), не ведя вместе с тем линию на разрыв, линию на раскол с оппортунистами и центристами II интернационала? Кто может сомневаться в том, что русские большевики считали свою политику в отношении оппортунистов и центристов образцом политики для левых на Западе? Кто может сомневаться в том, что русские большевики всячески толкали левых с.-д. на Западе, в частности левых в германской социал-демократии, на разрыв, на раскол со своими оппортунистами и центристами? Не вина Ленина и русских большевиков, если левые с.-д. на Западе оказались не созревшими к тому, чтобы идти по стопам русских большевиков.

2) Слуцкий упрекает Ленина и большевиков, что они не поддерживали левых в германской с.-д. решительно и бесповоротно, что они поддерживали их лишь с серьезными оговорками, что фракционные соображения мешали им поддерживать левых до конца. Вы хотите дискуссировать против этого шарлатанского и насквозь фальшивого упрека. Но что тут собственно дискуссионного? Разве не ясно, что Слуцкий здесь маневрирует и старается прикрыть фальшивым упреком против Ленина и большевиков действительные прорехи в позиции левых в Германии? Разве не ясно, что большевики не могли поддерживать левых в Германии, то и дело колебавшихся между большевизмом и меньшевизмом, без серьезных оговорок, без серьезной критики их ошибок, не изменяя рабочему классу и его революции? Мошеннические маневры нужно заклеить, а не превращать в предмет дискуссии.

Да, большевики поддерживали левых с.-д. в Германии лишь с известными серьезными оговорками, критикуя их полуменьшевистские ошибки. Но за это надо их приветствовать, а не упрекать.

Есть люди, которые сомневаются в этом?

Обратимся к наиболее известным фактам из истории.

а) В 1903 году выявились серьезные разногласия между большевиками и меньшевиками в России по вопросу о членстве в партии. Своей формулировкой о членстве в партии большевики хотели создать организационную узду против наплыва непролетарских элементов в партию. Опасность такого наплыва была тогда более чем реальна, ввиду буржуазно-демократического характера русской революции. Русские меньшевики отстаивали противоположную позицию, открывающую широко двери партии непролетарским элементам. Ввиду важности вопросов русской революции для мирового революционного движения западно-европейские социал-демократы решили вмешаться в дело. Вмешались и левые с.-д. в Германии, Парвус и Роза Люксембург, тогдашние лидеры левых. И что же? Оба они высказались против большевиков. При этом было брошено обвинение по адресу большевиков в ультрацентрализме и бланкистских тенденциях. Впоследствии эти пошлые и мещанские эпитеты были подхвачены меньшевиками и разнесены по всему миру.

б) В 1905 году развернулись разногласия между большевиками и меньшевиками в России о характере русской революции. Большевики отстаивали идею союза рабочего класса с крестьянством при гегемонии пролетариата. Большевики утверждали, что дело надо вести к революционно-демократической диктатуре пролетариата и крестьянства с тем, чтобы от революции буржуазно-демократической перейти немедленно к революции социалистической при обеспечении поддержки со стороны деревенской бедноты. Меньшевики в России отвергали идею гегемонии пролетариата в буржуазно-демократической революции, политике союза рабочего класса с крестьянством они предпочли политику соглашения с либеральной буржуазией, а революционно-демократическую диктатуру пролетариата и крестьянства объявили реакционной бланкистской схемой, противоречащей развитию буржуазной революции. Как отнеслись к этим спорам левые в германской социал-демократии, Парвус и Роза Люксембург? Они сочинили утопическую и полуменьшевицкую схему перманентной революции (уродливое изображение марксовской схемы революции), проникнутую насквозь меньшевицким отрицанием политики союза рабочего класса и крестьянства, и противопоставили ее большевицкой схеме революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства. В дальнейшем эта полуменьшевицкая схема перманентной революции была подхвачена Троцким (отчасти Мартовым) и превращена в орудие борьбы против ленинизма.

в) В период перед войной в партиях II интернационала выступил на сцену, как один из актуальнейших вопросов, вопрос национально-колониальный, вопрос об угнетенных нациях и колониях, вопрос об освобождении угнетенных наций и колоний, вопрос о путях борьбы с империализмом, вопрос о путях свержения империализма. В интересах развертывания пролетарской революции и окружения империализма большевики предложили политику поддержки освободительного движения угнетенных наций и колоний на базе самоопределения наций и развили схему единого фронта между пролетарской революцией передовых стран и революционно-освободительным движением народов колоний и угнетенных стран. Оппортунисты всех стран, социал-шовинисты и социал-империалисты всех стран не замедлили ополчиться в связи с этим против большевиков. Большевиков травили, как бешеных собак. Какую позицию заняли тогда левые с.-д. на Западе? Они развили полуменьшевицкую теорию империализма, отвергли принцип самоопределения наций в его марксистском понимании (вплоть до отделения и образования самостоятельных государств), отвели тезис о серьезном революционном значении освободительного движения колоний и угнетенных стран, отвели тезис о возможности

единого фронта между пролетарской революцией и национально-освободительным движением и противопоставили всю эту полуменьшевицкую кашу, являющуюся сплошной недооценкой национально-колониального вопроса, марксистской схеме большевиков. Известно, что эту полуменьшевицкую кашу подхватил потом Троцкий и использовал ее как орудие борьбы против ленинизма.

Таковы всем известные ошибки левых с.-д. в Германии.

Я уже не говорю о других ошибках германских левых, раскритикованных в соответствующих статьях Ленина.

Не говорю также об ошибках, допущенных ими при оценке политики большевиков в период Октябрьского переворота.

О чем говорят эти ошибки германских левых, взятые из истории довоенного периода, как не о том, что левые с.-д. несмотря на свою левизну не освободились еще от меньшевицкого багажа?

Конечно, у левых в Германии были не только серьезные ошибки. Они имеют за собой также большие и серьезные революционные дела. Я имею в виду целый ряд их заслуг и революционных выступлений по вопросам внутренней политики и, в частности, избирательной борьбы, по вопросам парламентской и внепарламентской борьбы, об общей забастовке, о войне, о революции 1905 г. в России и т. д. Именно поэтому и считались с ними большевики, как с левыми, и поддерживали их, толкали их вперед. Но это не уничтожает и не может уничтожить того факта, что левые с.-д. в Германии вместе с тем имели за собой целый ряд серьезнейших политических и теоретических ошибок, что они не освободились еще от меньшевицкого груза и нуждались в виду этого в серьезнейшей критике со стороны большевиков.

Судите теперь сами, могли ли Ленин и большевики поддерживать левых с.-д. на Западе без серьезных оговорок, без серьезной критики их ошибок, не изменяя интересам рабочего класса, не изменяя интересам революции, не изменяя коммунизму?

Не ясно ли, что Слуцкий, упрекая Ленина и большевиков в том, по поводу чего он должен был бы их приветствовать, если бы он был большевиком, — разоблачает себя до конца, как полуменьшевика, как замаскированного троцкиста?

Слуцкий делает предположение, что Ленин и большевики в своей оценке левых на Западе исходили из своих фракционных соображений, что, стало-быть, русские большевики приносили в жертву интересам своей фракции великое дело международной революции. Едва ли нужно доказывать, что не может быть ничего пошлее и гнуснее такого предположения. Не может быть ничего пошлее, так как даже оголтелые пошляки из меньшевиков начинают понимать, что русская революция не есть частное дело русских, что она, наоборот, является делом рабочего класса всего мира, делом мировой пролетарской революции. Не может быть ничего гнуснее, так как даже профессиональные клеветники из II интернационала начинают понимать, что последовательный и до конца революционный интернационализм большевиков является образцом пролетарского интернационализма для рабочих всех стран.

Да, русские большевики выдвигали на первый план коренные вопросы русской революции, вроде вопросов о партии, об отношении марксистов к буржуазно-демократической революции, о союзе рабочего класса и крестьянства, о гегемонии пролетариата, о парламентской и внепарламентской борьбе, об общей забастовке, о перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую, о диктатуре пролетариата, об империализме, о самоопределении наций, об освободительном движении угнетенных наций и колоний, о политике поддержки этого движения и т. п.

Они выдвигали эти вопросы, как пробный камень, на котором они проверяли революционную выдержанность левых с.-д. на Западе. Имели ли они на это право? Да, имели. Не только имели, но обязаны были поступать таким образом. Они обязаны были поступать таким образом, так как все эти вопросы были вместе с тем коренными вопросами мировой революции, задачам которой подчиняли большевики свою политику, свою тактику. Они обязаны были поступать таким образом, так как только на таких вопросах можно было проверять по-настоящему революционность тех или иных группировок II интернационала. Спрашивается, в чем же тут «фракционность» русских большевиков и причем здесь «фракционные» соображения?

Ленин еще в 1902 году писал в своей брошюре «Что делать?», что «история поставила перед нами ближайшую задачу, которая является наиболее революционной из всех ближайших задач пролетариата какой бы то ни было страны», что «осуществление этой задачи, разрушение самого могучего оплота не только европейской, но также и азиатской реакции сделало бы русский пролетариат авангардом международного революционного пролетариата». Со времени выхода в свет брошюры «Что делать?» прошло 30 лет. Никто не смеет отрицать, что события за этот период блестяще подтвердили слова Ленина. Но не следует ли из этого, что русская революция была (и остается) узловым пунктом мировой революции, что коренные вопросы русской революции являлись вместе с тем (и являются теперь) коренными вопросами мировой революции?

Не ясно ли, что только на таких коренных вопросах можно было проверить по-настоящему революционность левых с.-д. на Западе?

Не ясно ли, что люди, рассматривающие эти вопросы, как вопросы «фракционные», разоблачают себя до конца, как пошляков и пережденцев?

3) Слуцкий утверждает, что не найдено еще достаточного количества официальных документов, свидетельствующих о решительной и непримиримой борьбе Ленина (большевиков) против центризма. Этим бюрократическим тезисом оперирует он, как неотразимым аргументом в пользу того положения, что Ленин (большевики), стало быть, недооценивал опасности центризма во II интернационале. Вы беретесь дискутировать против этой галиматии, против этого жульнического крючкотворства. Но что тут собственно дискуссионного? Разве не ясно и так, что разговорами о документах Слуцкий старается прикрыть убожество и фальшь своей так называемой установки?

Слуцкий считает существующие партийные документы недостаточными. Почему, на каком основании? Разве всем известных документов по линии II интернационала, так же как и по линии внутрипартийной борьбы в российской социал-демократии, недостаточно для того, чтобы со всей ясностью демонстрировать революционную непримиримость Ленина и большевиков в их борьбе против оппортунистов и центристов? Знаком ли вообще Слуцкий с этими документами? Какие ему нужны еще документы?

Допустим, что кроме уже известных документов будет найдена куча других документов в виде, скажем, резолюций большевиков, лишней раз трактующих о необходимости уничтожения центризма. Значит ли это, что наличия только лишь бумажных документов достаточно для того, чтобы демонстрировать действительную революционность и действительную непримиримость большевиков по отношению к центризму? Кто же, кроме безнадежных бюрократов, может полагаться на одни лишь бумаж-

ные документы? Кто же, кроме архивных крыс, не понимает, что партии и лидеров надо проверять по их делам, прежде всего, а не только по их декларациям? История знает немало социалистов, которые с готсвностью подписывали любые революционные резолюции, чтобы отписаться от назойливых критиков. Но это еще не значит, что они проводили в жизнь эти резолюции. История знает, далее, немало социалистов, которые с пеной у рта требовали от рабочих партий других стран самых что ни на есть революционных действий. Но это еще не значит, что они не пасовали в своей собственной партии или в своей собственной стране перед своими оппортунистами, перед своей буржуазией. Не потому ли учил нас Ленин проверять революционные партии, течения, лидеров не по их декларациям и резолюциям, а по их делам?

Не ясно ли, что если Слуцкий в самом деле хотел проверить непримиримость Ленина и большевиков в их отношениях к центризму, он должен был сделать основой своей статьи не отдельные документы и два-три личных письма, а проверку большевиков по их делам, по их истории, по их действиям? Разве у нас, в российской социал-демократии, не было оппортунистов, центристов? Разве большевики не вели решительную и непримиримую борьбу со всеми этими течениями? Разве эти течения не были связаны и идейно и организационно с оппортунистами и центристами на Западе? Разве большевики не разгромили оппортунистов и центристов так, как не громила их ни одна левая группа в мире? Как можно говорить после всего этого, что Ленин и большевики недооценивали опасности централизма? Почему Слуцкий пренебрег этими фактами, имеющими решающее значение для характеристики большевиков? Почему он не использовал наиболее надежный метод проверки Ленина и большевиков по их делам, по их действиям? Почему он предпочел менее надежный метод копания в случайно подобранных бумагах?

Потому что обращение к более надежному методу проверки большевиков по их делам мигом опрокинуло бы вверх дном всю установку Слуцкого.

Потому что проверка большевиков по их делам показала бы, что большевики являются единственной в мире революционной организацией, которая разгромила до конца оппортунистов и центристов и изгнала их вон из партии.

Потому что обращение к действительным делам и действительной истории большевиков показало бы, что учителя Слуцкого — троцкисты были главной и основной группой, насаждавшей в России центризм и создавшей для этого специальную организацию, как очаг централизма, в виде августовского блока.

Потому что проверка большевиков по их делам окончательно разоблачила бы Слуцкого, как фальсификатора истории нашей партии, пытающегося прикрыть центризм троцкизма довоенного периода клеветническими обвинениями Ленина и большевиков в недооценке опасности централизма.

Вот как обстоит дело, товарищи редакторы, со Слуцким и его статьей.

Вы видите, что редакция совершила ошибку, допустив дискуссию с фальсификатором истории нашей партии.

Что могло толкнуть редакцию на этот неправильный путь? Я думаю, что на этот путь толкнул ее гнилой либерализм, имеющий теперь среди одной части большевиков некоторое распространение. Некоторые большевики думают, что троцкизм есть фракция коммунизма, правда, ошибающаяся, делающая немало глупостей, иногда даже антисоветская, но все же фракция коммунизма. Отсюда некоторый либерализм в отношении троцкистов и троцкистски-мыслящих людей. Едва ли нужно доказывать, что

такой взгляд на троцкизм является глубоко ошибочным и вредным. На самом деле троцкизм давно уже перестал быть фракцией коммунизма. На самом деле троцкизм есть передовой отряд контрреволюционной буржуазии, ведущей борьбу против коммунизма, против советской власти, против строительства социализма в СССР.

Кто дал контрреволюционной буржуазии духовное оружие против большевизма в виде тезиса о невозможности построения социализма в нашей стране, в виде тезиса о неизбежности перерождения большевиков и т. п.? Это оружие дал ей троцкизм. Нельзя считать случайностью тот факт, что все антисоветские группировки в СССР в своих попытках сбросить неизбежность борьбы с советской властью, ссылались на известный тезис троцкизма о невозможности построения социализма в нашей стране, о неизбежности перерождения советской власти, о вероятности возврата к капитализму.

Кто дал контрреволюционной буржуазии в СССР тактическое оружие в виде попыток открытых выступлений против советской власти? Это оружие дали ей троцкисты, пытавшиеся устроить антисоветские демонстрации в Москве и Ленинграде 7 ноября 1927 года. Это факт, что антисоветские выступления троцкистов подняли дух у буржуазии и развязали вредительскую работу буржуазных специалистов.

Кто дал контрреволюционной буржуазии организационное оружие в виде попыток устройства подпольных антисоветских организаций? Это оружие дали ей троцкисты, организовавшие свою собственную антибольшевистскую нелегальную группу. Это факт, что подпольная антисоветская работа троцкистов облегчила организационное оформление антисоветских группировок в СССР.

Троцкизм есть передовой отряд контрреволюционной буржуазии.

Вот почему либерализм в отношении троцкизма, хотя бы и разбитого и замаскированного, есть головопашество, граничащее с преступлением, изменой рабочему классу.

Вот почему попытки некоторых «литераторов» и «историков» протасовать контрабандой в нашу литературу замаскированный троцкистский хлам должны встречать со стороны большевиков решительный отпор.

Вот почему нельзя допускать литературную дискуссию с троцкистскими контрабандистами.

Мне кажется, что «историки» и «литераторы» из разряда троцкистских контрабандистов стараются проводить свою контрабандную работу пока что по двум линиям.

В о-п е р ы х, они стараются доказать, что Ленин в период перед войной недооценивал опасности центризма, при этом предоставляется неискушенному читателю догадываться, что Ленин, стало быть, не был еще тогда настоящим революционером, что он стал таковым лишь после войны, после того как «перевозвооружился» при помощи Троцкого. Типичным представителем такого рода контрабандистов можно считать Слуцкого. Мы видели выше, что Слуцкий и компания не стоят того, чтобы долго возиться с ними.

В о-в т о р ы х, они стараются доказать, что Ленин в период перед войной не понимал необходимости перерастания буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую, при этом предоставляется неопытному читателю догадываться, что Ленин, стало быть, не был еще тогда настоящим большевиком, что он понял необходимость такого перерастания лишь после войны, после того как он «перевозвооружился» при помощи Троцкого. Типичным представителем такого рода контрабандистов можно считать Волосевича, автора «Курса истории ВКП(б)». Правда, Ленин еще в 1905 году писал, что «о т р е в о л ю ц и и д е-

мократической мы сейчас же начнем переходить, и как раз в меру нашей силы, силы сознательного и организованного пролетариата, начнем переходить к социалистической революции», что «мы стоим за непрерывную революцию», что «мы не остановимся на полпути». Правда, фактов и документов аналогичного порядка можно было бы найти в сочинениях Ленина многое множество. Но какое дело Волосевичам до фактов из жизни и деятельности Ленина? Волосевичи пишут для того, чтобы, подкрасившись под большевистский цвет, проташить свою антиленинскую контрабанду, налгать на большевиков и сфальсифицировать историю большевистской партии.

Вы видите, что Волосевичи стоят Слуцких.

Таковы «пути и перепутья» троцкистских контрабандистов.

Сами понимаете, что не дело редакции облегчать контрабандистскую деятельность подобных «историков» предоставлением им дискуссионной трибуны.

Задача редакции состоит, по-моему, в том, чтобы поднять вопросы истории большевизма на должную высоту, поставить дело изучения истории нашей партии на научные, большевистские рельсы и засстрить внимание против троцкистских и всяких иных фальсификаторов истории нашей партии, систематически срываая с них маски.

Это тем более необходимо, что даже некоторые наши историки, — я говорю об историках без кавычек, о б о л ь ш е в и с т с к и х историках нашей партии, — не свободны от ошибок, льющих воду на мельницу Слуцких и Волосевичей. Исключения не составляет здесь, к сожалению, и т. Ярославский, книжки которого по истории ВКП(б), несмотря на их достоинства, содержат ряд ошибок принципиального и исторического характера.

С ком. приветом
И. СТАЛИН

ЗА БОЛЬШЕВИСТСКУЮ ПАРТИЙНОСТЬ В ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Развернувшееся на настоящем этапе социалистическое наступление поставило перед партией и Коминтерном гигантские задачи всемирно-исторического масштаба и значения.

Обострение классовой борьбы, связанное с ликвидацией кулачества как класса и вступлением СССР в период социализма, а также быстро растущий экономический кризис и назревание элементов революционного кризиса в ряде капиталистических стран, настоятельно требуют мобилизации всех сил и ресурсов пролетарского авангарда. От успеха этой мобилизационной работы партии в первую очередь зависит успешное продвижение вперед и завоевание новых социалистических позиций пролетариата.

«Существо большевистского наступления состоит в том, — подчеркивал именно это условие т. Сталин, — чтобы мобилизовать партию для организации всего дела наступления, изгнав оттуда элементы бюрократизма и перерождения; и з о л и р о в а т ь и о т т е с н и т ь выразителей правого и «левого» уклонов от ленинской линии партии, выдвинув на первый план настоящих стойких ленинцев».

Именно исходя из этой установки, т. Сталин на конференции аграрников-марксистов сигнализировал о с т а в а н и е теоретической работы от практики и задач социалистического строительства и международного рабочего движения. А известное мартовское решение ЦК ВКП(б) по докладу Комакадемии требовало от научных работников переключить все свои силы «на разработку конкретных узловых проблем, связанных с текущими задачами партии и с классовой борьбой мирового пролетариата» (резолюция от 15 марта 1931 г.). Эти партийные директивы обязывали и исторический фронт, особенно его отдельные участки, к совершению необходимого поворота, к перестройке содержания и методов и к усилению темпов своей работы.

Эта перестройка тем более необходима, что усиления теоретического вооружения пролетариата требует сейчас вся международная обстановка пролетарской борьбы.

Никогда еще вопрос о роли СССР, Октябрьской революции и ВКП(б) не приобретал такого актуального и боевого политического значения в международной борьбе пролетариата, как сейчас. Отношение к СССР, к Октябрьской революции, к ВКП(б) является буквально мерилем для определения врагов и друзей мирового пролетариата.

Буржуазные и социал-фашистские теоретики и историки все более ожесточенно выступают против основ диалектического материализма и объявляют марксизм «обанкротившимся» и «устаревшим». Они зовут назад к Канту,

Лассалю, Швейцеру и т. п. Социал-фашисты и социал-интервенты из II интернационала выступают против революционных скачков, объявляя их «историческими аномалиями». Они открыто выступают против интернационализма, присоединяясь к фашистским призывам к шовинистическому национализму. Они отрицают историю как науку, фальсифицируют и извращают ее во имя защиты задач и текущей политики воинствующего империализма. Правые отщепенцы типа Брандлера, Ловстона и др. переходят все более и более явно на позиции социал-фашизма.

Авангардом контрреволюционной буржуазии является троцкизм. «Троцкизм дал контрреволюционной буржуазии духовное оружие против большевизма в виде тезиса о невозможности построения социализма в нашей стране, в виде тезиса о неизбежности перерождения большевизма и т. д.» (Сталин). В последнее время Троцкий дал целый ряд литературных работ («Моя жизнь», «Перманентная революция» и др.), единственная цель которых путем прямой и беззастенчивой фальсификации истории дискредитировать в глазах части европейских рабочих большевизм и оправдать многолетнюю и упорную борьбу Троцкого с большевиками, с Лениным, с советской властью. Сейчас поэтому больше чем когда-либо теоретическая борьба и в частности исторический фронт составляют неразрывную часть общей борьбы партии с классовыми врагами пролетариата как за рубежом, так и в самом Советском Союзе.

Значительная активизация реакционной профессуры, сращивание ее с эсеровскими и меньшевистскими теоретиками на почве вредительства и подготовки интервенции против СССР происходит и у нас — в СССР. Эволюция Тарле и Платонова, агрессивные выступления некоторых попутчиков, материалы из деятельности ряда маститых историков в Академии наук, процессы «промпартии» и меньшевистского блока, деятельность Рубина, Суханова и др. — все эти и подобные факты являются неопровержимым доказательством этого процесса.

Буржуазная и с.-д. историография, троцкистская и правооппортунистическая методология все еще оказывают влияние на работу отдельных историков-марксистов.

Вся современная обстановка обостренной классовой борьбы требует максимальной партийной бдительности, решительного и своевременного разоблачения различного рода ошибочных установок, льющих воду на мельницу наших врагов, требует усиленной разработки ленинского наследия. Между тем, далеко не все замеченные политические и исторические ошибки подвергались своевременной и глубокой партийной критике. Правда, проходившие дискуссии собрали большой критический материал и проделали чрезвычайно ценную критическую работу, преодолевая порой довольно значительное сопротивление со стороны отдельных историков. Эти дискуссии заострили внимание историков на заметном отставании и наметили основные линии поворота. Однако далеко не вся еще работа ими проделана. Результаты дискуссий реализуются пока очень медленными темпами. В этих условиях сигналом и серьезным политическим уроком для всех историков является письмо т. Сталина в редакцию журнала «Пролетарская революция», проявившую гнилой либерализм, поместив антипартийную, полутроцкистскую статью Слуцкого.

Письмо т. Сталина имеет громадное значение для всей партии и для Коминтерна. Оно дает освещение важнейших проблем текущего момента и требует поднятия на большую высоту партийно-политического уровня всей нашей теоретической работы.

Письмо т. Сталина особенно резко направлено против гнилого либерализма и примиренчества в отношении враждебных большевизму теорий. Оно требует, чтобы теория была теснее связана с практикой и чтобы внима-

ние научных работников было направлено на разрешение основных вопросов современности. Письмо т. Сталина сигнализирует политическую опасность проникновения в историческую литературу троцкистских теорий, которые служат сейчас оружием борьбы буржуазии, социал-фашизма и ренегатов Коминтерна против ленинизма, против ВКП(б) и Советского Союза.

Данные т. Сталиным сценки работ Слуцкого и Волосевича, представляющих контрабанду троцкизма, показывают нам пример настоящей большевистской непримиримости.

«Историки», протаскивающие контрабандой в нашу литературу «замаскированный троцкистский хлам», не исчерпываются Слуцким и Волосевичем. Такими же мошенническими методами, как Слуцкий, обвиняет Ленина и большевиков в непоследовательной борьбе с центризмом и другой «историк» Миронов в книжке «Каутский и революция». Миронов прямо заявляет, что оппортунизм Каутского не был обнаружен большевиками вплоть до войны, что Ленин до самой войны «рассматривал Каутского как революционера, как ортодоксального марксиста» и что «в соответствии с этим наша партия недооценивала значения борьбы, которая развернулась в германской с.-д. накануне войны»¹.

Миронов фальсифицирует историю партии, когда пишет, что «отношение большевиков к Каутскому и центру в целом изменяется только в 1914 г. в связи с возникновением войны» (стр. 55). Делая вывод о «недоучете ошибок Каутского» Лениным, Миронов пишет: «Все это объясняет ошибку, допущенную большевиками в оценке роли центра германской с.-д., в том числе и Каутского» (стр. 58). Эта клевета на Ленина и большевиков совершенно безнаказанно распространялась и в работах других «историков».

В работах Альтера о Каутском («Демократия против революции») и о Розе Люксембург («Роза Люксембург о пролетарской революции») имеются подобные же утверждения, будто Ленин недооценивал оппортунизм II интернационала. Во время дискуссии о германской с.-д. в Институте истории Комкадемии по вопросу о роли Ленина и большевиков на международной арене до войны допустили грубейшие политически «шибочные толкования и другие историки (Цобель, Бернштейн и др.). Цобель даже выставил чисто троцкистский тезис, будто Ленин не хотел раскола во II интернационале до войны и «не заметил оппортунизма во всей его величине».

Источником мудрствования всех этих «историков» типа Слуцкого является не кто иной, как явный контрреволюционер и ренегат Корш. В статье «Каутский и материалистическое понимание истории» он утверждает, что «ленинский большевизм» примыкал к «марксистскому центрризму» в качестве особого течения несмотря на большое с ним различие². В 1929 г. Корш выставил тезис о том, что «в основных чертах теории продолжает существовать попрежнему близкое родство между ленинской и каутскианской разновидностью марксистского центрризма»³.

Из ренегатского же лагеря исходит и другая популярная среди врагов ленинизма за рубежом идея о люксембургизме как господствующей теории международного пролетариата на данном этапе. Брандлер, Тальгеймер пытаются в настоящее время использовать имя Розы Люксембург в своей борьбе с большевизмом и даже с Советским Союзом. Выступление т. Радека на фракции О-ва историков-марксистов с теорией «моста» для масс от с.-д. к коммунизму, каким якобы могут быть сейчас взгляды Розы Люксембург, особенно политически вредно в свете этих ренегатских попыток

¹ Миронов, «Каутский и революция», стр. 54 и 56.

² Archiv für die Geschichte des Sozialismus, XIV, Jahrg., стр. 256.

³ Там же, стр. 258 (примечание 85).

использовать Розу Люксембург, затушевать ее ошибки и выставить с положительной стороны ее разногласия с Лениным и большевиками. Политически вредной является и другая теория Радека о создании Коминтерна из отдельных с.-д. ручейков.

В этих центристских ошибках т. Радека, не до конца им самим разоблаченных, по-троцкистски искажается международное значение большевизма и дается неправильная и политически вредная оценка роли «левых» во II интернационале.

Большевицкая партия во главе с Лениным была единственной партией, которая вела непримиримую борьбу с оппортунизмом и центризмом. «Ленинизм родился, вырос и окреп в беспощадной борьбе с оппортунизмом всех мастей, в том числе и с центризмом на Западе (Каутский) и с центризмом у нас (Троцкий и др.)» (Сталин).

Статья т. Сталина дает исчерпывающий ответ по вопросу о роли большевизма на международной арене и позиции и роли «левых» во II интернационале. Она решительно подчеркивает, что именно большевизм на всех этапах борьбы с оппортунизмом сохранял свое значение авангарда в международном рабочем движении.

Поэтому необходимо резко разоблачить троцкистских контрабандистов прежде всего в этом вопросе.

В непосредственной связи с троцкистской контрабандой по вопросу о роли большевизма на международной арене стоит и троцкистская клевета на партию по вопросу о перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую. И в этом вопросе Троцкий пытался фальсифицировать историю нашей партии, изображая Ленина заурядным с.-д., боровшимся с теорией перманентной революции, потому что он якобы ограничивал задачи пролетариата в революции 1905 г. чисто демократическими задачами, не имея в виду перехода к социалистической революции, какого требовал будто бы только Троцкий в своей теории перманентной революции. «Задачей ставилось (якобы большевиками. *Ред.*) не установление социалистического общества, даже не создание переходных форм к нему, а лишь беспощадная чистка авгиевых конюшен средневековья», пишет Троцкий в своей последней работе «История русской революции» (т. I, «Февральская революция»).

Беззастенчиво игнорируя многочисленные ленинские высказывания о том, что партия немедленно вслед за победой буржуазно-демократической революции, «в меру наших сил, сил сознательного и организованного пролетариата», начнет переход к революции социалистической, Троцкий приписывает большевикам и Ленину полное забвение исторических задач пролетариата: «Во всяком случае, — пишет Троцкий, — речи о руководящей роли пролетариата в буржуазной революции отнюдь не означали, что пролетариат использует крестьянское восстание для того, чтобы, опираясь на него, поставить в порядок дня свои собственные исторические задачи, т. е. прямой переход к социалистическому обществу». «У большевиков, — продолжает фальсифицировать историю Троцкий, — популярная и даже официально признанная идея гегемонии пролетариата в демократической революции не могла, следовательно, означать ничего, кроме того, что рабочая партия поможет крестьянам политическим оружием из своих arsenалов, подскажет им наилучшие способы и методы ликвидации феодального общества и покажет, как применять их на деле».

Теория Волосевича и др., утверждающая, будто Ленин до войны и революции 1917 г. не ставил вопроса о перерастании, является, таким образом, простым троцкистским перепевом. С теми же политическими и историческими ошибками, льющими воду на мельницу троцкистских фальсификаторов истории нашей партии, мы встречаемся и в целом ряде других работ

и даже учебников по истории партии (К. Попов, Резвушкин, Юдовский и др.). В четырехтомнике «История ВКП(б)» под редакцией т. Ярославского были допущены такие же связанные между собой серьезные принципиальные исторические ошибки по вопросам перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую, оценки характера и движущих сил революции 1905 г.; дано по существу троцкистское освещение тактики партии в февральско-мартовский период революции 1917 г. Кроме того допущены грубые ошибки в освещении характера Октябрьской революции и совершенно недостаточно освещен национальный вопрос.

В отношении четырехтомника должна быть развернута большевистская самокритика, тем более необходимая сейчас, когда политическая задача отпора троцкистским и иным фальсификаторам истории партии становится острее чем когда-либо и когда создание подлинно научной большевистской истории ВКП(б) является делом чести большевистских историков. Только недостатком классовой бдительности и наличием гнилого либерализма наших историков-большевиков можно объяснить такие антипартийные установки, как оценку большевиков в период февраля—марта 1917 г., совпадающую с троцкистской и фактически оправдывающую клеветнический тезис о перевооружении Ленина и большевизма (Кин).

В ходе обсуждения письма т. Сталина была сделана попытка объяснить эти ошибки желанием участников «Истории ВКП(б)» соблюсти чрезмерную объективность, игнорируя политическую целесообразность (Минц).

Такого рода попыткам нужно дать самый решительный отпор. Ошибки коллектива авторов «Истории ВКП(б)» (Эльвов, Кин, Баевский, Пионтковский и др.) именно в том и состояли, что они грешили против объективных фактов.

«В том-то и дело, что «История» Минца есть не объективная история... Тов. Минц и его друзья своей якобы «объективной» «Историей», а на самом деле сугубо субъективной «Историей» обслуживают завзятых клеветников и фальсификаторов истории партии—троцкистов» (Каганович). Эти ошибки должны быть в кратчайший же срок и радикально исправлены.

На основе большевистской партийности должна развиваться и дальнейшая самокритика на историческом фронте. Развертывание большевистской самокритики требует самого решительного отпора, с одной стороны, попыткам тормозить, сопротивляться, срывать критическую работу, с другой стороны, попыткам опошления большевистской самокритики, использования ее для защиты «гнилых», непартийных позиций, подмены ее различного рода беспринципными установками и т. п.

Именно под углом зрения письма т. Сталина должны быть тщательно просмотрены и подвергнуты критике все учебники по истории партии и Коминтерна.

Тов. Сталин поставил перед историками задачу «поднять вопросы истории большевизма на должную высоту, поставить дело изучения истории нашей партии на научные большевистские рельсы и заострить внимание против троцкистских и всяких других фальсификаторов истории нашей партии, систематически срывая с них маски».

У нас до сих пор нет истории партии, написанной простым, доступным и живым языком «для трудящихся, для настоящей массы народа, для рядовых рабочих и крестьян», популярной, как говорил Ленин, «в смысле доступности миллионам». Молодежь, обучающаяся в советских школах, новые пополнения нашей партии, лучшие рабочие-ударники, растущий колхозный актив, широкие массы зарубежных пролетариев — вот для кого необходим яркий показ героической борьбы партии Ленина и всего Коммунистического интернационала.

Марксистско-ленинское воспитание коммунистов, комсомольцев, беспартийных рабочих, идейное вооружение братских компартий для борьбы с капиталистами и их пособниками — социал-фашистами разных мастей, брандлерианцами, с контрреволюционным троцкизмом и другими врагами большевизма — состоит прежде всего в усвоении миллионами истории большевизма и истории Коммунистического интернационала. Недаром Ленин исправляя политические ошибки братских компартий, постоянно обращался к истории большевизма. Ленин при этом настойчиво напоминал, что «возникший на гранитной теоретической базе большевизм проделал... практическую историю, которая по богатству опыта не имеет себе равной в свете».

Враги партии, боровшиеся против политики большевизма, всегда стремились фальсифицировать и извратить его историю. Очернить перед рабочим классом вчерашний день большевизма означало и означает для меньшевиков, троцкистов, оппортунистов всех сортов и оттенков возможность облегчить борьбу с большевизмом сегодня и завтра. Когда организаторы меньшевистской «Искры» Мартов и Троцкий пытались извратить историю старой «Искры» и роль в ней Ленина, они вели политическую борьбу с теорией и практикой гегемонии пролетариата в первой русской революции. Меньшевики продолжали эту борьбу в 1906-07 гг. на страницах пятитомника «Общественное движение в России в начале XX в.». Тогда же Ленин предлагал «употребить все средства и силы на большевистскую историю революции в противовес меньшевистски-ликвидаторской истории»¹. В 1924 г. Троцкий, ведя борьбу с партией, выпустил «Урки Октября», маскируя политическое содержание этой работы «исторической» оболочкой. Нечего и говорить, какой грязной клеветой на нашу партию явились последние писания Троцкого «Моя жизнь» и «Февральская революция». Историческими экскурсами занимались и бывшие лидеры правой оппозиции. Такими «экскурсами» были «Политическое завещание Ленина» и статья «К десятилетию программы партии», принадлежавшие перу т. Бухарина.

Для борьбы с этой фальсификацией истории должна быть мобилизована и поставлена на большую научную и политическую высоту вся научно-исследовательская работа историков-марксистов и особенно политически заострена вся их научно-популяризаторская деятельность. В первую очередь должна быть подчеркнута необходимость политической актуальности тематики наших исторических работ. Связь теории с практикой в области истории не только возможна, но и абсолютно необходима. «История», — писал М. Н. Покровский, — должна непосредственно и неустанно разъяснять массам происходящую классовую борьбу, вскрывать корни, иногда глубоко скрытые, классовых противоречий, словом обнажать и подвергать беспощадному марксистско-ленинскому анализу все те политические конфликты, которые перед нами происходили, что совершенно невозможно без исторического подхода к этим конфликтам»².

На основе политических уроков, вытекающих из статьи т. Сталина, должно определиться общее направление и содержание научно-популярного органа Общества историков-марксистов «Борьба классов». Ставя своим лозунгом и своей задачей марксистско-ленинское воспитание низового партийного и рабочего актива на историческом материале, пытаюсь превратить факты прошлого в исторический комментарий к текущим политическим событиям, «Борьба классов» должна еще резче, острее и непримиримее бо-

¹ Ленин, собр. соч., т. XIV н. изд., стр. 120.

² «Историк-марксист», № 21, стр. 5.

роться за осуществление лозунга партийности в исторической науке, за проведение борьбы на два фронта, делая упор на борьбу с главной опасностью — правой, но в то же время не ослабляя борьбы с «левым» оппортунизмом и с примиренчеством, представляющим худший вид скрытого оппортунизма.

«Борьба классов», учитывая политические директивы партии, должна провести решительную борьбу с фальсификаторами истории нашей партии и Коминтерна. Одновременно она должна систематически знакомить и воспитывать широкий актив на правильном понимании основных проблем истории партии, мобилизуя массы на борьбу за «аксиомы большевизма», которые пытаются подвергнуть пересмотру враги партии. Вопросам истории большевизма, истории Коминтерна, истории рабочего и революционного движения и роли Ленина и большевиков в нем должно быть уделено наибольшее внимание и место в нашем журнале.

При этом проблемам массового рабочего движения, особенно послевоенного периода, проблемам борьбы идеологических влияний, а также проблемам империализма и международного значения большевизма на всех его исторических этапах должно быть уделено столь же значительное место.

«Борьба классов» — в шеренге других исторических журналов — должна еще более учесть значение на данном этапе овладения массами марксистской теорией и построить всю работу журнала в направлении четкого и политически заостренного воспитания масс, в направлении большевистской закалки новых партийных кадров.

Поднять историческую работу на уровень огромных социалистических задач нашей страны и нашей эпохи, повысить большевистскую непримиримость и бдительность в работе, покончить с гнилым либерализмом в отношении враждебных пролетариату теорий, перестроить содержание и темпы работ нашего органа в соответствии с общей перестройкой исторического фронта, под лозунгом боевой партийности исторической науки — такова общая линия «Борьбы классов», определяемая политическими директивами, вытекающими для нас из статьи т. Сталина.

ДЕСЯТЬ ЛЕТ ИНСТИТУТА КРАСНОЙ ПРОФЕССУРЫ

Наша задача побороть всякое сопротивление капиталистов, не только военное и политическое, но и идейное — самое глубокое и самое мощное.

Ленин

В. И. Ленин неоднократно указывал, что и д е й н о е сопротивление капиталистов является самым глубоким и самым мощным и что преодолеть его можно лишь в результате упорной работы всей партии. Для того чтобы победить на фронте культуры, требовались значительно более длительные сроки, чем для политической и военной побед. «Политически победить,— говорил Ленин,— можно в эпоху обострения кризиса в несколько недель. На войне можно победить в несколько месяцев, а культурно победить в такой срок нельзя; по самому существу дела тут нужен срок более длинный, и надо к этому более длинному сроку приспособиться, рассчитывая свою работу, проявляя наибольшее упорство, настойчивость и систематичность»¹.

Партия с исключительным упорством и настойчивостью неустанно развертывала культурное строительство, занимала и укрепляла один за другим участки громадного и сложного идеологического фронта. Привлекая и используя буржуазных и мелкобуржуазных специалистов, партия вместе с тем доподлинно большевистскими темпами готовила свои пролетарские и партийные кадры и при их помощи обеспечивала марксистско-ленинское направление в работе всех ступеней идеологического фронта. Завоевание идеологических позиций проходило в условиях острой классовой борьбы. Классовый враг упорно всеми способами оказывал и оказывает жестокое сопротивление. Опыт последних лет показал, что остатки отчаянно сопротивляющейся буржуазии упорнее и дольше всего

удерживаются как раз в различного рода ученых и учебных организациях.

Октябрьская революция и последовавший за ней значительный подъем революционного движения на Западе и Востоке, с одной стороны, сами представили колоссальнейший материал для теоретического исследования и, с другой, предъявили громадные требования к тщательнейшему исследованию всего опыта истории классовой борьбы.

В. И. Ленин в октябре 1920 г. на III съезде РКСМ, отвечая на вопрос, почему учение Маркса могло овладеть миллионами и десятками миллионов сердец самого революционного класса, заявил: «Это произошло потому, что Маркс опирался на прочный фундамент человеческих знаний, завоеванных при капитализме; изучивши законы человеческого общества, Маркс понял неизбежность развития капитализма, ведущего к коммунизму... И дальше,— продолжает Ильич,— все то, что человеческой мыслью было создано, он (т. е. Маркс Д., П.) подверг критике, проверив на рабочем движении, и сделал те выводы, которых ограниченные буржуазными или связанными буржуазными предрассудками люди сделать не могли»¹.

Никогда спрос на революционную теорию не был так велик в самых широких массах, как после Октябрьской революции. Теория в самом подлинном смысле становилась материальной силой, двигающей массы. Перед партией с громадной остротой встала задача подготовки большевистских кадров теорети-

¹ Ленин, собр. соч., т. XXVII, стр. 52.

¹ Ленин, собр. соч., т. XXV, стр. 387.

ксов. Последние должны были, прежде всего, подвергнуть тщательному анализу работы буржуазных и мелкобуржуазных ученых. Используя знания, завсёванные при капитализме, теоретики большевизма обязаны были критически их пересмотреть. Как раз к этому времени многие буржуазные ученые усиленно заигрывали с марксизмом, декларировали преданность советской власти. История в очень скором времени показала, что декларации многих из них были всего лишь маскировкой классового врага.

Ленин в статье «О значении воинствующего материализма» приводит очень меткую характеристику буржуазных ученых, данную Дицгеном-отцом. «Профессора философии, — говорил Дицген, — в современном обществе представляют собой в большинстве случаев не что иное, как дипломированных лакеев поповщины». И дальше, приводя примеры, подтверждающие оценку Дицгена, из среды «российских интеллигентов», в частности, указывая на работы историка Р. Виппера, Ильич призывает к неуклонному разоблачению всех современных дипломированных лакеев поповщины — «все равно, выступают ли они в качестве представителей официальной науки или в качестве вольных стрелков, называющих себя «демократическими левыми или идейно социалистическими» публицистами»¹.

Но перед партией и рабочим классом задача борьбы и разоблачения буржуазной науки выдвигалась лишь как часть другой, более общей задачи: политического воспитания масс борцов и строителей в духе коммунизма. Октябрьская революция подняла к сознательной политической жизни многие миллионы рабочих и крестьян, ранее забитых гнетом самодержавия и капиталистической эксплуатации. С небывалой быстротой в условиях революции росли и зрели новые силы. Они хотели понять смысл той гигантской борьбы, на которую их подняла Октябрьская революция, и жадно тянулись к нужной и понятной книжке, которая помогла бы им в этом осмыслении их исторического пути.

¹ Ленин, собр. соч., т. XXVII, стр. 183.

Одним из очагов политического воспитания масс в годы гражданской войны была армия. В столицах — Москве и Ленинграде — напряженно создавались и по-боевому работали высшие культурно-просветительные курсы и школы. Но они работали, отдавая все свои главные силы фронту. В самом разгаре гражданской войны был создан университет им. Я. М. Свердлова — первая высшая коммунистическая школа в советской России. Отсюда выходили первые по-боевому подготовленные — первые марксистско-ленинские, большевистские — кадры. Они были повсюду — в армии, в деревне, в промышленности, на фронте просвещения, первыми марксистски ориентирующимися организаторами, агитаторами, пропагандистами и политическими руководителями.

Наступала зима 1920 г.

Один за другим ликвидировались фронты. Армии частично перебрасывались на трудовой фронт, частично демобилизовались. Страна постепенно переорганизовывалась и мобилизовала свои силы и ресурсы для организации нового — хозяйственного фронта. Для решения новых задач требовались громадное повышение культуры в стране, напряженная подготовка приспособленных к строительству кадров, развернутая идеологическая работа и борьба с наиболее трудным и опасным и дейным сопротивлением классового врага.

В эту именно эпоху перехода от гражданской войны к организации хозяйственного фронта и был создан по инициативе В. И. Ленина первый форпост борьбы за большевистские научные кадры — Институт красной профессуры.

Какими путями шел и какую эволюцию пережил ИКП за десять лет своего существования?

Самое зарождение ИКП находится в непосредственной связи с первыми в советской стране ячейками рабочего и коммунистического образования: с коммунистическим университетом им. Свердлова и рабочими факультетами при старых университетах.

В широко популярной Свердловии под руководством М. Н. Покровского в 1919-

20 гг. готовились и первые марксистски-подготовленные кадры научных работников, которые сыграли потом немалую роль в организации будущего Института красной профессуры.

Коммунистическая Свердловия была первым этапом на пути к созданию более высокой ступени коммунистического образования, каким стал Институт красной профессуры.

Вторым явились рабфаки. Хотя между ними и ИКП в процессе его создания была менее очевидная внешняя связь, чем между ИКП и Свердловией, но в истории создания ИКП роль рабфаков не может остаться не отмеченной. Их организатором и вдохновителем был М. Н. Покровский. Рабфаки были созданы при университетах в сентябре 1920 г., и только они действительно открыли двери высшей школы для рабочих.

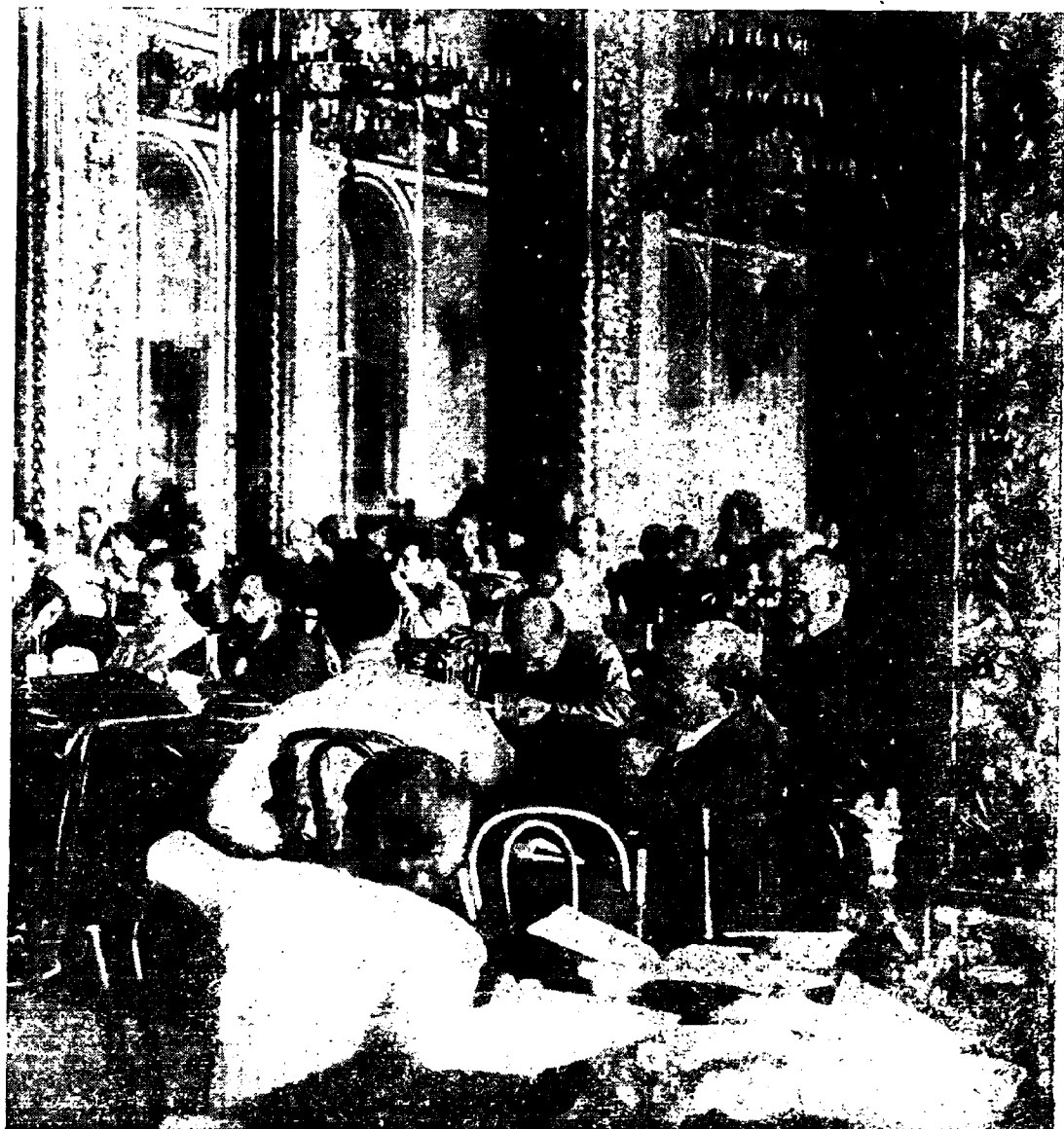
Завоевать, пролетаризировать высшую

школу в 1918-19 гг., не имея ни своих кадров, ни студенчества, ни своей профессуры, многим казалось задачей неразрешимой, равносильной разрешению квадратуры круга.

Рабфаки должны были стать коридором в вузы для пролетарской молодежи, и они стали ими уже в первые годы своего существования. Рабфаки дали многотысячные кадры пролетарского студенчества несмотря на тот саботаж и клевету, которыми встретила буржуазная профессура рабфаковскую рабочую аудиторию.

Именно отсюда и пошло завоевание высшей школы. Рабфаки первые практически поставили вопрос о новой, своей профессуре.

«Рабфаки,— рассказывает М. Н. Покровский,— родились от союза между коммунистическим студенчеством Плехановского института (тогда института

В. И. Ленин и М. Н. Покровский на II конгрессе Коминтерна в августе 1920 г.

имени Маркса) и замоскворецкими металлантами». И эта коммунистическая и рабочая молодежь требовала иного преподавателя, особенно в области общественных наук — марксиста, который бы по-ленински объяснил пройденный и предстоящий путь борьбы за коммунизм. Таких преподавателей прежняя высшая школа не давала и не могла дать. Систематической подготовки преподавателей высшей школы вообще никогда в России не существовало. Старые профессора сами подыскивали себе из студенческой среды учеников и преемников. Такой иногда случайно попавший в милость студент оставался при университете, защищал диссертацию и становился профессором. Иногда же, что бывало реже, группы студентов посылались за границу и оттуда возвращались готовыми профессорами. В обоих случаях принципом отбора будущей профессуры оставалось основное требование — политическая благонадежность, ненависть к революции, безличное послушание и подчинение профессору и начальству. Открыто неверующий профессор не мог иметь кафедры в царской России, как не мог ее получить и революционный марксист и диалектик.

Созданная зимой 1920 г. комиссия по коренному преобразованию преподавания общественных наук в высшей школе (так называемая комиссия Ротштейна) пришла также к выводу, что старый профессорский персонал не в состоянии преобразовать преподавания общественных наук. Тогда было намечено два выхода: 1) сконцентрировать на преподавательской работе марксистско-подготовленные партийные кадры, освободив их хотя бы на одну треть от советской и иной работы, и 2) начать немедленную подготовку с в о е й профессуры из коммунистической и пролетарской молодежи.

Но при этом речь шла не просто о подготовке марксистски грамотных преподавателей для высшей школы. «Марксистски грамотными» — в формальном смысле — были и меньшевики. Революции нужна была «молодежь, глубоко проникшаяся принципами революционного марксизма, умеющая делать из учения Маркса все теоретические и практи-

ческие выводы, какие можно сделать» (М. Н. Покровский). Такая молодежь, особенно в связи с массовой демобилизацией армии в начале 1921 г., была уже в наличии.

Вот почему оказался возможным 11 февраля 1921 г. подписанный В. И. Лениным декрет Совета народных комиссаров о создании Института красной профессуры. Декрет гласил: «Учредить в Москве и Петрограде институты по подготовке красной профессуры для преподавания в высших школах республики теоретической экономики, исторического материализма, развития общественных форм, новейшей истории и советского строительства».

Организатором и руководителем намеченного и одобренного Лениным института был назначен М. Н. Покровский. Немедленно после издания декрета была создана под председательством М. Н. Покровского комиссия по организации Института красной профессуры, в состав которой вошли такие профессора-коммунисты, как Н. М. Лукин, В. П. Волгин, Ш. А. Двойлацкий, а также некоторые сотрудники М. Н. Покровского по Наркомпросу и Свердловии. Закипела лихорадочная работа, и развернулся целый ряд боев за быструю и решительную реализацию ленинского декрета об организации ИКП. М. Н. Покровскому пришлось лично отстаивать право на жизнь его нового детища. 7 апреля СТО вынес решение о создании ИКП не в Москве, а в Петрограде. Это грозило опасностью не собрать и без того скудные преподавательские кадры, пришлось отстаивать Москву. Трудный и упорный бой шел даже вокруг самого здания для института. Сначала разместились тесно и скученно в кельях б. Страстного монастыря. Затем после долгих споров с Наркомпросом и с районным советом заняли большое здание на Остоженке, 53, где ИКП жил потом многие годы, где он окреп, вырос и дифференцировался на ряд самостоятельных институтов по специальности.

Но главное внимание в этот период организационная комиссия уделила разработке учебного плана, программ и методов преподавания в ИКП. Были

намечены следующие циклы: теоретическая экономия (под руководством Мархлевского), исторический материализм (Удальцов), история (Покровский, Волгин и Лукин) и советское строительство (Ларин). Весь первый курс предлагалось посвятить укреплению марксистского фундамента слушателей, которые должны были одновременно заниматься политэкономией, философией и историей.

Но уже в этом первом году обнаружилось самое больное место института — отсутствие подходящих преподавателей. «Приходится констатировать, — с тревогой писал М. Н. Покровский в отчетной статье к первой годовщине института, — что половина работы по подготовке будущих борцов за коммунизм в нашей высшей школе производится некоммунистами».

За ИКП бронировались все виднейшие теоретические силы партии, но они оказывались перегруженными практической работой, не могли готовиться и отказывались от работы в ИКП. Измученные в ожидании руководителей-коммунистов слушатели требовали дать им хотя бы советски близких профессоров, идущих к марксизму. Эти профессора не могли поставить преподавание актуальных проблем. Приходилось брать у них то, что они могли дать, и изучать историю Рима и Греции у проф. Преображенского и Сергеева, политэкономия у Рубина, философию у Аксельрод-Ортодокс. Но это положение не могло быть терпимо. И руководители ИКП продолжал бить тревогу: «Речь идет о борьбе за коммунизм в высшей школе, — повторял устно и в печати М. Н. Покровский. — Молодежь, настоящая коммунистическая молодежь, почти сплошь, не исключая даже и женщин, прошедшая фронты, — у нас есть. Жажда учения у нее колоссальная. Боевое марксистское настроение великолепное, но сделать из этого теста такой хлеб, какой нужен коммунистической революции в высшей школе, может только рука пекаря-коммуниста».

Пришлось институту не только печь хлеб, но и организовать фабзавуч для подготовки «молодых пекарей». Таким фабзавучем была педагогическая работа слуша-

телей ИКП сначала вне стен ИКП, в различных вузах и комвузах Москвы, а потом и в самом институте. Наиболее подготовленные и успевающие слушатели ИКП по окончании, а нередко и с III курса начинали преподавание на младшем курсе ИКП. При этом, именно благодаря созданию нового кадра преподавателей-коммунистов — слушателей, кончающих и кончивших ИКП, — удалось осуществить чрезвычайно важное начинание ИКП — организацию при нем подготовительного отделения. Наиболее активным его организатором и руководителем был А. Я. Троицкий, один из наиболее та-

А. Я. Троицкий — организатор подготовительного отделения ИКП

лантливых слушателей ИКП первого выпуска, буквально сгоревший на своей работе. Подготовительное отделение внесло резкий перелом, улучшив социальный состав ИКП.

15 мая 1923 г. правление ИКП, принимая постановление об организации подготовительного отделения, именно эту задачу считало основной: «Считая целесообразным и желательным поступление в ИКП рабочих, окончивших рабфаки, организовать подготовительные курсы и обеспечить их преподавателями, слушателями III курса».

Забота об улучшении социального состава ИКП все время не покидала его организаторов и руководителей.

В 1922 г., делая свой первый годовой отчет об итогах работы ИКП, М. Н. Покровский подчеркивал имевшиеся при организации ИКП опасения, что среди партийной молодежи того времени не найдется достаточного количества подготовленных для ИКП кандидатов. Поэтому при первом приеме были допущены в ИКП и беспартийные, принимаемые с рекомендацией партийных организаций. Но опасения оказались напрасными. В первом же году было подано 289 заявлений, по которым было принято 93 чел. и среди них 5 беспартийных. Хуже оказался социальный состав слушателей. Рабфакской пролетарской молодежи, которая уже кончала бы вузы, еще не было. Кандидатов в красную профессию приходилось искать, главным образом, среди партийной интеллигенции. «Это были, — вспоминает М. Н., — демобилизованные из армии партийцы, «оставленные» при университете в свое время, были студенты старших курсов, были просто люди, дома самостоятельно учившиеся, но эти жаждущие учиться молодые люди искали какого-нибудь места, где они могли бы продолжить свое научное образование, свою научную подготовку. Вся эта масса и образовала первый состав Института красной профессуры и первый год выпуска. Затем подошли и другие... Эти подошедшие и были той пролетарской молодежью, из которой преимущественно формировалось все время подготовительное отделение, поставлявшее интенсивно и планомерно подготовляемые пролетарские кадры для основных отделений. Первоначально в ИКП существовало три основных отделения, где слушатели специализировались по трем специальностям: политэкономии, философии и истории.

Постепенно задачи усложнялись, специальности дифференцировались. ИКП, отвечая потребностям социалистической стройки в СССР и задачам партии на каждом этапе, должен был организовать сначала правовое, потом естественное отделение, затем историко-партийное, восточное, литературное и профсо-

юзное. Эти отделения часто начинали свою жизнь с секций, а кончали превращением в самостоятельные институты, входящие сейчас в систему научно-исследовательских организаций Комкадемии. Но такой громадный организационный рост ИКП оказался возможным только потому, что он развивался в атмосфере упорной идеологической борьбы за марксизм и ленинизм, возглавляемой руководством Института в лице М. Н. Покровского. С первых дней существования Институт красной профессуры строился не как академическая профессорская лаборатория, а как партийно-боевой идеологический центр марксистско-ленинской науки, сочетающий теорию с практикой, удовлетворяющий запросы партии и выполняющий социальный заказ пролетариата. «Марксистская наука, — писал М. Н. Покровский в одной из статей и неустанно повторял в своих устных выступлениях, — марксистская теория всегда неразрывно связана с практикой, поэтому современность является исходной точкой для всякой теоретической работы марксизма, чему бы она ни была посвящена».

Исходя из этой установки, М. Н. Покровский постоянно подчеркивал, что всякая наука не только должна быть классовой, но и партийной наукой. В этом отношении он особенно выделял историю как науку сугубо политическую. Эта идеологическая борьба велась и ведется на всех семинарах М. Н. Покровского и на других семинарах, руководимых профессорами-коммунистами. Именно в этой борьбе за марксизм и ленинизм, в борьбе за преодоление пережитков буржуазного мирозерцания, за принципиальную чистоту марксизма, рос и зрел Институт красной профессуры, представляя самую передовую коммунистическую науку и отдавая свои силы на выполнение задач партии и рабочего класса в их борьбе за коммунизм. Ее результаты находили свое отражение в специальных сборниках и монографиях, выпускаемых его учениками. Например, в сборнике «Русская историческая литература в классовом освещении» прицел был сделан на буржуазную историографию. В других ра-

ботах были вскрыты ошибочные, немарксистские установки Рожкова, Плеханова, Троцкого.

Что же дал партии и рабочему классу за годы своего существования Институт красной профессуры в области истории? Небольшое историческое отделение, организованное и неизменно руководимое М. Н. Покровским, выросло за десять лет в солидный самостоятельный Институт истории.

Приведем общие данные приемов и выпусков историков, характеризующие динамику развития исторического отделения и превращения его в институт.

Г о д ы	П р и е м	В ы п у с к
1921	28	—
1922	13	—
1923	12	—
1924	12	12
1925	15	12
1926	20	10
1927	25	10
1928	32	3
1929	26	13
1930	34	28
1931 (январь)	37	—
1931 (осень)	130	34
	384	122

Итак, за десять лет всего выпущено 122 чел. Часть слушателей выбыла на работу или по болезни, часть была исключена по различным мотивам. В настоящее время Институт имеет 250 чел. Разбивка по отделениям и курсам представляется в следующем виде.

Курсы	Отделение народов СССР	Отделение народов Запада	Отделение народов Востока	Пр.ф. отделение	Всего на курсе
1 (осенний)	34	30	27	42	133
1 (январский)	22	22	2	—	46
2-й	28	20	5	—	48
3-й	10	9	—	—	19
Всего по отделению	89	81	34	42	246

Кроме того мы имеем хорошо работающий ИКП истории при ленинградском

отделении Комакадемии, насчитывающий около 40 чел., и открываем филиал ИКП в составе двух семинаров (народов СССР и Запада) в Нижнем-Новгороде. В ближайшие годы будет открыт еще ряд филиалов. Институт истории в Москве в ближайшие три-четыре года вынужден ограничиться контингентом приблизительно в 500—600 слушателей. Основная линия его дальнейшего роста должна быть направлена на организацию и обслуживание филиалов в крупнейших центрах.

Окончившие за десять лет историки в настоящее время распределяются следующим образом:

Название отделения	В Москве	В провинции		Итого
		Общее количество	В том числе в Ленинграде	
Истории народов СССР	31	43	6	74
Истории народов Запада	24	9	4	33
Истории народов Востока	4	6	—	10
В с е г о	59	58	10	117

Количественный рост Института сопровождался и соответствующим его качественным улучшением. В наборах 1921—1925 гг. доля служащих колеблется от 84 до 94%, в то время как рабочие составляли от 8 до 15%. Несколько улучшают состав наборы, включившие уже слушателей, окончивших подготовительное отделение. Так, в годы 1926—1930 доля служащих колеблется от 60 до 68%, а рабочих от 20 до 37%. Такое же соотношение и в цифрах выпуска. Начиная с 1924 по 1928 г., процент рабочих среди выпускников был совершенно ничтожен, служащие составляли от 90 до 100%. Так, выпуски 1924, 1927 и 1928 гг. дали 100% служащих. За эти пять лет из общего состава 47 чел. окончивших — рабочих было только 3. Очень не намного улучшился социальный состав последних выпусков. С 1929 по 1931 г. служащие составляют от 74 до 80%.

В общем из 122 окончивших ИКП истории за десятилетие служащие составляют 84%, крестьяне — 3% и рабочие — 13%.

Лишь в последнее время в связи с ростом общего контингента Института, проведения значительной работы по организации набора и отбора поступающих мы замечаем заметные сдвиги. Осенний прием 1931 г. дал 64% рабочих. В настоящее время в общем составе Института удельный вес рабочих равен 50%. Средний партийный стаж слушателей равняется, примерно, одиннадцати годам. Значительная часть товарищей приходит с большим стажем практической, партийной и другой работы. В последнем наборе товарищи, пришедшие непосредственно с партийной работы, составляют 30% с лишним, с советской, профессиональной и другой около 30%, с учебы и преподавательской работы также, примерно, одна треть.

Достигнуты результаты и по вербовке женщин в Институт. В составе выпущенных женщины составляют 18%, в наборе текущего года — 23%.

В составе слушателей ИКП истории представлены 22 национальности. Зна-

Библиотека ИКП

чительным достижением, хотя еще очень недостаточным, является вовлечение группы в 30 чел. националов — представителей советского Востока и около 20 чел. представителей западных национальностей.

От анализа состава Института обратимся к содержанию его работ.

Основное содержание учебных планов, программ исследовательских семинаров целиком определялось общими задачами исторического фронта.

Как осуществляли основные отделения ИКП истории свои политические и научные дороги на разных этапах? В отделении народов СССР почти каждый год ставились семинары, в которых подвергались детальному разбору и разоблачению исторические схемы Чичерина, Соловьева, Лаврова, Щапова, Ключевского, Милюкова, Плеханова, концепции славянофилов, федералистов, а в последние годы Троцкого, Грушевского и др. Изучались исторические взгляды декабристов, общественных деятелей 40—60-х годов (Герцен, Чернышевский). В результате работ этих семинаров вышел сборник по русской историографии.

В процессе изучения и критики буржуазной и меньшевистской историографии, а также в специальных исследовательских семинарах за минувшее десятилетие были разработаны узловые проблемы истории бывшей царской России. Проблемы крепостничества, русской общины, происхождения самодержавия, петровские реформы, история, сущность и последствия реформы 1861 г., крестьянские движения, декабристы, общественные движения 40—60-х годов, революционное народничество — все эти вопросы подвергались серьезному изучению в семинарах ИКП.

На базе прохождения институтских курсов вышел ряд печатных работ молодых историков: по крепостничеству, по крестьянским революциям, по декабристам, 60-м годам, истории народничества и т. п. В ИКП истории был организован целый ряд серьезнейших дискуссий. Последние сыграли исключительную роль в выработке ленинского понимания исторического процесса. Систематическая критика троцкистской теории о происхождении самодержавия, решительное разоблачение ошибочных установок т. Дубровского и его защитников в понимании проблем общественно-экономических формаций, уяснение ряда вопросов, связанных с крепостничеством, самодержавием и ролью торгового капи-

Читальный зал Института красной профессуры

тала, было громадным завоеванием исторического фронта. Значительную роль сыграла также решительная большевистская критика взглядов Теодоровича и тех, кто в той или другой форме его защищал по вопросу об истории «Народной воли».

Наряду с этим значительное внимание уделялось эпохе империализма. Проблема хронологии, содержание, особенности финансового капитала и империализма в России уже несколько лет подвергаются серьезной дискуссии. За это время появилась значительная литература, трактующая эти вопросы. Также серьезно ставились отдельные проблемы аграрного развития России. Подвергались разработке вопросы, связанные с ленинским пониманием двух путей развития, сущность столыпинской реформы и ряд других.

В центре внимания старших курсов ставятся проблемы революции 1905 г., рабочего и крестьянского движения до и после войны, изучения предпосылок и хода Октябрьской революции и гражданской войны. Общие работы по революциям 1905 и 1917 гг. (очерки под ред. М. Н. Покровского являются итогом работ руководимого им семинара ИКП), специальные работы по истории предпосылок Октябрьской революции, по истории советов, рабочего движения, крестьянского движения, по истории гражданской войны явились результатом практического выполнения программ

ИКП. Кроме того ряд икапистов участвовал в работе по истории партии и по отдельным вопросам, связанным с историей национальных республик и областей.

Западное отделение работало, примерно, в том же направлении. Почти все годы первые курсы западников занимались изучением генезиса капитализма главным образом на примере Англии (семинары Савина и Косминского по Англии XVI—XVII вв.) и историей утопического социализма (семинар Волгина). На вторых курсах обычно ставились семинары по историографии Великой французской революции в семинарах Н. М. Лукина, изучались концепции Минье, Тьера, Ламартина, Луи Блана, Лоренца Штейна, Токвиля, Тэна, Олара, Жореса, русской школы (Кропоткин, Лучицкий, Ковалевский, Кареев), наконец, на третьих курсах ставилось изучение германской с.-д. партии (Лукин, Радек) или французского рабочего движения до войны (семинар Лукина). В одно время был специальный семинар по изучению исторической концепции Допша и его школы.

Разоблачение буржуазной и с.-д. историографии и на сегодняшний день имеет исключительное политическое значение. Работа, проделанная в этой области историками Запада, целиком вытекала из задач партии и Коминтерна.

В результате прохождения учебной программы вышел ряд печатных работ

Занятия семинара по истории пролетариата (Ин-т истории ИКП)

по отдельным вопросам истории Великой французской революции, по истории социалистических идей, по отдельным вопросам рабочего движения, в частности рабочего движения в эпоху империализма. По инициативе ИКП и главным образом силами кончивших и продолжающих учебу молодых историков проведена в этом году общая дискуссия о положении на западном участке исторического фронта, которая вскрыла значительные недостатки в работах историков-марксистов, отметила резкое отставание работы историков от требований социалистического строительства и международного рабочего движения и наметила основные линии поворота.

Восточное отделение до последнего года не имело четко оформленного профиля своей работы, вследствие чего программы восточников не имели определенной целевой установки. Лишь после реорганизации восточного отделения оно получило определенное направление. В настоящее время слушатели восточного отделения в основном изучают историю зарубежного Востока и специализируются по истории важнейших стран (Китай, Индия, Япония, Турция, Аравия).

Силами небольшого коллектива восточников при помощи всей партийной ячейки проведена дискуссия о положении на востоковедческом фронте. Дискуссия вскрыла целый ряд грубейших

политических ошибок, допущенных востоковедами-марксистами.

В настоящее время почти все основные научно-исследовательские институты комплектуются силами окончивших ИКП истории. По имеющимся у нас данным, по крайней мере, 55 товарищей, кончивших ранее ИКП, т. е. 45% общего количества, ведут сейчас активную исследовательскую работу.

При этом необходимо подчеркнуть, что наиболее капитальные исторические начинания последнего времени главным образом базируются на научно-исследовательской работе окончивших ИКП. С их помощью происходит радикальная перестройка Академии наук в Ленинграде, в Белоруссии, на Украине.

В работах по «Истории гражданской войны» и «Истории фабрик и заводов», начатых в широком плане по постановлению ЦК ВКП(б), самое непосредственное и руководящее положение занимают также историки, окончившие ИКП.

Научно-исследовательская работа в Институте истории Комкадемии целиком почти проводится окончившими ИКП, занимающими в нем руководящее положение. При этом можно отметить широко развернувшуюся работу по истории пролетариата СССР, которой старые буржуазные историки совершенно не занимались. Из семинаров М. Н. Покровского выходили и выходят до сих пор

все основные и впервые разработанные сборники по истории 1905 г. и по истории Октябрьской революции. Тот же ИКП дал кадры и для обслуживания и руководства всех основных не только исторических, но и партийных органов печати.

Абсолютное большинство товарищей ведет большую педагогическую работу. Институт дал более 150 преподавателей высшей школе (из окончивших ИКП и слушателей III курса). В области завоевания высшей школы Институт достиг значительных успехов. Одной из неотложных задач является подготовка марксистски выдержанных, хорошо составленных учебников по историческим дисциплинам для всех ступеней народного просвещения.

Целый ряд слушателей, окончивших ИКП, находится на руководящей партийной работе. Кроме партийной работы все слушатели ведут непрерывную производственную практику в Коминтерне, Профинтерне, ИМЭЛ, в архивах, в комиссии по изданию материалов гражданской войны и т. п.

ИКП истории был инициатором и до сего времени наряду с историко-партийным институтом является основной базой О-ва историков-марксистов. Общество было первой организацией, объединившей специалистов определенной отрасли науки. По его примеру организован сейчас целый ряд подобных объеди-

нений. Основной задачей О-ва являлась консолидация сил историков-марксистов на базе борьбы за подлинную марксистско-ленинскую методологию, действительно научное изучение истории, борьба с различного рода уклонами от марксизма-ленинизма, ведение широкой популяризаторской и массовой работы по вопросам истории классовой борьбы.

Все эти успехи коллектива Института истории были возможны благодаря решительному проведению генеральной линии партии и последовательной борьбе на два фронта. Партийный коллектив И-та красной профессуры вырос и закалился в непримиримой борьбе за генеральную линию партии. В первые годы существования Института партии пришлось провести большую работу по разгрому влияния троцкистской оппозиции в Институте и очистке Института от троцкистов.

Благодаря работе, проведенной партией, в частности благодаря улучшению партийного и социального состава слушателей, троцкистская оппозиция в Институте была разбита и ячейка ИКП сделалась оплотом партии в борьбе с троцкизмом.

Борьба с правыми уклонистами составила одну из наиболее ярких страниц в истории ячейки ИКП. Правые уклонисты опирались на бухаринскую школу, представители которой — часть

Занятия семинара по истории в Институте философии

преподавателей ИКП и отдельные слушатели — пытались перетянуть ячейку ИКП на сторону правых. Угланов пытался опереться на бюро ячейки ИКП. Но правые жестоко просчитались. Ячейка ИКП сразу же дала им беспощадный отпор. Бюро ячейки было переизбрано. Первое поражение Угланову в московской организации было нанесено именно в ячейке ИКП, и бухаринская школа была изгнана из стен ИКП.

проведенная увязка теории с практикой и т. п.

При этом особенно важным явился тот прорыв, который сигнализировал в своей статье «О некоторых вопросах истории большевизма» т. Сталин. Этот прорыв сказался прежде всего в том, что лозунг партийности в исторической науке еще полностью не был реализован, что задача выкорчевывания оппортунистических теорий выполнена пло-

Бюро ячейки ВКП (б) Института истории обсуждает письмо т. Сталина

«Леваки» и право-«левацкий» блок, подобно всем антипартийным оппозициям, сделали попытки создать в ИКП свое ядро. Но они потерпели решительное поражение. Ячейка ИКП своевременно мобилизовалась на борьбу против «левацких» и право-«левацких» настроений и дала им сокрушительный отпор.

Сконсолидированный на основе генеральной линии партии партколлектив ИКП является прочной, непоколебимой опорой ленинского Центрального комитета в борьбе за генеральную линию партии, в борьбе против троцкизма и правового оппортунизма, в борьбе за социализм.

Наряду с достижениями в работе ИКП был ряд крупных недостатков, отражающих общее положение на историческом фронте: недостаточно решительный поворот и перестройка, отставание от основных задач, стоящих перед партией и Коминтерном, не целиком

хо, что большевистская непримиримость и партийная бдительность еще не составляют основного направления нашей работы. Статья т. Сталина показала, что историки-коммунисты несвоевременно разоблачали контрабанду троцкистского хлама, нерешительно вскрывали грубейшие политические ошибки. Среди историков-коммунистов имеют место еще и сейчас элементы либерального отношения к троцкизму и троцкистски мыслящим людям. Широкое обсуждение статьи т. Сталина, всколыхнувшей всю массу историков, разоблачило целый ряд фактов прямой контрабанды, вскрыло значительное количество ошибок, льющих воду на мельницу Слуцких и Волосевичей. Обсуждение резко подчеркнуло своевременность и исключительное принципиальное значение указаний т. Сталина.

Статья т. Сталина поставила и вопрос о тематике. Целый ряд важнейших проблем происходящей классовой борьбы оставался вне поля зрения историков-марксистов. Наиболее резко отста-

вание имеет место на западном участке исторического фронта.

Относительно лучше дело обстоит на фронте истории народов СССР, хотя и здесь имеется ряд существенных недостатков. Слабо пока еще развевывалось исследование гражданской войны и интервенции, хотя М. Н. Покровский еще в 1924 г. поставил специальный семинар по истории гражданской войны. Не включена в качестве объектов исторического исследования история нэпа и восстановительного периода. Важнейшим недостатком является то, «что самое создание истории народов СССР есть еще дело будущего» (Покровский). До сих пор историки чрезвычайно мало занимаются историей национальных республик и областей.

Отставание тематики сказывалось и на программах Института, особенно на западном отделении.

Не менее резко отставание сказалось и на развертывании массовой работы. У нас чрезвычайно мало настоящей квалифицированной популярной исторической литературы. Слабо также поставлена работа по систематическому обслуживанию квалифицированными докладчиками широких рабочих собраний. Кружки партизан, участников гражданской войны, рабочие на заводе должны получить в лице икапистов квалифицированных руководителей и организаторов.

Историки отстали также и в методах работы. Проведение системы планирования, самое активное внедрение методов коллективной работы, ударничества и социалистического соревнования необходимы и в теоретической работе.

Институт истории и О-во историков-марксистов должны взять на себя планирующие функции. Это позволит более успешно и быстро внедрять коллективные методы работы на основе социалистического соревнования.

В настоящее время на всех участках исторического фронта происходит определенный перелом, подтягивание рядов, мобилизация сил на выполнение задач, выдвигаемых партией и Коминтерном. Доклады т. Мануильского и

Кнорина, выступления т. Покровского, дискуссии значительно расшевелили всю массу историков и поставили перед ними ряд неотложных задач. Статья т. Сталина подняла всю сумму вопросов на новую принципиальную высоту, поставила с исключительной четкостью проблему партийности в исторической науке. В этом и заключается содержание всего поворота.

Институт добился ряда достижений в практическом осуществлении поворота. Радикально пересмотрены все программы, совершенно заново построен учебный план. На первых курсах всех отделений все внимание слушателей сосредоточивается на изучении работ Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина. Начиная со второго курса, все слушатели работают по специальности. Западные специализируются на изучении отдельных стран. Сейчас уже работают группы по изучению экономического развития и массового рабочего движения в эпоху империализма во Франции, Германии, Польше и Америке. В текущем году будут организованы группы по Англии, Италии, лимитрэфам и балканским странам. Создается семинар по изучению роли большевизма в международном рабочем движении, в результате которого должен получиться обстоятельный сборник. В центре внимания третьего курса поставлены вопросы послевоенного периода (массовое рабочее движение, эволюция с.-д., фашизм, история братских компартий). По такому же принципу идет специализация восточников. В ближайший год будет действовать группа по истории Китая, Индии, Турции. Историки народов СССР специализируются по проблемам и истории отдельных национальных республик. В настоящее время второй курс в составе пяти семинаров занят изучением истории Октябрьской революции. Третий курс целиком работает над проблемами гражданской войны (колчаковщина, денкинщина, петлюровщина, антоновщина, интервенция, роль в них казаков, эсеров меньшевиков и т. п.) Семинар январского набора занимается проблемами истории пролетариата и постепенно включается в изучение истории заводов. Программы требуют дальнейшего уточнения,

в частности, особое внимание должно быть уделено правильному соотношению в изучении различных эпох. Налаживается производственная практика. Значительно улучшен учебный процесс, уплотнены нагрузки учебного времени, бригада становится постепенно основной производственной единицей. Имеются некоторые успехи в области внедрения коллективных методов работы, поднятия учебной дисциплины, изучения иностранных языков. Проведенная большая работа по перевыборам парторганизаций показала значительный рост уровня партийной жизни.

Наряду с этим имеются значительные недостатки в положении учебной работы, в работе преподавателей, в организации производственной практики, очень слабо развито социалистическое соревнование, не нашли достаточного практического применения в Институте шесть условий т. Сталина. Еще больше круп-

нейших недостатков имеется по линии исследовательской работы.

Институтский коллектив должен на базе тщательнейшего анализа пройденного десятилетнего пути, учитывая все достижения, недочеты и ошибки, побольшевицки мобилизовать все силы на беспощадное разоблачение враждебной историографии, на непримиримую борьбу с проявлением правого оппортунизма, продолжающего оставаться главной опасностью, с различного рода «левацким» загибами,— за поднятие на высшую ступень партийности в исторической науке, большевистской бдительности и боевые темпы работы.

Институтский коллектив на этой основе должен сыграть решающую роль в осуществлении столь назревшего поворота на историческом фронте и в установлении принципиальной, глубоко партийной консолидации историков-марксистов.

«... ПОДНЯТЬ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ БОЛЬШЕВИЗМА НА ДОЛЖНУЮ ВЫСОТУ, ПОСТАВИТЬ ДЕЛО ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ НАШЕЙ ПАРТИИ НА НАУЧНЫЕ, БОЛЬШЕВИЦКИЕ РЕЛЬСЫ И ЗАОСТРИТЬ ВНИМАНИЕ ПРОТИВ ТРОЦКИСТСКИХ И ВСЯКИХ ИНЫХ ФАЛЬСИФИКАТОРОВ ИСТОРИИ НАШЕЙ ПАРТИИ, СИСТЕМАТИЧЕСКИ СРЫВАЯ С НИХ МАСКИ».

С т а л и н

Б. ГРАВЕ

ПРАЖСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

I. ЗНАЧЕНИЕ ГОДОВЩИНЫ ПРАЖСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

18 января 1932 г. исполняется двадцатилетняя годовщина пражской конференции 1912 г., которая имела исключительно важное значение в деле «воссоздания нашей партии как общероссийской организации». Пражская конференция занимает одно из центральных мест в истории нашей партии. Вопреки клеветническим утверждениям троцкистских контрабандистов, обвиняющих большевизм в недооценке опасности центризма в предвоенный период, подготовка большевиками пражской конференции, консолидация партии, создание подлинного большевистского партийного единства проводились в ожесточенной борьбе не только с откровенным оппортунизмом в лице правого ликвидаторства, не только против смыкавшегося с ним в ряде вопросов «ликвидаторства слева», но и в борьбе с примиренчеством, в борьбе с центризмом как внутри РСДРП, так и в западно-европейских с.-д. партиях II интернационала.

Пражская конференция дала яркий пример того, как партия в борьбе против откровенного и против прикрытого оппортунизма в лице центризма добилась действительного партийного единства не на почве каких-либо компромиссов с враждебными течениями, а только на основе решительной борьбы против оппортунизма всех оттенков.

Пражская конференция исключила из партии ликвидаторов и создала подлинно большевистские центральные учреждения партии.

Пражская конференция была заключительным этапом в борьбе за превра-

щение большевистской фракции в рамках формально единой с.-д. партии в самостоятельную большевистскую партию.

II. БОРЬБА С ЛИКВИДАТОРСТВОМ СПРАВА И «СЛЕВА» И С ЦЕНТРИЗМОМ

Борьба за созыв пражской конференции была вместе с тем размежкой «по важнейшему принципиальному вопросу о ликвидации нашей партии»¹, была борьбой против ликвидаторства. Русское ликвидаторство межреволюционного периода, являвшееся частью международного социал-реформизма, было дальнейшим этапом в развитии меньшевизма—от его зарождения в лице экономизма до современного превращения в часть международного социал-фашизма, в передовой отряд империалистской буржуазии.

Ликвидаторы, сплотившиеся в «прочный антипартийный центр», отряхнувшие свой прах от подполья, представляли собою «стольпинскую рабочую партию», посланную буржуазией нести «либеральный разврат в рабочую среду» (Ленин).

В ожесточенной борьбе с центристами, изображавшими ликвидаторство как «внутрипартийное течение», призывавшими к объединению с ликвидаторскими группками, большевики-ленинцы доказали, что только на основе решительной борьбы против ликвидаторства, только при условии исключения ликвидаторов из партии возможна партийная работа:

¹ Ленин, собр. соч., 2-е изд., т. XIV, стр. 313.

и действительно партийное объединение. Предшествовавший пражской конференции январский пленум ЦК 1910 г. несмотря на ряд примиренческих ошибок явился шагом вперед в деле «размежевки партии, по важнейшему принципиальному вопросу о ликвидации нашей партии». Пленум несмотря на свои примиренческие ошибки явился все же, по словам Ленина, началом объединения всех тех, кто хотел работать по-партийному, началом действительной очистки партии от враждебных ей течений.

Однако примиренческие ошибки пленума были конечно использованы антипартийными группами для развертывания дальнейшей борьбы против партии.

Всевозможные антипартийные группы, от ликвидаторов до впередовцев и Троцкого, усилили свою дезорганизаторскую работу.

Большой ошибкой пленума, сделанной под непосредственным влиянием примиренцев, было такое конструирование центральных учреждений партии и в частности ЦК, которое позволяло ликвидаторам срывать работу, их в течение почти двух лет, «отдав их в плен ликвидаторам»¹.

Примиренческие ошибки январского пленума были использованы всевозможными антипартийными группами для развертывания дальнейшей борьбы против партии.

Вслед за попыткой сорвать решения пленума в отношении центрального органа партии ликвидаторы сделали попытку сорвать работу Центрального комитета. Ликвидаторы В. А. Исув (Михаил), К. М. Ермолаев (Роман) и П. А. Бронштейн (Юрий), выбранные на пленуме в состав русской коллегии ЦК, сорвали созыв русской коллегии ЦК. Они отказались войти в состав русской коллегии ЦК РСДРП, объявив самое существование ЦК вредным, и даже явиться хотя бы на одно заседание, чтоб русская коллегия ЦК могла кооптировать новых членов. Национальные

организации также воздержались от посылки своих представителей в ЦК.

Таким образом, в русской коллегии ЦК было всегда два члена, которые не могли составить требуемого по уставу большинства для кооптации новых членов.

Срыв ЦК русскими ликвидаторами был поддержан и их заграничной частью в лице «голосовцев». В русской же коллегии ЦК большевики были представлены примиренцами, которые пытались во что бы то ни стало сговориться с ликвидаторами и не способны были ничего сделать для развертывания партийной работы в России.

Срывая решения январского пленума ЦК, ликвидаторы на местах в России стали создавать центры своей новой столыпинской рабочей партии — так называемые «инициативные группы». К начавшему выходить еще до январского пленума ликвидаторскому журналу «Возрождение» присоединился новый откровенно ренегатский журнал «Наша заря».

Ликвидаторы через свои органы печати начали бешеную кампанию против партии, доказывая, что буржуазная революция уже закончилась, а пролетарская революция является делом весьма отдаленного будущего, и призывали приспособляться к условиям столыпинского режима, к ликвидации нелегальной организации, к чисто мирной, реформистской тактике.

Активно выступая против партии и ее решений, не подчинившись решению январского пленума о закрытии своего фракционного органа, дезорганизовав работу российской коллегии Центрального комитета, сделав попытку срыва ЦО, ликвидаторы активно противодействовали партийному объединению за границей. Находящееся в руках ликвидаторов Центральное бюро заграничных групп открыто отказалось подчиняться Центральному комитету. К маю 1910 г. ликвидаторам удалось овладеть и заграничным бюро Центрального комитета, которое должно было представлять ЦК за границей.

Используя свое большинство в ЗБЦК, ликвидаторы еще более усилили свою

¹ XVIII ленинский сборник, стр. 13, письмо Ленина.

В. И. Ленин. 1910 г.

работу по разрушению партийных центров.

Период после январского пленума был периодом усиления ликвидаторских тенденций и в национальных организациях. В этот период ликвидаторы в своей борьбе против партии встречали полное сочувствие и поддержку оппортунистов во II интернационале.

К борьбе против партии правых ликвидаторов присоединяются «левые» ликвидаторы — впередовцы.

Уже в январе—феврале 1910 г. группа «Вперед» выпустила письмо «К товарищам большевикам», полное клеветнических обвинений и самых резких нападок на большевистское руководство партией.

Подобно правым ликвидаторам впередовцы начали открыто рвать с пар-

тийными учреждениями, созданными январским пленумом.

В марте 1910 г. представители впередовцев вышли из комиссии ЦК по созданию партшколы, выбранной на январском пленуме, и из созданной пленумом редакции «Дискуссионного листка».

Вопреки постановлению январского пленума о ликвидации самостоятельного литературного издательского предприятия впередовцев они с июля 1910 г. начали выпускать свой фракционный орган «Вперед» (замененный в 1912 г. сборником «На темы дня»).

Вскоре после январского пленума впередовцы приступили к организации своей новой фракционной школы в Бонлье.

Борьба впередовцев против большевистского руководства партии на деле

привела их к блоку с правыми ликвидаторами и поддерживающими их центристскими группами во главе с Троцким.

«Ликвидаторы и отзовисты,— писал Ленин, — с трогательным единодушием ругают на все корки большевиков (первые еще Плеханова)... «Солидарность у ликвидаторов и отзовистов в этом отношении полнейшая, их блок против ортодоксального большевизма (блок, характеризовавший не раз и борьбу на пленуме, о чем особо ниже) есть бесспорный факт; представители двух крайних течений, одинаково выражающих подчинение буржуазным идеям, одинаково антипартийных, сходятся целиком в своей внутрипартийной политике, в борьбе с большевиками»¹.

Борясь за генеральную линию партии, большевизм в этот период вел борьбу на два фронта—против ликвидаторства справа и слева.

Необходимости борьбы партии на два фронта (в частности борьбы против группы «Вперед») не понимали примиренцы, которые, как, например, Рыков, рассматривали впередовцев как «возможного политического союзника большевиков»².

Рыков, например, считал, что ставить условием партийного объединения «борьбу против «Вперед» совершенно недопустимо»³. По его словам, «ни в коем случае нельзя отмежевывать «Вперед» от партии» и «закрывать им доступ в партийные организации»⁴.

В отличие от центристов всех оттенков, рассматривавших «Вперед» «как часть большевистской партии», Ленин квалифицировал впередовцев как «антипартийную фракцию». «Как можете вы считать союзниками фракционеров? — писал Ленин в ответном письме Рыкову.— Они сблизилась с ликвидаторами... они втирают очки, говоря: «Мы ничего, мы не отзовисты», а вы верите словам и не боретесь с делами. Ведь это же чорт знает что!»⁵.

В отличие от беспринципных примиренцев, ленинцы считали, что «в центральных учреждениях партии должны быть только товарищи, готовые решительно бороться с ликвидаторством (голосовцами) и отзовизмом (впередовцами)»¹.

Большевики одновременно вели энергичную борьбу как против открытого ликвидаторства, так и против центризма. Политику центризма как «идеологии подчинения пролетарских интересов интересам мелкой буржуазии в составе одной общей партии» т. Сталин характеризует как попытку «подкрасить левыми фразами оппортунизм правых» и «подчинить левых правым»²... «Главной и основной группой, насаждавшей в России центризм и создавшей для этого специальную организацию как очаг центризма в виде августовского блока»³, был троцкизм, являющийся в настоящий момент передовым отрядом контрреволюционной буржуазии. Общеизвестные факты борьбы Ленина с центризмом в годы реакции лишней раз разоблачают троцкистских фальсификаторов партийной истории, которые пытаются приписать большевизму недооценку центризма накануне войны.

Разоблачению центризма Троцкого Ленин уделял в этот период огромное внимание, доказывая, что центризм как «прикрытый оппортунизм» даже опаснее для рабочих, чем откровенное ликвидаторство.

Центризм Троцкого был тем опаснее, что мешал рабочим разобраться в истинной сущности ликвидаторских взглядов.

«Троцкий и подобные ему троцкисты и соглашатели, — писал Ленин, — вреднее всякого ликвидаторства, ибо убежденные ликвидаторы прямо излагают свои взгляды и рабочим легко разобраться в их ошибках. Господа Троцкие обманывают рабочих, прикрывают зло, делают невозможным разоблачение его и излечение его. Всякий, кто поддержи-

¹ Ленин, собр. соч., II изд., т. XIV, стр. 300.

² XVIII ленинский сборник. Из письма Рыкова, стр. 23.

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 30.

⁵ Там же, стр. 26.

¹ Там же, стр. 22.

² Сталин, «Вопросы ленинизма», стр. 93.

³ И. Сталин, «О некоторых вопросах истории большевизма», «Пролетарская революция», № 6 1931 г.

вает политику Троцкого, поддерживает политику лжи и обмана рабочих, политику прикрывания ликвидаторства»¹.

Антипартийная позиция Троцкого ярко выявилась и накануне созыва пражской конференции.

На январском пленуме Троцкий играл роль «примирителя» всех течений. Несмотря на резко отрицательное отношение Ленина пленумом было принято постановление о субсидировании венской «Правды». В редакцию ее в качестве представителя ЦК был послан Каменев. Однако вместо того, чтобы проводить директивы партии и бороться за ее генеральную линию, Каменев, бывший примиренцем, сделал попытку превратить газетку Троцкого в фракционный центр примиренцев. Как Каменев вынужден был признаться в своей брошюре «Две партии», он пытался троцкистскую «Правду» сделать центром примиренческих элементов, недовольных резкой борьбой большевиков против ликвидаторов справа и слева. Эти примиренческие планы были направлены против ЦК и против ЦО. Однако даже на сотрудничество с примиренцами Троцкий не пошел. Троцкий не склонен был работать даже и с большевиками-примиренцами. Превратить венскую «Правду» в орган большевиков-примиренцев не входило в его планы. Троцкий открыто стал на путь формирования ликвидаторского блока.

Троцкий отказался от выполнения решения пленума о реорганизации редакции венской «Правды». Венская «Правда» открыто выступала с защитой ликвидаторов, выпустив «обращение к мыслящим рабочим», в котором она протестовала «против фракционной борьбы с ликвидаторством», расценивая ее как «раскольническую» борьбу. Порвав с ЦК, Троцкий начал работу по созданию второй партии, по сколачиванию будущего августовского блока.

В условиях открытого разрыва партии с ликвидаторами особую остроту приобретала борьба против примиренчества в рядах большевиков.

¹ Ленин, собр. соч., т. XI, ч. 2, стр. 85.

² Каменев, «Две партии», предисловие, стр. VI.

И. Сталин

Большевики-примиренцы, так же как и Плеханов и Троцкий, в развернувшейся борьбе пытались занять промежуточную «не-фракционную» позицию. Этим они затрудняли борьбу большевизма с ликвидаторством, замедляя процесс отвоевания от ликвидаторства партийных элементов.

В состав этой довольно многочисленной тогда группы большевиков-примиренцев входили: А. Рыков, Г. Сокольников, А. Лозовский, Л. Владимиров (Лева), Любимов, М. Зоммер (Марк), Ледер и др.

В 1910 г. к примиренцам принадлежал и Л. Б. Каменев. Примиренцы возглавлялись И. Ф. Дубровинским.

Так же как и все антипартийные группы, большевики-примиренцы главные свои удары направляли против большевиков-ленинцев. Последних они выставляли в качестве главных виновников внутрипартийной борьбы и внутрипартийного раскола.

«... Фракционная политика большевиков-ленинцев, — писали они в своем «Информационном бюллетене», — в виду того положения, которое они занимают в партии, особенно сильно задерживает процесс сплочения революционно-марк-

систского ядра нашей партии, процесс, совершающийся все ярче».

Большевики-примиренцы открыто противопоставляли себя большевикам-ленинцам¹.

Решительно выступая против большевистских организационных принципов, совершенно не понимая большевистской борьбы на два фронта — против ликвидаторства справа и слева и против центризма, — большевики-примиренцы выступали за единство внутри партии всех без исключения течений. В тот момент, когда решался вопрос о судьбах партии, когда четко размежевывалась «столыпинская рабочая партия», с одной стороны, и большевистская революционная партия, с другой стороны, примиренцы пытались примирить абсолютно непримиримое.

Большевики-примиренцы, совершенно игнорируя уроки январского пленума, проводили тактику беспринципного «единства». 11 февраля 1911 г. в Париже между польской с.-д., большевиками-примиренцами и частью большевиков-ленинцев было заключено соглашение по вопросу о составе и ближайших задачах центральных учреждений партии, согласно которому в состав ЦК допускался голосовец и бундовец. В подписании этого соглашения участвовали: Л. Тышко, А. Рыков, Г. Зиновьев и др. Ленин подверг жестокой критике эти «пункты соглашения», указывая, что они повторяют ошибки январского пленума: «Краснобайство против ликвидаторов на словах и пленение ликвидаторами на деле», что результатом подобного соглашения может быть только «полная импотентность ЦК»².

Продолжая заигрывать с ликвидаторскими группками, примиренцы, как мы увидим далее, создавшие в технической комиссии свой фракционный центр, главные удары направили против большевиков-ленинцев.

Так же как и Троцкий, они выступали в качестве прикрытия для ликвидаторства. Поэтому Ленин считал, что «боль-

шевики-примиренцы» не имеют права на звание большевиков, — Ленин называл их «непоследовательными троцкистами».

«Примиренцы называют себя большевиками, чтобы полтора года спустя повторять разоблаченные большевиками (и притом с специальным заявлением, что это делается от имени всего большевизма) ошибки Троцкого. Ну, разве это не злоупотребление установившимися партийными кличками? Разве не обязаны мы после этого заявить всем и каждому, что примиренцы отнюдь не большевики, что они не имеют ничего общего с большевизмом, что они просто непоследовательные троцкисты»¹.

Из всех небольшевистских с.-д. групп в период послеянварского пленума большевики работали лишь с частью «меньшевиков-партийцев», с той их частью, которая выступает против ликвидаторской политики голосовцев и срыва ими решений ЦК.

Выступления плехановцев против раскольнической политики правых и левых ликвидаторов позволили в тот период Ленину продолжать намеченную им еще в 1909 г. тактику, несмотря на всю неустойчивость Плеханова и его колебания, которые являлись непосредственным выражением его меньшевистских позиций.

«Плеханов, — писал Ленин, — никогда не был большевиком, мы его большевиком не считаем и никогда не будем считать, но его, как и всякого меньшевика, способного восстать против группы независимых легалистов и до конца довести борьбу с ними, мы считаем партийным (разрядка Ленина) меньшевиком. Мы считаем безусловным долгом всех большевиков в теперешние трудные времена... приложить все усилия для сближения с такими с.-д.»².

Блок Ленина с «меньшевиками-партийцами» имел значение для большевиков прежде всего с точки зрения борьбы за тех рабочих-меньшевиков, которые шли за Плехановым.

Однако блок с плехановцами оказался весьма кратковременным. Как и пред-

¹ «Информационный бюллетень» № 1 от 11 августа 1911 г., стр. 1.

² XVIII ленинский сборник, стр. 12—14.

¹ Ленин, собр. соч., т. XI, ч. 2, стр. 373.

² Ленин, собр. соч., т. XI, ч. 2, стр. 92.

видел Ленин, Плеханов в момент наиболее острой борьбы за создание большевистского партийного объединения занял по отношению к нему враждебную позицию.

Ведя линию на раскол с оппортунистами в РСДРП, большевики вопреки клевете троцкистов продолжали вести непримиримую борьбу против оппортунизма и центризма на международной арене, линию на раскол с оппортунистами во II интернационале.

Поддерживая «левых» с.-д., в частности Р. Люксембург, в их борьбе с оппортунистами во II интернационале, большевики в то же время вели решительную борьбу против их полуменьшевистских теорий, разделявших «левых» с большевизмом по важнейшим вопросам теории и практики пролетарской революции, разоблачали колебания левых с.-д., «опутанных гнусной сетью» «каутскианского лицемерия, педантства, «дружелюбия» к оппортунистам» (Ленин).

III. БОРЬБА БОЛЬШЕВИКОВ ЗА ВОССОЗДАНИЕ ПАРТИЙНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ

Центральной задачей, которая стояла перед большевистским руководством партии, было восстановление партийных учреждений и прежде всего Центрального комитета. После срыва русской коллегии ЦК ликвидаторами в марте — апреле 1910 г. сделана была попытка сконструировать русскую коллегию ЦК РСДРП в составе И. В. Сталина, В. П. Ногина, И. Ф. Дубровинского, Р. В. Малиновского (оказался провокатором) и др. Однако вследствие провокации последнего созданная уже было семерка была разгромлена полицией. Вместе с ликвидацией русской коллегии ЦК в конце 1909 г. полицией было ликвидировано русское бюро ЦК, которое являлось по существу исполнительным органом ЦК. Все попытки вновь организовать в России Центральный комитет партии оканчивались провалами вследствие правительственных репрессий. Ликвидаторы своей дезорганизаторской работой помогали полиции. Срыв работы ЦК в пер-

вую очередь ударил по большевикам, которые, ликвидировав свою фракцию, оказались по рукам и ногам связанными решениями пленума¹. Поскольку русский ЦК фактически был сорван, вопрос о созыве пленума должно было решить заграничное бюро ЦК.

Большевики и начали активную борьбу за созыв пленума за границей.

Ликвидаторское ЗБЦК, проводившее в тот период под непосредственным руководством Троцкого подготовку своей конференции, под разными предлогами уклонилось от созыва пленума, сорвав созыв заграничного пленума ЦК.

В ответ на это большевики признали невозможным какое бы то ни было сотрудничество с голосовцами и прежде всего с находившимся в их руках заграничным бюро ЦК.

Весной 1911 г. в Париже собралось совещание большевиков-цекистов, на котором решено было разорвать с заграничным бюро. Большевикам членам ЗБЦК было предложено выйти из него. Вместе с тем решено было немедленно приступить к созыву пленума ЦК.

Выполняя это решение, т. Семашко, бывший казначеем ЗБЦК, 27 мая 1911 г. подал заявление в ЗБЦК, в котором, разоблачая издевательства последнего над постановлением последнего пленума ЦК, заявлял о своем выходе из ЗБЦК и о передаче находящихся у него как у казначея денег ЗБЦК в распоряжение ЦК.

Разрыв с ликвидаторами и ЗБЦК был шагом к укреплению партийного единства, «исправлением примиренческой ошибки пленума».

IV. ПОДГОТОВКА СОЗЫВА ПРАЖСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ. — БОРЬБА С ПРИМИРЕНЦАМИ В ЗТК И ЗОК

Большевики взяли на себя инициативу по созыву партийной конференции и по воссозданию центральных органов партии. Практические шаги к созыву общепартийной конференции (будущей пражской конференции) и были пред-

¹ «Пролетарская революция», №8 (43) 1925 г. Письма Н. К. Крупской к Г. Л. Шкловскому (стр. 112).

приняты июньским совещанием большевистских членов ЦК в 1911 г.

Совещанием была принята единогласно резолюция о немедленном созыве партийной конференции. На совещании были сконструированы: 1) комитет по созыву пленума ЦК, 2) организационная комиссия по созыву конференции, она же называлась заграничной организационной комиссией (ЗОК) и 3) временная техническая комиссия, называвшаяся также технической комиссией (ЗТК).

Комитет (комиссия) по созыву пленума ЦК был выбран в составе трех лиц: 1) Григория (Зиновьев), 2) Алексея Власова (А. И. Рыкова) и 3) представителя с.-д. Польши.

Персональный состав заграничной организационной комиссии (ЗОК) вызвал большой спор уже при ее конструировании. Представитель с.-д. Польши Л. Я. Тышко сделал попытку опереться на оформившуюся к тому времени оппозицию среди большевиков в лице примиренцев, требуя введения примиренцев во все коллегии в большем числе, чем большевиков-ленинцев.

19 июня 1911 г. по вопросу о составе ЗОК было достигнуто соглашение, которое усиливало представительство примиренцев тем, что персонально вводился в состав ЗОК т. Рыков, бывший тогда примиренцем.

Что касается третьей организации, созданной июньским совещанием членов ЦК, именно ЗТК, то и здесь примиренцы получили большинство. Заграничная техническая комиссия была образована в составе трех лиц. В нее вошли Владимирский (Камский), Владимиров (Лева) и Э. Ледер; последние два были примиренцами.

Июньское (1911 г.) совещание членов ЦК сделало реальный шаг к восстановлению центральных партийных организаций и явилось дальнейшим шагом в размежевании с ликвидаторами. Оно дало толчок к выходу из редакции ЦО Мартова и Дана и прекратило нелепое положение, когда, по словам Ленина, эти два голосовца, состоявшие во главе заграничного органа ликвидаторов («Голос социал-демократа») и боровшиеся против центрального органа партии

(«Социал-демократ»), формально числились в составе редакции ЦО.

Выбранный на июньском (1911 г.) совещании членов ЦК комитет по созыву пленума ЦК натолкнулся на открытое сопротивление как ликвидаторов, так и национальных групп. Когда комитет по созыву пленума согласно резолюции июньского совещания членов ЦК 1911 г. сделал еще одну попытку связаться с ЗБЦК для созыва пленума, последний еще раз оказал этому решительное противодействие. Борьба с ликвидаторами приняла в этот период исключительно ожесточенный характер. Ликвидаторы не брезговали ничем, чтобы дискредитировать большевиков и сорвать их работу по партийному объединению. Во главе клеветнических нападков на большевиков шла венская «Правда» Троцкого, которая подхватывала все обвинения ликвидаторов о «заговоре заграничного кружка», о «захвате партии», «захвате партийных денег», о «внутрипартийных экспроприациях». Для травли ликвидаторами большевиков была очень характерна шантажистская брошюрка Л. Мартова «Спасители или упрямцы», в которой он договаривался до обвинения большевиков в связи с уголовными элементами и в целом ряде преступлений. Порвав всякие связи с партией, ликвидаторы и центристы во главе с Троцким начали энергичную кампанию за созыв своей ликвидаторской конференции в противовес конференции, созываемой большевиками.

Открытая травля ликвидаторами июньского (1911 г.) совещания членов ЦК и бойкот выбранных этим совещанием организаций делали совершенно невозможным созыв пленума. Когда неизбежность нового срыва пленума стала ясна даже для примиренческого большинства комитета по созыву пленума ЦК, он опубликовал 25 августа 1911 г. заявление, где, излагая историю переписки комитета по созыву пленума ЦК с представителями голосовцев, Бунда и латышей, всю ответственность за срыв созыва пленума возлагал на ликвидаторское большинство в ЗБЦК («Социал-демократ», № 23 от 1/14 сентября 1911 г.).

Этим заявлением комиссия по созыву пленума ЦК окончила свое существо-

вание... После того как ликвидаторы сорвали не только русский, но и заграничный пленум ЦК, перед большевиками встала задача созыва партийной конференции, которая была бы правомочна выбрать новый состав ЦК без дезертиров и ренегатов.

Этой задаче была посвящена деятельность двух остальных выборных органов, выделенных июньским (1911 г.) совещанием пленума ЦК: заграничной организационной комиссии и заграничной технической комиссии. Однако здесь большевикам-ленинцам в их работе по собиранию партии пришлось преодолеть ожесточенное сопротивление со стороны примиренцев.

Выбранные на июньском совещании членов ЦК заграничная организационная комиссия по созыву конференции и техническая комиссия, состоявшие в большинстве из примиренцев, заняли резко отрицательное отношение к большевистско-ленинскому руководству, тормозя работу большевиков по размежеванию с ликвидаторскими группами и собиранию партии.

Дело дошло до того, что техническая комиссия, в распоряжении которой было фракционное имущество большевиков, пыталась даже задержать предвыборную брошюру «Об избирательной платформе большевиков». Техническая комиссия сделала попытки приостановить также и выход центрального органа. Редакции ЦО пришлось сделать заем и издать очередной номер в частной типографии.

Свою антипартийную политику примиренцы вели и в ЗОК.

Первым актом заграничной организационной комиссии по созыву партийной конференции был выпуск 1 августа 1911 г. обращения ко всем партийным организациям, группам и кружкам.

Пользуясь своим большинством в ЗОК, примиренцы в этом обращении делали новую попытку привлечь в состав ЗОК представителей ликвидаторских группок: «5 делегатов от организаций меньшевиков-партийцев, группы «Вперед», редакции «Правды», Бунда и латышской с.-д.» и даже «у слов но — от «Голоса социал-демократа» и других течений»

Конечно, эта новая попытка удержаться в рамках примиренческих решений январского пленума ни к каким результатам не привела. Троцкисты, впередовцы и национальные организации, подготовившие свою ликвидаторскую конференцию, отказались послать своих представителей в ЗОК.

Одновременно с выпуском своего обращения заграничная организационная комиссия предприняла шаги к созданию российской организационной комиссии (РОК), для чего ею был послан ряд работников в Россию. Создание российской организационной комиссии, которая составила почти целиком из большевиков-ленинцев, явилось толчком к расколу внутри заграничной организационной комиссии, к разрыву ее примиренческого большинства с большевистским руководством. Вопрос о взаимоотношениях с РОК до крайности обострился имевшиеся еще и раньше трения между примиренческим большинством ЗОК и ее большевистским меньшинством. Уже в октябре российская организационная комиссия созвала заседание по созыву партийной конференции, на котором ею было постановлено принять на себя всю работу по подготовке созыва конференции и указать ЗОК и ЗТК, что «впредь никакие литературные и иные выступления, а равно и траты партийных денег недопустимы без ведома, согласия и указаний РОК». Обсудив это решение, примиренческое большинство ЗОК после ряда колебаний в конце концов отказалось ему подчиниться. Этот отказ и послужил поводом к выходу из ЗОК большевиков (Зиновьева и Владимирского).

Совершенно аналогичное положение создалось и в заграничной технической комиссии, которая также отказалась подчиниться решениям российской организационной комиссии. Представитель большевиков т. Владимирский вышел из состава ЗТК.

Окончательный разрыв большевиков с примиренцами был встречен бурным неприкрытым ликованием всей заграничной меньшевистской печати от голосовцев и Троцкого до плехановцев. «Голос социал-демократа» на все лады повторил остроу, что большевики, начав

Резолюція Російської Організаційної Комісії

по созыву общепартийной конференції.

I. О конструированіи.

Принимая во вниманіе:

1) что были приняты всѣ мѣры къ привлеченію къ участию въ настоящемъ засѣданіи почти всѣхъ существующихъ нелегальныхъ партийныхъ организацій, 2), что составъ собранія сузился только по независимымъ обстоятельствамъ въ одномъ случаѣ и по явно-фракціонному недоверію въ другомъ, 3), что засѣданія происходятъ при участіи дѣятелей и старшихъ работниковъ одного изъ крупнѣйшихъ рабочихъ партийныхъ центровъ, 4), что такимъ образомъ настоящее засѣданіе является полнымъ и правильнымъ отраженіемъ положенія дѣлъ въ нашей партіи, 5), что партийное строительство выдвинуло вопросъ объ организаціонномъ объединеніи, какъ выходъ на широкую дорожку партийнаго возрожденія, 6), что средствомъ къ такому объединенію является общепарт. конфер., 7), что послѣдняя можетъ быть подготовлена и создана только при наличности общепартійнаго организаціоннаго центра 8), что единственнымъ путемъ къ созданію такого центра является инициатива мѣстныхъ организацій,—собраніе делегатовъ (Бакинской, Тифлиской, Кіевской, Екатеринбургской, Екатеринбургской организацій) считаетъ своимъ долгомъ конструироваться въ организаціонную комиссію по созыву конференції, принять всѣ мѣры къ пополненію своего состава и дѣятельно взяться за подготовку и созывъ конференції.

Организаціонная комиссія выражаетъ увѣренность, что члены партіи сумѣютъ отрѣшиться отъ фракціоннаго недоверія къ ея начинаніямъ и помогутъ ей стать дѣйствительнымъ центромъ всѣхъ организацій возрождающейся Р. С. Д. Р. П.

2. Обь отношеніи къ заграничн. организаціонной комиссії.

Принимая во вниманіе, что Загр. Орг. Ком., созданная совѣщаніемъ членовъ Ц. К. для созыва общепартійной конференції, какъ единственный выходъ изъ создававшегося тяжелаго кризиса партийныхъ центральныхъ учреждений и общепартійной жизни, достигла своей главной и основной цѣли, вполнѣ партийнымъ и виѣфракціоннымъ содѣйствіемъ конструированію выбранной мѣстными организаціями Російской организаціонной комиссії, способной взять на себя практическую подготовительную работу по созыву общепартійной конференції,—Рос. Орг. Ком. постановляетъ:

1) принять на себя всю работу по подготовленію и по

Извещеніе о созданіи российской организаціонной комиссії по созыву общепартійной конференції (нелегальная листовка).

Музей революціи

с отмежеванія отъ ликвидаторовъ, постепенно очутились в своей «не величкой, но теплой компании». Этотъ злобный вой былъ подхвачен и плехановцами. В выпущенномъ после раскола с большевиками «Информационномъ бюллетенѣ» примиренцы старались подробно обосновать свое несогласіе с «фракціонной» политикой большевиковъ, присоединяя свои нападки и обвиненія къ общему ликвидаторскому хору.

Этотъ периодъ былъ однимъ изъ наиболее тяжелыхъ в исторіи большевистской партіи. Однако Ленин предвидѣлъ, что этотъ кризисъ в исторіи партіи былъ переломнымъ кризисомъ къ выздоровленію, что

окончательный разрывъ большевиковъ со всеми не с.-д. теченіями и с питающими ихъ примиренческими группами означалъ не что иное, какъ укрепленіе большевиковъ и сдвигъ в работѣ.

«Кто сетуетъ насчетъ изоляціи, тотъ ровно ничего не понялъ ни в идейномъ великомъ дѣлѣ пленума, ни в его примиренческой ошибкѣ. Полтора года после пленума была видимость единства за границей и полный застой с.-д. работы в Россіи. Полтора или треть года в 1911 г. сделали то, что максимальная кажущаяся изоляція большевиковъ впервые сдвинула съ места с.-д. работу, впервые вссстановила российский с.-д. центр.

За работу же, товарищи с.-д.-партийцы! Отряхивайте отъ себя послѣдніе остатки связей съ не социал-демократическими теченіями и с питающими ихъ, вопреки решеніямъ партіи, группками. Сплачивайтесь вокругъ РОК, помогайте ей созвать конференцію и укрепить работу на мѣстахъ. РСДРП пережила тяжкую болѣзнь: кризисъ кончается», — писалъ Ленин в этотъ тяжелый для партіи моментъ почти непосредственно после раскола с примиренцами¹.

V. РАБОТА РОК ПО СОЗЫВУ КОНФЕРЕНЦИИ

Решеніе о созывѣ общероссийской конференції встретило горячій откликъ в мѣстныхъ организаціяхъ. В рядѣ организацій вместе с большевиками за созывъ конференції выступали и «меньшевики-партийцы».

Условия для успешной работы РОКъ были созданы начавшимся тогда революціоннымъ подъемомъ и непосредственно связаннымъ с нимъ восстановленіемъ мѣстныхъ партийныхъ организацій, сильно разрушенныхъ в годы реакціи.

Уполномоченные РОКъ связались съ целымъ рядомъ нелегальныхъ организацій и провели рядъ собраний с докладами о ближайшихъ задачахъ партийной работы и необходимости подготовки партийной конференції. В результатѣ этой работы РОКъ удалось объединить партийные организаціи Урала, Кіева, Екатеринослава, Петербурга, Баку, Росто-

¹ Ленин, собр. соч., т. XV, стр. 296.

ва, Н.-Новгорода, Сормова, Тифлиса, а также ряд легальных рабочих организаций.

«Как только в России появилась РОК по созыву партийной конференции, — отмечала «Рабочая газета», — к ней со всех сторон потянулись русские организации, жаждущие объединения русской работы на почве революционной с.-д. платформы» («Рабочая газета», № 8 от 17/30 марта 1912 г.).

В конце сентября созвано было совещание выбранных местными организациями представителей совместно с уполномоченными РОК. Совещание открылось в Баку, однако на следующий день, в связи с арестом т. Шаумяна и других бакинских работников, участники совещания переехали в Тифлис, где продолжались заседания сконструировавшейся российской организационной комиссии¹.

Создание РОК было, несомненно, величайшей важности событием, знаменующим решительный поворот в истории партийного развития.

«Паровоз поднят и поставлен на рельсы, — писал по поводу создания РОК Ленин. — Впервые после четырех лет развала и разброда собрался, вопреки невероятным преследованиям полиции и неслыханным «подножкам» голосовцев, впередовцев, примиренцев, поляков и tutti quanti, русский с.-д. центр. Впервые вышел в России листок к партии от этого центра. Впервые работа по восстановлению нелегальных организаций на местах систематически и целю охватила (за какие-нибудь три месяца, с июля по октябрь 1911 г.) обе столицы, Поволжье, Урал, Кавказ, Киев, Екатеринослав, Ростов, Николаев, — ибо РОК собралась после объезда всех этих мест, ибо ее первое собрание имело место рядом с восстановлением ЦК и устройством им ряда рабочих митингов с резолюциями московских районов за партию и т. д.»².

Как и нужно было ожидать, большевистская РОК была встречена градом нападок и ругательств со стороны всех заграничных ликвидаторских групп, обвинявших ее в раскольничестве и в за-

хвате власти. Национальные организации, готовясь в этот период к участию в ликвидаторской конференции, отказались делегировать своих уполномоченных в состав РОК. Также и впередовцы категорически отказались принять участие в ее работах. В своем заявлении, помещенном в венской газете Троцкого «Правда», впередовцы в унисон Троцкому характеризовали подготовку партийной конференции как фракционную затею, как «захват власти». Таково было отношение антипартийных групп к созыву конференции.

Совсем иное отношение встретила РОК со стороны местных с.-д. рабочих организаций.

В своем докладе на пражской конференции т. Орджоникидзе указывал, что членам РОК удалось связаться с наиболее крупными подпольными организациями и завязать связи с рядом партийных работников.

Несмотря на травлю заграничных ликвидаторов популярность РОК и число примыкавших к ней организаций все возрастали. За короткое время РОК удалось стать действительно организующим центром в России. Уже к началу 1912 г. за РОК стояло 26 партийных организаций.

РОК объединила к моменту конференций все без единого исключения с.-д. организации, действующие на местах и ведущие революционную с.-д. работу.

VI. ВЫБОРЫ НА ПРАЖСКУЮ КОНФЕРЕНЦИЮ

В выборах делегатов на конференцию участвовали все значительные с.-д. местные группы и организации.

В отличие от предыдущих конференций выборы на пражскую конференцию удалось провести наиболее демократическим путем. Выборы делегатов были связаны с значительным оживлением всей партийной работы. Как отмечало «Извещение о всероссийской конференции», раньше посылали узкие по составу областные или городские комитеты. Теперь участвовали в выборах «низовые ячейки».

¹ Ленин, собр. соч., т. XV, стр. 646.

² Ленин, собр. соч., т. XV, ч. стр. 293.

В декабре 1911 г. выборы делегатов были уже окончены, и часть делегатов выехала за границу.

Одновременно с консолидацией партийных большевистских сил в России шла консолидация их и за границей. В конце декабря 1911 г. (27—30 декабря), т. е. непосредственно накануне открытия пражской конференции, в Париже состоялось совещание заграничных организаций, на котором был избран комитет заграничных организаций (КЗО).

VII. ВСЕРОССИЙСКАЯ ПРАЖСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

Всероссийская конференция РСДРП, иначе называемая пражской, открылась 18 января 1912 г. в городе Праге, в помещении народного дома (принадлежавшего тогда чешской с.-д. партии). Конференция имела 23 заседания, продол-

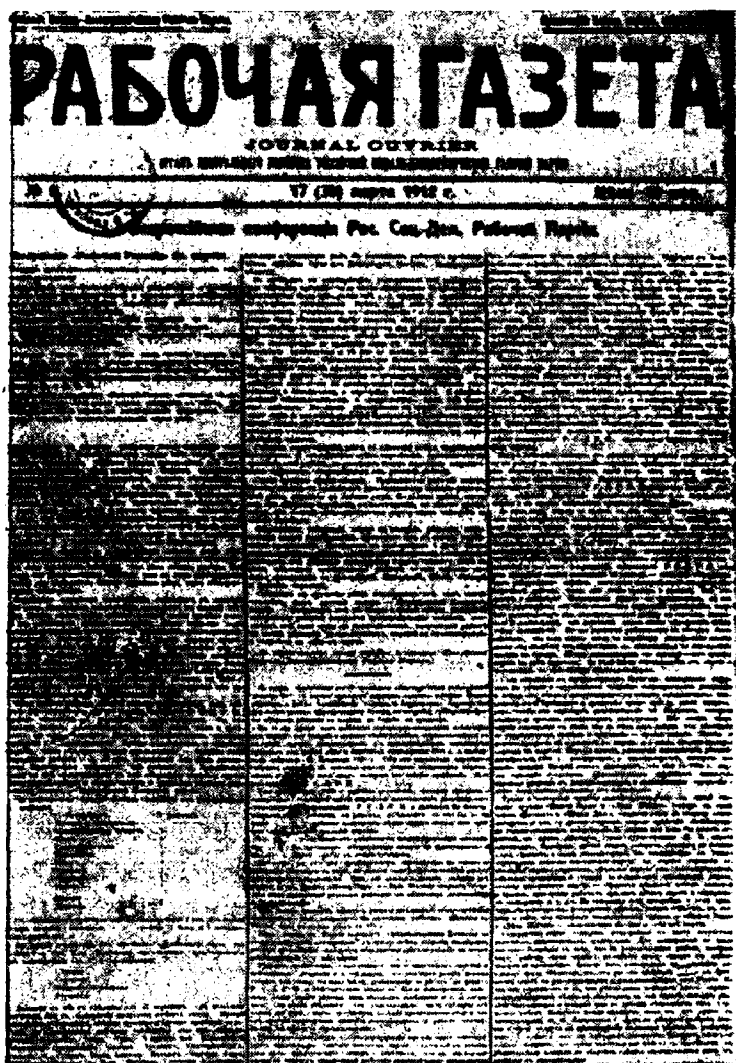
жавшихся 12 дней, и закрылась 30 января 1912 г.

На конференции присутствовало 14 делегатов с мест с правом решающего голоса и 4 делегата с совещательными голосами от руководящих заграничных центров. С решающими голосами на конференции присутствовали: от Петербурга — П. А. Залуцкий (Фома) и П. Онуфриев (Степан — токарь, рабочий Обуховского завода); от Москвы — Голощекин (Филипп, Борис Иванович), Г. Е. Зиновьев и Р. В. Малиновский (последний от профсоюзов, впоследствии оказался провокатором); от Центрально-промышленной области из Тулы — А. С. Романов (впоследствии оказался провокатором); от Саратова — А. К. Воронский (Валентин); от Тифлиса — Г. К. Орджоникидзе (Серго); от Баку — Спандариан (Тимофей); от Николаева — Л. П. Серебряков (Ерема); от Казани — А. И. Догадов (Павел); от Киева — Д. Шварцман, от Екатеринослава — Зевин (Савва) и от Двинска и Вильны — М. М. Гурович (Матвей).

С совещательными голосами участвовали: от редакции ЦО — В. И. Ленин, от «Рабочей газеты» — Л. Б. Каменев, от КЗО — Н. А. Семашко и от транспортной группы — О. Пятницкий (Альберт).

С большим опозданием уже после окончания работ конференции от думской с.-д. фракции приехали: Полетаев (большевик) и Шурканов (меньшевик-партиец; впоследствии оказался провокатором).

Во время заседаний конференции выяснилось, что на конференцию ожидалось также и представители от Самары, Нижнего-Новгорода, Сормова, Ростова н/Д., Луганска, Двинска, Тюмени, Екатеринбурга, Уфы и др. уральских организаций, делегаты которых частью были задержаны в пути, частью еще на местах и т. д. Часть этих организаций прислала приветствия и письменные извещения о присоединении к конференции. Такие извещения были получены от партийных организаций Сормова, Нижнего-Новгорода, Самары и Луганска и от одной из организаций Северо-западного края.

«Рабочая газета», издававшаяся в Париже под ред. В. И. Ленина в 1910-1912 гг. Номер с извещением о пражской конференции

Музей революции

Таким образом, «Извещение о всероссийской конференции» с полным правом могло констатировать, что на конференции «представлено было все, что есть сколько-нибудь серьезного и влиятельного в области с.-д. партийной работы в России».

Отсутствовавшими на конференции оказались только национальные организации: кавказская организация, бундовцы, латышская с.-д. и п. с.-д.

бран Ленин, обязанности товарища председателя выполнял Голощекин, секретарями были избраны Воронский и Догаров. Порядок дня был следующий: 1) конституирование конференции; 2) доклады (доклады с мест, доклад РОК, ЦО и т. д.); 3) современный момент и задачи партии; 4) выборы в IV государственную думу; 5) думская фракция; 6) государственное страхование рабочих; 7) стачечное движение и профес-

Орджоникидзе, член российской орг. ком. и делегат пражской конференции (с карточки охранного отделения)

Музей революции

(польская с.-д. партия). Несмотря на троекратное приглашение этих организаций со стороны РОК, несмотря даже на сочувствие к конференции со стороны рабочих членов этих организаций на местах их руководящие центры не сочли нужным участвовать на конференции.

От участия в конференции несмотря на приглашение российской организационной комиссии отказались также Плеханов, группа Троцкого и впередцы.

По партийности конференция состояла в подавляющем большинстве из большевиков. Кроме большевиков было только два меньшевика-плехановца — киевский делегат Шварцман и делегат Екатеринославской губ. Зевин.

Конференция открылась 18 января 1912 г. и продолжалась до 30 января. Председателем единогласно был из-

бран Ленин, обязанности товарища председателя выполнял Голощекин, секретарями были избраны Воронский и Догаров. Порядок дня был следующий: 1) конституирование конференции; 2) доклады (доклады с мест, доклад РОК, ЦО и т. д.); 3) современный момент и задачи партии; 4) выборы в IV государственную думу; 5) думская фракция; 6) государственное страхование рабочих; 7) стачечное движение и профес-

синальные союзы; 8) «петиционная кампания»; 9) о ликвидаторстве; 10) задачи с.-д. в борьбе с голодом; 11) партийная литература; 12) организационные вопросы; 13) партийная работа за границей; 14) выборы и 15) разное («Извещение о всероссийской конференции РСДРП»).

Перед конституированием конференции был заслушан доклад т. Орджоникидзе о работе РОК. Вслед за докладом РОК по вопросу о конституировании была принята резолюция, признающая пражскую конференцию «общепартийной конференцией РСДРП, являющейся верховным органом партии»¹.

По поводу отсутствия делегатов национальных организаций конференция вынесла резолюцию, которая, отмечая настойчивые попытки по их привле-

¹ Ленин, собр. соч., т. XV, стр. 375.

чению, возлагала всю ответственность за неявку делегатов от национальных организаций на руководящие центры этих организаций.

В этой резолюции конференция подчеркнула важность установления связей с «националами на местах». Резолюция подчеркнула целый ряд ненормальностей во взаимоотношениях с национальными организациями и переход отдельных национальных организаций на ликвидаторские позиции. Резолюция подчеркивала, что ликвидаторское руководство целого ряда национальных организаций находится в полном противоречии с настроениями рабочих-партийцев.

Огромное внимание было уделено конференцией докладам с мест, на заслушание которых было затрачено пять заседаний. Из этих докладов выяснилось, что всюду на местах среди с.-д.-рабочих ведется энергичная работа по укреплению местных нелегальных с.-д. организаций и групп; вместе с тем было отмечено, что сделано все-таки еще недостаточно для практической с.-д. работы в профессиональных союзах, кооперативах, клубах и т. д. Указывая на необходимость усиления массовой работы, резолюция призывала к энергичной работе по укреплению партийных организаций.

В резолюциях об оценке текущего момента, о голоде, о политике царизма в Персии и в Финляндии, о политике царизма в отношении Китая конференция дала ответ на основные вопросы тогдашнего текущего момента. Эти резолюции еще раз подчеркивали то, что задачи буржуазно-демократической революции (понятно, с последующим ее перерастанием в социалистическую) продолжают стоять на очереди; пражская конференция, вслед за декабрьской конференцией 1908 г., подчеркивала, что задача завоевания власти пролетариатом, ведущим за собой крестьянство, остается попрежнему задачей демократического переворота в России как первого этапа социалистической революции. Конференция указывала «на необходимость усиленной работы по восстановлению нелегальной организации РСДРП, использующей еще шире, чем до сих пор, все

и всяческие легальные возможности»¹. Пражская конференция приняла решения и по вопросам международного революционного движения. В специальной резолюции о грабительской политике царизма в Персии, в Финляндии и о политике царизма в отношении Китая, конференция клеймила грабительскую политику царского режима и приветствовала «революционеров-республиканцев Китая», констатируя «мировое значение революционной борьбы китайского народа, несущей освобождение Азии и подрывающей господство европейской буржуазии»².

Что касается тех задач которые стояли перед пролетариатом в условиях начинавшегося подъема, то они наиболее полно были выявлены в резолюции о выборах в IV думу, о думской фракции, об отношениях к законопроекту о государственном страховании рабочих и т. д.

Резолюции пражской конференции дали четкую установку и для предстоящей избирательной кампании, выдвигая в качестве главной задачи с.-д. на выборах и будущей с.-д. фракции в самой Думе задачу, которой должны быть подчинены все остальные: «социалистическую классовую пропаганду, организацию рабочего класса»³ и агитацию за развернутую с.-д. программу. В связи с этими основными задачами пражская конференция намечала и тактическую линию с.-д. на выборах.

Большевики накануне выборов согласно указаний пражской конференции широко развернули борьбу против парламентского кретинизма ликвидаторов, жаждавших «положительной» работы в Думе, питавших надежды, что законодательная деятельность черносотенной думы даст возможность добиться каких-нибудь серьезных улучшений, против их реформистской программы «частичных требований». Большевики призывали к участию в IV думе только в целях использования думской трибуны как трибуны для пропаганды, агитации и организации масс. Партия использовала предвыборную кампанию, для

¹ Ленин, собр. соч., т. XV, стр. 378.

² Ленин, собр. соч., т. XV, стр. 394.

³ Ленин, собр. соч., т. XV, стр. 379.

того чтобы развернуть агитацию вокруг своей платформы, для того чтобы разъяснить массам свою программу и тактику, для того чтобы мобилизовать массы не только за развернутую демократическую программу, но и на борьбу за социализм.

Пражская конференция, подтверждая решение лондонского съезда, указывала на недопустимость каких бы то ни было избирательных соглашений на первой (массовой) стадии выборов, учитывая «большое агитационное значение уже одного факта выставления самостоятельных с.-д. кандидатур»¹. Резолюция связывала всю подготовку к избирательной кампании с усилением с.-д. агитации, с укреплением работы нелегальных рабочих с.-д. ячеек. Пражская конференция дала оценку работы думской с.-д. фракции и наметила ее задачи к предстоящей предвыборной кампании.

Пражская конференция наметила также линию с.-д. в страховой кампании. Пражская конференция дала исчерпывающую критику правительственного закона о страховании, характеризуя его как «грубейшее издевательство над насущнейшими интересами рабочих». Намечая развернутую с.-д. программу по вопросу страхования, пражская конференция призывала партийцев, работающих как в легальных, так и в нелегальных организациях, развить самую широкую агитацию против думского страхового закона. Резолюция пражской конференции предлагала эту агитацию увязывать со всей борьбой с.-д. за неурезанные с.-д. лозунги.

Вся работа пражской конференции проходила под знаком борьбы занеурезанную с.-д. программу, под знаком борьбы против ликвидаторства и центризма. Это нашло свое отражение в специальных резолюциях пражской конференции о «петиционной кампании» и о ликвидаторах. Резолюция о «петиционной кампании» указывала на необходимость увязать борьбу за право петиции со всей борьбой пролетариата за уничтожение царского самодержавия и за республику. Конференция разоблачала ликвидаторов, которые, «вместо

¹ Ленин, собр. соч., т. XV, стр. 379.

La Conférence des délégués des organisations
Social-démocrate ouvrier de Russie.

Российская Социаль-демократическая Рабочая Партия.

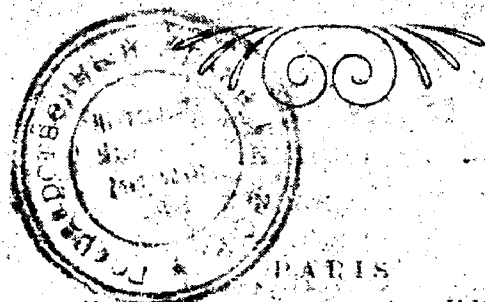
Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

554
Губинский
ВСЕРОССИЙСКАЯ
КОНФЕРЕНЦИЯ

Рос. Соц.-Дем. Раб. Партия

1912 года.

ИЗДАНИЕ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА.

PARIS
Копирование и типография «ИДЕАЛ»
10, Avenue d'Orléans, XIV.

1912.

Обложка брошюры с «Извещением» и резолюциями пражской конференции

Музей революции

того чтобы указывать рабочим, что для завоевания полной свободы коалиции в России необходима революционная борьба масс за основные требования демократии, проповедывали на деле так называемую «борьбу за право», т. е. либеральную борьбу за «обновление» режима 3 июня посредством частичных улучшений»¹. Резолюция указывала на необходимость «постоянно ставить это требование в неразрывную связь с нашими общими политическими требованиями и революционной агитацией в массах»¹.

¹ Ленин, собр. соч., т. XV, стр. 387 и 388.

Что касается вопросов партийного строительства и внутривнутрипартийного положения, то основную линию по вопросам партийной работы пражская конференция наметила в резолюции о характере и организационных формах партийной работы. В этой резолюции конференция подчеркивала, что в условиях начинающегося оживления в рабочем движении дальнейшее развитие организационных форм партийной работы может идти только по тому пути, который намечен на декабрьской конференции 1908 г. и подтвердился всем опытом трехлетней борьбы, т. е. по пути создания нелегальных с.-д. ячеек, окруженных возможно более разветвленной сетью всякого рода легальных рабочих обществ¹. Резолюция указывала на необходимость возможно более полного использования и большей инициативы «в деле постановки с.-д. работы в легальных обществах»² на основе укрепления нелегальных партийных организаций.

Огромной важности актом пражской конференции было то, что она подвела итог всей борьбе с ликвидаторами, исключив их из партии.

Пражская конференция вынесла постановление об отмене соглашения с редакцией венской «Правды» Троцкого, которое было заключено на пленуме ЦК 1910 г., и признала «Рабочую газету» официальным органом ЦК партии.

Пражская конференция впервые после четырех лет, в течение которых ЦК фактически не существовало, создала организационный центр партии, избрав большевистский ЦК.

В состав Центрального комитета были избраны: Ленин, Зиновьев, Орджоникидзе, Давид Шварцман (Виктор), Филипп Голощекин, Тимофей Спандарьян и Малиновский (Константин). Кандидатами в ЦК были избраны: А. С. Бубнов, А. П. Смирнов, М. И. Калинин и Е. Д. Стасова. Вскоре в состав ЦК были кооптированы: И. В. Сталин и Белостоцкий (Владимир). Представителем в интернациональное социалистическое бюро был избран т. Ленин.

¹ Ленин, собр. соч., т. XV, стр. 352.

² Там же, стр. 353.

В редакцию ЦО «Рабочая газета» были выбраны: тт. Ленин, Зиновьев, Каменев и Белостоцкий.

Таковы были основные решения пражской конференции.

Из состава ЦК выделена была русская коллегия ЦК, которая должна была руководить работой в России. В состав ее вошли: Сталин, Орджоникидзе, Спандарьян, Шварцман, Малиновский (провокатор), Голощекин. Эта коллегия выделила в свою очередь исполнительное бюро: Сталин, Орджоникидзе, Спандарьян и Голощекин. Сразу же по окончании пражской конференции делегатам был поручен объезд местных организаций для докладов о деятельности конференции.

Пражская конференция отличалась исключительным единодушием в выработке своих решений по основным политическим вопросам. Это единство было результатом отсутствия на конференции принципиальных разногласий, результатом того, что конференция происходила под руководством Ленина и что она приняла решения, исходившие из ленинской оценки момента и намечавшие, исходя из этой оценки, свою программу, тактику и организационные задачи.

Пражская конференция сыграла огромнейшую политическую роль. Она явилась поворотным пунктом в истории нашей партии. Пражская конференция оформила разрыв с ликвидаторством и организационно закрепила переход партии большевиков на путь самостоятельного существования.

Пражская конференция знаменовала собой не только победу над ликвидаторством и поддерживающими его группами, но была победой и над примиренчеством, над центризмом.

«Объединение,—писал Ленин,—получилось благодаря тому, что январская конференция РСДРП бросила пустую игру в сговоры заграничных группок, бросила пустое ухаживание за ликвидаторами революционной партии и выступила во-время с ясными и точными лозунгами борьбы»¹.

Пражская конференция подвела итог периоду двухлетней борьбы большеви-

¹ Ленин, собр. соч., т. XV, стр. 542.

ков после январского пленума за создание подлинного партийного единства.

«Два года после пленума, которые кажутся многим маловерам или диллетантам в с.-д., не желающим понять дьявольской трудности задачи, годами ничемных, безысходных, бессмысленных склок, распада и развала, были годами выведения на дорогу с.-д. партии из болота ликвидаторских и отзовистских шатаний»¹. Только бесхребетные примиренцы, только центристы представляли себе откол большевизма от правого и левого ликвидаторства как распад партии. На самом деле очищение партии от правого и левого ликвидаторства и центризма было не распадом, а укреплением партии.

Только путем решительной борьбы против правого и левого ликвидаторства и примиренческого отношения к ним партия добилась действительно подлинно-большевистского единства.

Консолидации партии, созданию большевистского единства способствовал рост революционного движения, который оживил массы пролетариата, поднял его интерес к революционной борьбе и во всей остроте поставил перед рабочим классом вопрос о необходимости «сплотиться в крепкие с.-д. организации в каждом городе» и «вновь объединить с.-д. организации всех городов России в единую централизованную партию» («Извещение о всероссийской конференции РСДРП»).

«Передовые ряды рабочих встрепенулись,—писало «Извещение о всероссийской конференции».—Только поэтому нашей партии удалось решить нелегкую задачу собирания сил после годов распада, развала, уныния, разброда».

Именно этот подъем в рабочем классе и создал условия для развертывания партийной работы в 1912—1914 гг.

Укрепление и консолидация сил партии, создание подлинно-большевистского единства обусловили возможность для руководства со стороны партии массовым революционным подъемом. Правильное ленинское руководство обеспечивало победу большевизма в массовом рабочем движении, создавая предпосылки для вытеснения всевозможных оппортунистических группок, для большевизации масс. Только правильное большевистское руководство массовым движением обеспечило то, что в годы подъема создалось целое поколение рабочих-правдивых. Рабочий класс приобрел «иммунитет» против заразы шовинизма, что и дало свои результаты в годы империалистической войны, необычайно сузив базу социал-шовинизма в России, создав предпосылки для быстрой большевизации масс в Октябре. Пражская конференция явилась одним из важнейших этапов в развитии партии, тем этапом, который и привел к созданию современной монолитной партии, которая под руководством ленинского ЦК разгромила все антипартийные течения в лице правого оппортунизма (главная опасность на данном этапе), а также сплошь и рядом смыкающегося с ним «левого» оппортунизма, разгромила контрреволюционный троцкизм представляющий передовой отряд контрреволюционной буржуазии. Только борьбой против всех и всяческих уклонов от линии партии и объясняется железное единство в ее рядах, ее успех в Октябрьской революции, в годы гражданской войны и в годы современного социалистического строительства. Только железным монолитным единством партии, одним из этапов создания которого явилась пражская конференция, объясняются те грандиозные успехи, которых мы добились в социалистическом строительстве, в завершении построения фундамента социалистической экономики, коллективизации сельского хозяйства и ликвидации на ее основе кулачества как класса.

¹ Ленин, собр. соч., т. XV, стр. 293.

КЛАССОВАЯ БОРЬБА НА ВОСТОКЕ

Н. МОСИНА

Я П О Н И И
К Л А С С А
Д А Б О Ч Е Г О
Б О Д Ц Е Б А

Демонстрация текстильщиц в Токио

I. ЯПОНСКИЙ КАПИТАЛИЗМ В ТУПИКЕ

«Положение нашей страны столь ужасно, правительство столь беспомощно, что для него остался только один выход — совершить над собой харакири».

Это заявление, сделанное на очередной сессии парламента представителем буржуазной оппозиционной партии Сейюкай, является блестящим свидетельством безвыходности тех противоречий, в которых запутался японский империализм.

Разрастающийся с каждым днем экономический кризис сжимает и душит одну за другой крупнейшие отрасли японской промышленности, наглухо закрывает двери фабрик и заводов, в лихорадке трясет биржу, взрывает на воздух банки, гонит на улицу армии рабочих, обрекает на голодное вымирание миллионы деревенской бедноты.

Являясь частью мирового экономического кризиса, кризис в Японии имеет свои специфические черты, объясняемые особенностями социально-экономического строя. Страна баснословно быстрых темпов роста капитализма, страна грандиозной концентрации капитала и империалистической эксплуатации колоний, Япония сочетает в своей экономической системе развитые формы империализма с мощными остатками феодализма, напоминая с этой точки зрения царскую Россию.

Безудержная колониальная эксплуатация Кореи, Китая, Формозы и использование феодальных пережитков внутри страны для двойной и тройной эксплуатации трудящихся масс — вот источники быстрого роста японского капитализма. Однако вместе со вступлением мирового капитализма в фазу всеобщего кризиса этот источник силы японского империализма превращается в источник его слабости.

В условиях невиданного перепроизводства, от которого стонет весь капиталистический мир, перед Японией с особой остротой встает вопрос об отсутствии внутреннего рынка, о нищенском жизненном уровне рабоче - крестьянских масс. Японский капитализм переживает глубочайший кризис. Сокращение производства достигает за последний год по некоторым отраслям 50%. За один 1930 г. экспорт сократился на 31%, импорт на 32%, внешняя торговля дает небывало пассивный баланс. Никакие рационализаторские мероприятия всей концентрированной мощи финансового капитала Японии, возглавляемого самим правительством, не в состоянии остановить разрушительной волны кризиса.

Крестьянское хозяйство, задыхающееся под прессом двойной эксплуатации — финансового капитала и помещика, находится в состоянии прямого разложения.

«Крестьянская масса, которая была до сих пор наиболее ценным источником эксплуатации японского капитализма, из которой он извлекал свое оружие в международной конкуренции — дешевый труд, находится в положении катастрофы», так характеризует положение сельского хозяйства министр финансов Иннуэ.

Задавленное многочисленными налогами японское крестьянство, задолженность которого в 1931 г. дошла до 6 млрд. руб., не в силах поддерживать своего нищенского существования и находится на грани полной пауперизации и вымирания.

Рис — основной продукт питания — стал недоступным для тех, кто его производит. В целом ряде сельскохозяйственных районов крестьянство питается только картофелем; самые дешевые сорта рыбы исчезли с крестьянского стола.

Кризис, разразившийся на базе депрессивного состояния японской экономики, тянется уже более двух лет и не дает никаких перспектив и надежд на смягчение его в ближайшее время.

С отвагой и бешенством обреченного японский империализм предпринимает новые завоевания, чтобы дать отдушину

для задыхающегося капитала. Он предпринимает военную оккупацию Южной Манчжурии.

Южная Манчжурия с ее главным нервом, Южноманчжурской ж. д., занимая важное для Японии стратегическое положение (доступ в Северную Манчжурию и внутреннюю Монголию), обладая огромными природными богатствами, уже давно была ареной приложения японского капитала и рынком сбыта для японской промышленности.

Богатейшие залежи железа в Южной Манчжурии почти равняются запасам железа в Германии или в Великобритании. Аньшанские железорудные копи дают ценнейшее сырье для японской промышленности. Фушунские угольные копи вырабатывают ежегодно около 3 млн. тонн угля. При почти полном отсутствии запасов угля и железа в самой Японии эти разработки играют первостепенную роль для народного хозяйства Японии. Японией вложено в Южную Манчжурию более 750 млн. капитала в различные предприятия и около 400 млн. в Южноманчжурскую ж. д.

Свои экономические позиции в Южной Манчжурии японский империализм стремится закрепить установлением военно-политического господства. Захватив ряд важных стратегических пунктов в Южной Манчжурии, японская буржуазия создала плацдарм для своего продвижения в Северную Манчжурию, для захвата внутренней Монголии, окружая таким образом железным кольцом территории, принадлежащие СССР.

«Героическая» попытка разрядить атмосферу застоя и гниения экономики путем новых колониальных авантур идет наряду с систематическим наступлением на рабочий класс внутри страны, перекладыванием на его плечи тягостей кризиса.

2. ПОХОД ПРОТИВ РАБОЧЕГО КЛАССА

Положение японского рабочего класса во время кризиса становится особенно невыносимым вследствие существующих в стране полуколониальных условий эксплуатации пролетариата.

Японский капитализм, развившийся на базе неразрушенных до основания феодальных остатков и быстро перераставший в империализм, использовал элементы средневековья для двойной и тройной эксплуатации рабочего класса. Империализм, который повсюду несет с собой кабалу, рабство, угнетение, в Японии имел для этого особенно благоприятную почву. Неисчерпаемый источник дешевой рабочей силы из среды разоряющегося крестьянства, сильные остатки цеховых традиций среди молодого рабочего класса позволили японской буржуазии установить такие методы эксплуатации, которые не сняты американским тейлористам и германским рационализаторам.

По производительности труда японский рабочий почти не уступает европейскому при заработной плате вдвое и даже втрое более низкой. Японский рабочий не имеет не только 8-часового рабочего дня (длительность рабочего дня зачастую равняется 10, 12 и даже 14 час.), но он обычно находится в полурабской зависимости от капиталиста. До настоящего момента в Японии сохраняется система, при которой агенты промышленных компаний скупают в деревнях на определенный срок необходимое количество рабочей силы путем заключения соответствующих контрактов. Японские текстильщицы—почти сплошь дочери японской бедноты, проданные своими родителями за определенную сумму на фабрику на 5—10 лет. На этот срок они находятся в полном рабочем владении хозяина, живут в казармах, из которых не имеют права отлучаться, не распоряжаются не только своей заработной платой, но и своей личностью. Эта система, которая может быть сравнена только с системой рабочих домов Англии XVIII в., сочетает в себе элементы старых средневековых патриархальных традиций с хищническим закабалением рабочего империалистическим капиталом.

Само собой разумеется, что в этих условиях ухудшение положения рабочего класса в связи с наступившим кризисом граничит с перспективой полной пауперизации и вымирания рабочего класса.

Сокращение производства, проводимое в широком масштабе японским монополистическим капиталом, связано с колоссальным увеличением безработицы.

Количество фабричных рабочих за один год с 1/VI—1929 г. по 30/VI—1930 г. сократилось с 1 283 997 до 1 164 378, т. е. на 119 619 рабочих. Общая цифра безработных достигает 2 млн. человек. В судостроительной промышленности в 1930 г. было намечено уменьшение общего количества рабочих с 43 тыс. до 31 тыс., т. е. сокращение почти на 30%. Как известно, никакого социального обеспечения японские безработные не получают.

Прямое выбрасывание рабочих с фабрики идет одновременно и параллельно с другим рационализаторским мероприятием капиталистов: установлением всяких систем неполного рабочего дня, переходом с двухсменной работы на односменную и т. п.

«Japan Chronicle» от 14/VIII—1930 г. сообщает: «Вследствие значительного сокращения заказов Судостроительная компания в Нагасаки, находящаяся в руках крупнейшего концерна Мицудиши, проводила в течение некоторого времени перерывы в работе групп рабочих. Это оказалось недостаточным. Компания уволила 600 временных рабочих. Далее сокращение было распространено и на остальных постоянных 7 500 рабочих, из которых были уволены старики свыше 50-летнего возраста и те, работа которых была признана неудовлетворительной».

Установление неполного рабочего времени находит свое отражение в так называемой «idlersystem». Наиболее совершенным образом эта система была проведена на судостроительных предприятиях Кавосаки. Дирекция разбила всех рабочих соответственно техническим удобствам на несколько групп, причем работа начинается для всех рабочих в одно время, а кончают они в разное время (12—2—4 часа), причем проведено соответствующее сокращение заработной платы. Для первой группы зарплата сокращается до 70%, для второй — до 80% и для третьей до 90%, т. е. проводится одновременное и поголовное снижение зарплаты.

Каких результатов достигла японская буржуазия в своей рационализаторской политике, может свидетельствовать следующая таблица индекса падения реального уровня зарплаты:

Годы	Мужчины	Женщины
1926	100	100
1929	101,5	95,1
1930	94	81,9

В 1931 г. заработная плата продолжает падать.

3. ПРОЛЕТАРИАТ ПРОХОДИТ СУРОВУЮ ШКОЛУ БОРЬБЫ

Грубое, ничем не прикрытое наступление предпринимателей на рабочий класс вызвало контрнаступательную волну стачек и забастовок. Стаечное движение 1930 г. отличается от предыдущих лет не только шириной вовлечения рабочих масс, но и большей глубиной, большей длительностью, большим упорством и более революционными методами в борьбе.

Жестокие удары, которые получал рабочий класс со времени окончания европейской войны, были для него суровой школой борьбы. Вступление японского капитализма в стадию всеобщего кризиса, судорожные попытки буржуазии продлить свое существование путем отчаянного нажима на рабочий класс как нельзя более способствовали отрезвлению рабочего класса, кристаллизации его классового сознания, изжитию патриархальных традиций, усиленно насаждавшихся буржуазией.

Это нашло свое выражение в объеме и в характере массового движения пролетариата.

В октябре 1930 г. м-во вн. дел опубликовало следующие данные о трудовых конфликтах за первое полугодие каждого из последних трех лет.

Годы	Число конфликтов	Число участников
1928	371	39 217
1929	485	61 267
1930	728	76 791

Только за два года количество выступлений пролетариата против буржуазии возросло более чем в два раза с одновременным ростом количества участников стачечного движения.

Приведенные цифры являются рекордными в истории рабочего движения Японии. Даже в 1919 г. (год обостренного послевоенного кризиса) количество конфликтов равнялось лишь 497, а число участников 63 137.

Чрезвычайно показательным является изучение вопроса о причинах конфликтов. Согласно данным Социального бюро главными причинами конфликтов в 1930 г. были следующие:

- 1) снижение условий труда и невыплата зарплаты вследствие депрессии;
- 2) слияние предприятий и более интенсивное использование технического оборудования, т. е. интенсификация труда;
- 3) сокращение производства;
- 4) увольнения и снижение зарплаты, происходящие вследствие сокращения рабочего времени, отмены ночных работ женщин и детей, и
- 5) репрессивные меры правительства против профсоюзного движения и левых рабочих союзов.

В условиях кризиса рабочему классу в его повседневной экономической борьбе приходится вести ожесточеннейшую борьбу для того, чтобы отстаивать тот ничтожный уровень, который он имеет. Борьба идет в первую очередь против ухудшения этого уровня.

Насколько усилился нажим на рабочий класс именно в этом направлении, можно судить по следующим данным о соотношении между конфликтами, возникшими из-за требования рабочих улучшить условия труда, и конфликтами, вызванными их борьбой против ухудшения существующих условий (в процентах):

Годы	Количество конфликтов с требованиями	
	улучшения условий труда	против ухудшения существ. условий
1925	40	17
1926	48	16
1927	28	28
1928	31	33
1929	18	50
1930	10	67

Таким образом, из года в год рабочему Японии приходится вести все более ожесточенную борьбу против ухудшения своего материального положения.

Забастовки последних лет отличаются длительностью и боевым характером, перерастая зачастую из чисто экономических в политические. В 1930 г. мы имеем целый ряд фактов столкновений с полицией, разгрома фабричных контор и т. п.

Большой остротой отличались рабочие волнения на угольных коях Cho-no-ri-Kahey Myok в июне 1930 г.

Волнения начались с протестов против рационализаторских мероприятий. Усмирив волнения, администрация потребовала, чтобы 500 углекопов дали обязательство, что в будущем они не будут прибегать к таким методам действия. 130 чел. отказались дать такое обязательство. Компания уволила 14 «зачинщиков». Тогда на коях начался бунт.

«Углекопы напали на контору и разрушали все, что попадалось им по пути»¹. На помощь местной полиции пришлось вызвать полицию из соседнего района. В результате беспорядков разрушено несколько зданий, а убытки исчисляются в 70 тыс. руб.

По длительности и широте охвата рабочих характерной является забастовка на фабриках компании Канегофучи (текстильное производство).

Забастовка началась в марте 1930 г.². Поводом послужило решение предпринимателей снизить зарплату на 30%. Возмущение рабочих усиливалось тем, что им стало известно, что одновременно было выдано 3 млн. иен наградных директору компании Сандзи Муто. На угрозу рабочих объявить забастовку администрация ответила усилением охраны общежитий и запрещением доступа в них посторонних лиц.

Начавшаяся забастовка быстро перекидывалась с одной фабрики компании на другую.

7/IV начался саботаж на токийской фабрике Сумидзава (3 000 рабочих), 10/IV объявили забастовку 1 000 рабочих осакской фабрики и 400 рабочих одной из фабрик Киото. 11/IV число бастующих в Киото увеличилось до 950 чел. и начали забастовку 1 490 рабочих в Хиого. Движение распростра-

няется на о-в Кусхо и даже перекидывается в Китай в Циндао. Всего было охвачено забастовкой и саботажем около 20 тыс. рабочих.

Забастовка рабочих Канегофучи, так же как и большинство забастовок 1930 г., была сорвана вмешательством реформистов. Однако она создала большой подъем среди рабочих масс. Целый ряд рабочих организаций (осакский союз трамвайщиков, федерация табачников и ряд др.) откликнулся сбором пожертвований в пользу бастующих.

Не менее широкий и ожесточенный характер носила и забастовка токийских трамвайщиков, которые в течение 1930 г. бастовали несколько раз, и ряд других забастовок.

4. СОЦИАЛ-ФАШИЗМ НА ПОМОЩЬ РАЗВАЛИВАЮЩЕМУСЯ КАПИТАЛИЗМУ

«Отношение господства и связанного с ним насилия — вот что типично для новейшей фазы в развитии капитализма» (Ленин, т. XIX, 3-ье изд. стр. 91).

Политическая структура Японии целиком определяется особенностями ее экономического развития, быстрого перерастания капитализма на базе сохранившихся феодальных элементов в законченную систему империализма.

Парламентский режим, всеобщее избирательное право, не дозрев до эры «буржуазной демократии», превращаются в открытое и цинично-откровенное орудие финансовой олигархии, отказывающейся от всяких либеральных побрякушек, превращающей весь политический строй в строй открытого насилия, открытого угнетения и подавления всякого революционного движения.

Парламентские выборы, правительственные кризисы, смена министерств и целых кабинетов определяется небольшой кучкой финансовых магнатов.

Японская буржуазия сумела создать себе верный оплот в рабочем классе в реформистской профсоюзной организации Содомей, в так называемых «пролетарских» партиях Сякай-Минсюто, Роното и т. п.

Используя с большой ловкостью элементы цеховщины и патриархальщины

¹ «Japan chronicle», 3/VII—1930 г.

² «Осака Майничи», 7—15/IV—1930 г.

внутри рабочего класса, японская буржуазия через своих агентов в Содомее усиленно проповедует паназиатские идеи, идеи об особой миссии Японии среди восточных народов.

Политика правительства за период кризиса показывает, что японская буржуазия, достигнув исключительных результатов в деле экономического закабаления пролетариата, стремится самыми грубыми насильственными методами подчинить себе рабочий класс. И на этом пути она проявляет большую виртуозность.

Рост полиции, полицейского режима за последние годы увеличился настолько, что в арбитражных комиссиях, созываемых по поводу забастовок, председательское место повсюду занимает полицейский чиновник.

Массовые аресты коммунистов и всех «зараженных вредными идеями» принимают систематический характер и носят форму массовых облав на рабочие организации, на крупные предприятия и т. п.

Активность полиции доходит до таких пределов, когда она уже не ограничивается наблюдением за рабочими демонстрациями (количество полицейских во время демонстрации обычно почти равняется количеству демонстрантов), а проводит подготовку к возможным уличным боям. В феврале 1931 г. в Осаке были устроены полицейские маневры баррикадной борьбы по всем правилам военного искусства и с постройкой баррикад.

Преследование «вредных идей» доходит до того, что, по сообщению буржуазной газеты, «школьники-мальчики подвергаются арестам и бросаются в тюрьмы на долгие сроки. Колледжи переполнены шпиками и провокаторами. Преследуют уже не только за «опасные мысли», но вообще за мысли. Всякая критика рассматривается как опасность».

Японские газеты сообщают интереснейший факт о том, что м-во просвещения вменило в обязанность профессорам и учителям изучать Маркса для того, чтобы быть в курсе тех идей, которыми живут учащиеся, и уметь давать отпор этим идеям.

Большой интерес представляет деятельность правительства в области так

называемого рабочего законодательства. Типичным проявлением этой политики является проект закона о профсоюзах. Закон этот, встреченный социал-фашистскими партиями как вступление правительства на путь демократии, на самом деле представляет собой чрезвычайно искусную попытку установления нового контроля предпринимателя и полиции над рабочим классом.

Новый закон дает рабочим право организовываться в союз, признает за ним права юридического лица.

Однако установленная этим законом необходимость регистрировать в полиции устав союза, регистрировать всех

Собрание бастующих текстильщиков фабрики «Нанегофучи» в Токио

его членов, представлять по начальству все профсоюзные документы и постановления, наконец, право закрыть союз, «если действия его нарушают общественное спокойствие и порядок»,— все это дает в руки полиции такие возможности в отношении контроля над профсоюзами, изъятия опасных левых элементов, каких полиция никогда раньше не имела. Фашизирующаяся буржуазия засадила своих профессоров за изучение Маркса, а полицейских чинов-

ников — за изучение профсоюзного движения.

Только так мы можем рассматривать новый закон о профсоюзах.

Интересно отметить, что съезд реформистской профсоюзной организации Содомей, рассматривавший проект закона о профсоюзах, ограничился незначительными поправками к этому проекту.

Фашизм в Японии находит свое выражение и в организации штрейкбрехерских отрядов во время рабочих забастовок.

В начале 1930 г. во время забастовки токийских трамвайщиков фашистские отряды в первый день забастовки сумели обслужить 536 вагонов из общего количества 837, в последующие дни это количество сократилось до 400.

Это явление мы наблюдаем и в ряде других забастовок.

Процесс фашизации, охватывающий всю систему японского империализма, находит своих идеологов и теоретиков.

Доктор Минбоэ Тацукиши поместил в мартовском номере «Чуо Корон» статью о кризисе парламентской системы.

«Никто, кто наблюдает современную парламентскую систему в Японии, — пишет он, — не будет утверждать, что это совершенная система».

«Ни для кого не секрет, — пишет Минбоэ, — что голоса покупаются во время выборов. Многие члены парламента совершенно громогласно заявляют, что невозможно пройти в парламент без покупки голосов... Чтобы повернуть выборы в свою пользу, правительство прибегает ко всяким злоупотреблениям. Смена в министерствах влечет за собой смену префектуральных управлений... Бесчисленные суммы растрачиваются на выборные кампании... Что касается сессий парламента, то они не имеют никакого политического веса».

Автор переходит дальше к анализу состояния парламентской системы во всем мире и приходит к заключению:

«Парламентская система потеряла всякий авторитет не только в Японии. Невозможно отрицать, что в разном виде и степени это явление — общее для всех стран мира».

Парламентская система, которая, по мнению автора, была совершенной фор-

мой правления в конце XIX в., в нынешних условиях отжила свое время. В подтверждение своей точки зрения автор приводит аналогичное мнение многих политических деятелей Западной Европы. Ставя далее вопрос о том, что же должно прийти на смену парламентаризму, автор указывает, что послевоенное время породило две новые системы: большевистскую диктатуру и фашистскую диктатуру. Объявляя себя «противником всякого деспотизма», автор считает, что... в борьбе с большевизмом фашистская система «временно» должна быть принята.

«Несмотря на ряд отрицательных моментов фашистская система имеет такие сильные стороны, которые не могут быть найдены ни в какой другой системе. В общем мы должны поддерживать эту систему».

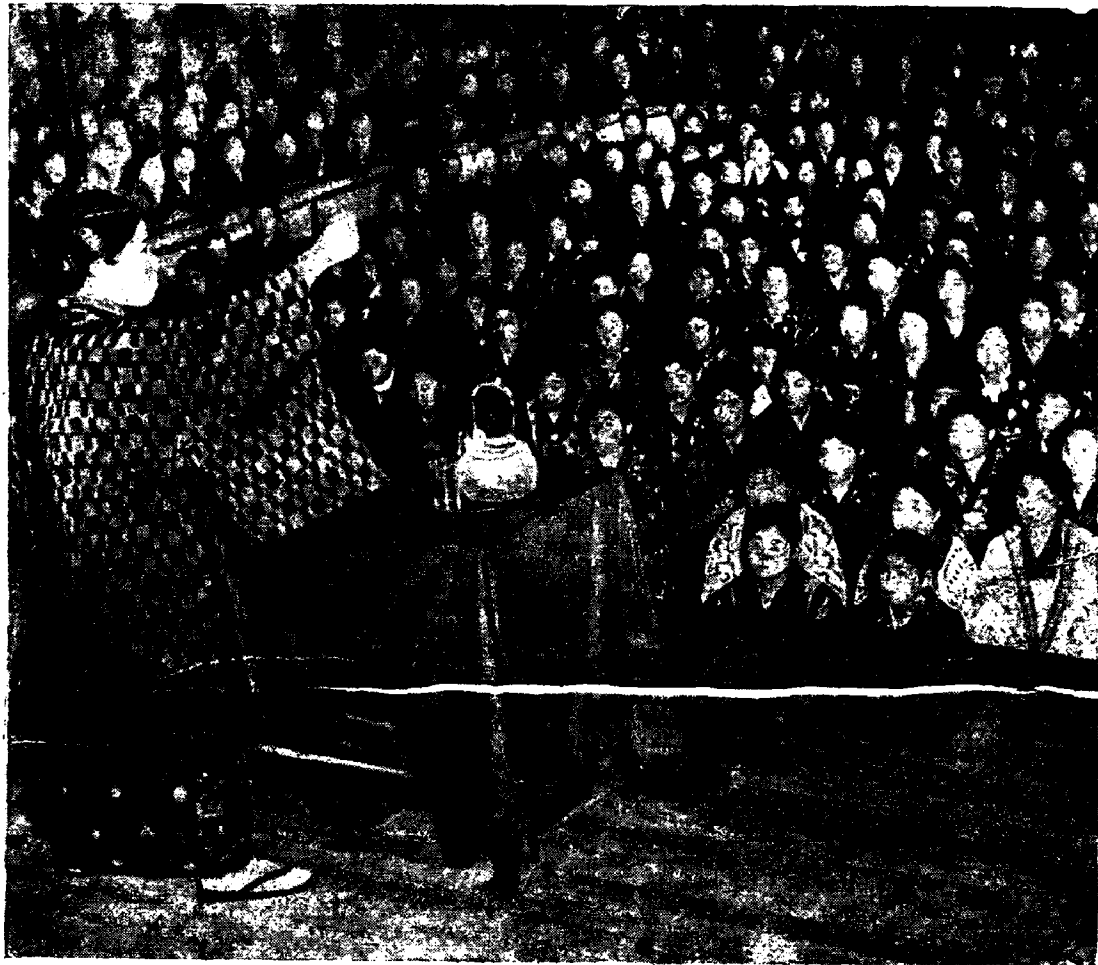
Эта открытая апология фашизма характеризует, как далеко зашла японская буржуазия в фашизации государственной системы.

Процесс фашизации широко охватил и все псевдопролетарские организации Японии.

Эти организации (профсоюзы, примыкающие к Содомею, и «пролетарские партии»), представляющие чрезвычайную пестроту и распыленность, в последние годы складываются как единое крыло буржуазии несмотря на существующие между ними разногласия. От буржуазного профессора Абе, возглавляющего Сякай-Минсюто, до ренегата Ямакава Кин, выступавшего в 1920 г. в качестве организатора компартии и проводника идей Коминтерна, а теперь ведущего ожесточенную борьбу с компартией, — все эти организации представляют единый фронт поддержки буржуазии и самой свирепой борьбы с компартией.

Под флагом борьбы за «единство пролетарского фронта» против «раскольников-коммунистов», за «широкие легальные методы борьбы» против «сектантских» коммунистических методов эти организации заключают прочный союз с буржуазией.

Профессор Абе на годовичном съезде Сякай-Минсюто откровенно заявляет: «В связи с расходами, предстоящими

Собрание бастующих
работниц

при проведении избирательной кампании, нам придется прибегнуть к финансовой помощи друзей нашей партии».

Главная платформа, которая объединяет все силы буржуазии, все оттенки социал-фашистских партий, — это борьба с грядущим коммунизмом.

Несмотря на то, что коммунистическая партия чрезвычайно малочисленна, загнана в подполье, обескровлена постоянными арестами, что весь цвет партии находится в тюрьмах, — база партии в Японии чрезвычайно велика.

Этой базой является разрастающаяся борьба рабочего класса.

В настоящем кризисе с чрезвычайной яркостью происходит процесс размежевания сил. Все псевдопролетарские партии с каждым днем все более и более снимают с себя маску, разоблачают себя перед рабочим классом, и все более твердо выступает единственная сила, способная возглавить борьбу пролетариата, — коммунистическая партия.

В грандиозной борьбе, ведущейся рабочим классом Японии против наступления фашизирующей буржуазии, ком-

партия все более становится руководящей силой. Несмотря на слабость левой профсоюзной организации (Хиочикай) в 1930 г. впервые в истории японского рабочего класса коммунистам удалось в некоторых забастовках сбить с позиций социал-фашистских вождей и создать свои коммунистические забастовочные комитеты.

Отвоевывая позиции у социал-фашистов, становясь авангардом пролетариата, компартия имеет благоприятнейшую почву и среди крестьянства. Условия существования японского крестьянства давно уже породили массовое крестьянское движение. Из стихийного оно начинает принимать все более четкие организационные формы, все более тяготеет к объединению своих сил под знаменем пролетариата.

Насколько поднялись уровень сознания крестьянства и чувство солидарности его с рабочим классом в последние годы, можно судить по следующей резолюции, принятой крестьянским союзом Дзен Коку Номин Кумиай 9/IV—1930 г. во время забастовки рабочих Канегофучи:

«Неустанный рост капиталистических противоречий довел деспотизм капиталистов и помещиков до крайнего предела. Они без всяких колебаний пьют кровь трудящихся масс. Политика фирмы Канегофучи служит блестящим примером кровавой эксплуатации. Прикрываясь лозунгом патриархальности, владельцы подвергают рабской эксплуатации наших деревенских девушек, нанимающихся на фабрики, не подозревая, какие на них условия.

Мы, всеяпонский крестьянский союз, призываем рабочих компании Канегофучи дружно вести борьбу единым фронтом, ибо речь идет о всем их дальнейшем существовании. И пусть они знают, что японский крестьянский союз будет до конца поддерживать их в борьбе».

5. ВОССТАНИЯ В КОРЕЕ И ФОРМОЗЕ

За плечами компартии Японии стоит не только пролетариат и крестьянство самой Японии, но и огромная армия колониальных рабов, угнетаемых японским империализмом.

Кризис обостряет это угнетение, делает положение трудящихся масс Кореи, Формозы все более невыносимым и толкает их на путь все более решительной борьбы. В течение 1930 г. мы имели огромные забастовочные движения в Корее, выливающиеся иногда в форму восстаний, и большое восстание на Формозе.

В Корее наибольшей остроты борьба достигла в начале 1930 г. В конце 1929 г. начались студенческие беспорядки в Хосю, поводом к которым послужило столкновение корейских и японских учащихся. Начавшиеся стычки приняли столь серьезный характер, что в город были вызваны войска. Произошло столкновение с войсками, в результате которого было убито и ранено 52 корейца. От Хосю движение разлилось по всей стране, вызвав огромную волну студенческих забастовок и демонстраций. В Сеуле движение приняло ярко выраженный антиимпериалистический характер. Была организована демонстра-

ция, в которой участвовали 7 000 чел., из них 1 000 чел. было арестовано. Демонстрация носила политический характер и проходила под лозунгами: «Да здравствует независимость угнетенных народов!», «Долой империализм и империалистические войны!» и «Защита Советского Союза».

Начавшись со студенческих и учащихся кругов, движение захватывает и рабочие массы. В январе вспыхивает забастовка 2 500 текстильщиков в Фузанае, забастовка распространяется на другие города: бастуют рабочие рисоочистительных предприятий в Чемульпо и Тайку, текстильщики Сеула. Движением было охвачено более 100 000 чел.

Мобилизацией полицейских отрядов и войск, арестом 17 000 чел. правительству удалось подавить движение. Однако нет никакого сомнения, что оно зреет внутри, готовое вылиться в еще более грандиозные формы при первом удачном поводе.

Еще более ожесточенный, более кровавый характер носила борьба формозских трудящихся в 1930 г. — борьба, которая вылилась в большое вооруженное восстание. Поводом к восстанию послужило, по сведениям буржуазной прессы, «принуждение туземцев к непосильному труду» и злоупотребления полицейских властей. Эти злоупотребления доходили до того, что полицейские чиновники забирали, например, половину той ничтожной зарплаты, которая причиталась формозцам.

По сведениям буржуазной прессы, восстание началось в месте резиденции правительственных властей. Правительственные помещения, школы были сожжены, военные склады с оружием и амуницией растащены, дома полицейских и чиновников разгромлены. Власти не могли справиться с восстанием и вызвали на помощь войска: два батальона инфантерии, один батальон горной артиллерии и др. В сражении было убито более 150 японцев, потери повстанцев исчисляются многими сотнями. К повстанцам примкнули окрестные деревни (по имеющимся сведениям, 9 деревень).

Восстание было подавлено с присущей японскому правительству жестокостью. 100 чел. было казнено полицией, а 400 повстанцев в результате неудачи восстания покончили жизнь самоубийством.

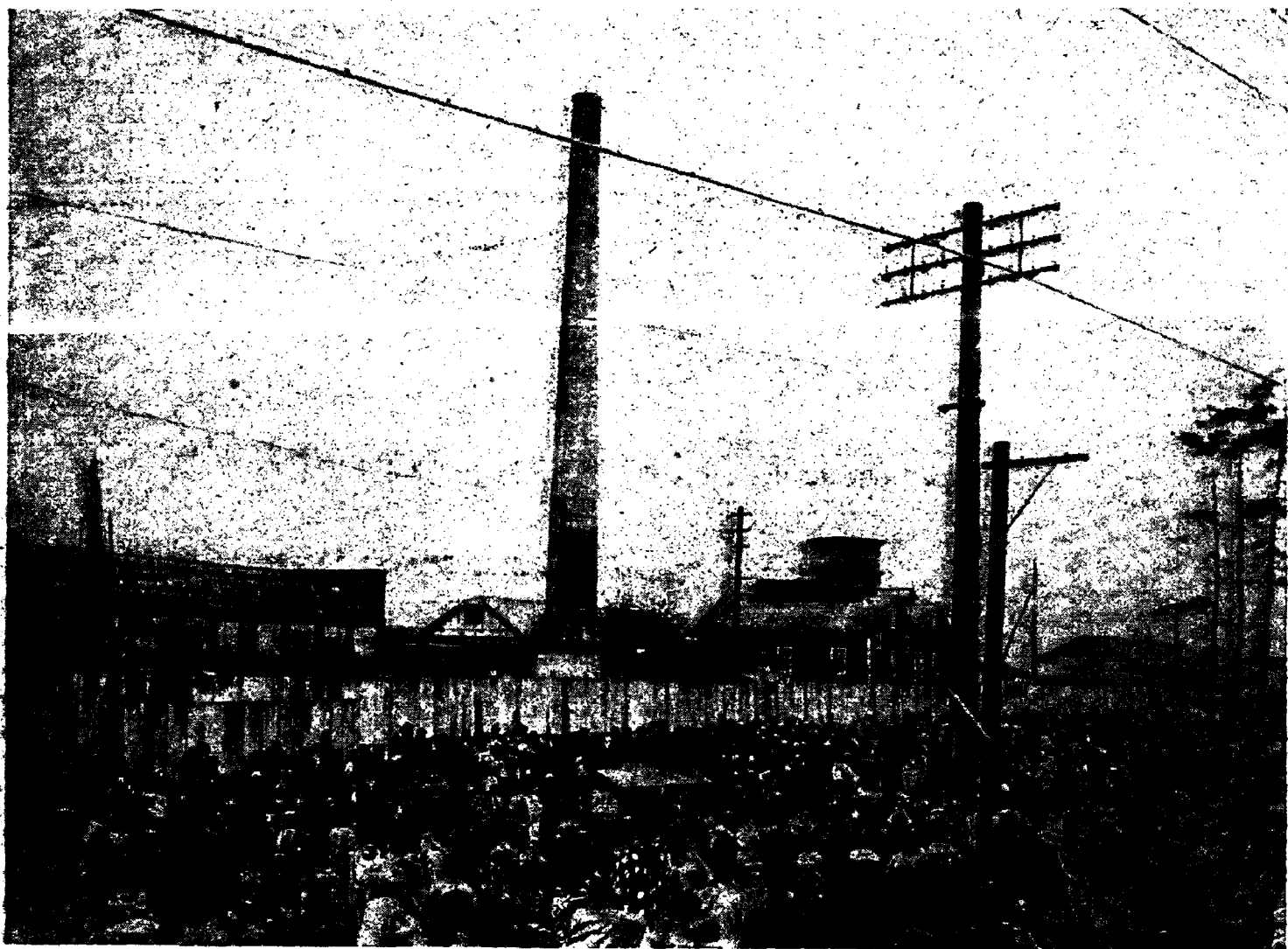
Кровавая расправа с формозскими повстанцами вызвала некоторые оппозиционные настроения в парламенте по поводу злоупотреблений в применении военной силы. Представитель правительственной партии Мацуда парировал эти оппозиционные разговоры с циничной твердостью:

«Это совершенно правильно и законно, — заявил он, — что, если полиция

не может поддержать порядок, должны быть вызваны войска».

В противовес свирепеющей буржуазной реакции в Японии вырастают три потока революционного движения: массовое рабочее движение, все более направляющееся по единственно возможному руслу — под знаменем компартии, мощное движение крестьянской бедноты, примыкающее к движению пролетариата, и, наконец, отчаянная борьба колониальных рабов японского империализма.

Под руководством пролетариата и его партии трудящиеся Японии и ее колоний сметут японский империализм.

Забастовщики у ворот фабрики «Фуджи»

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИМПЕРИАЛИЗМ В МАНЧЖУРИИ

История империалистического закабаления Китая вступила недавно в новую фазу: нападение Японии на Манчжурию, происшедшее с безусловного согласия и при соучастии Франции, представляет собою начало очередной попытки раздела Китая. Поэтому японо-китайская война, поскольку можно назвать «войною» почти беспрепятственное продвижение японских войск в глубину Манчжурии, будет иметь крупнейшие исторические последствия и может оказаться исходным пунктом как для нового развития противоречий внутри империалистического лагеря, так и для непосредственной подготовки прямого нападения на СССР. Совершенно неизбежно, что в попытке раздела Китая стремятся принять участие и другие империалистические державы, в первую очередь САСШ, что приводит, с одной стороны, к огромному усилению японо-американских противоречий, с другой же стороны, к обострению борьбы империалистов против СССР. Нынешняя попытка раздела Китая дает толчок к подъему новой волны китайской революции и новым антиимпериалистическим восстаниям колониального мира. Поэтому изучение истории империалистической борьбы за Манчжурию приобретает первостепенное значение.

Манчжурия на всем протяжении эпохи империализма представляла собою один из пунктов, за обладание которым велась международная борьба империалистических сил.

Планомерное продвижение России на Дальнем Востоке начинается в середине XIX в. К этому времени диктатура русских крепостников подчиняет своему господству значительные территории на Дальнем Востоке и Россия подходит к границам Манчжурии (1854 г. — основание Хабаровска; 1860 г. — игнатьевский договор). С юга в это же время в Манчжурию проникает английский капитал. Англо-китайский тяньцзинский договор (1858 г.), заключенный после «второй» китайской войны, в числе портов, открываемых для иностранцев, называет и порт Нючжуан (Инкоу) в Южной Манчжурии. С 1861 г. в этом порту уже сидит английский консул, и к 1878 г. торговый оборот Нючжуана достигает 10 млн. хайгуанских таэлей.

Вскоре на сцену вступает и Япония. После переворота Мейдзи (1866 г.) Япония быстро идет по пути капиталистического развития. Молодой японский капитализм ищет объектов эксплуатации и вне «отечества»: на близлежащих территориях азиатского материка. Энер-

гичная деятельность английского капитала в Китае и в частности в соседней Южной Манчжурии, начало сооружения царизмом Сибирской трансасиатской железной дороги стимулируют решительное выступление японского капитала.

Японо-китайская война 1894-95 гг., в значительной мере разыгравшаяся в Южной Манчжурии, отдает японскому капиталу большой кусок Южной Манчжурии: почти все морское побережье страны; под его господство фактически переходит Корея и т. д.

Но на сцену выступают царская Россия, Франция и Германия с категорическим «советом» отказаться от Южной Манчжурии, сократить аппетиты в Корее. Японский капитал уступает силе. На следующий год царизм заключает военно-союзный договор с Китаем, контракт о постройке через Северную Манчжурию Китайско-восточной железной дороги. Еще через два года он захватывает вооруженной силой часть той территории (Порт-Артур и Дальний — Дайрен), которую хотела овладеть Япония. Грабёж вскоре закрепляется договором с Китаем об аренде Ляодунского полуострова, о концессии на железную дорогу из Северной Манчжурии к «незамораживаемому порту» на юге. Англо-русский договор 1899 г. «о железнодорожных сферах» в Китае открыто определяет Манчжурию как русскую сферу, т. е. превращает ее в полуколонию, имеющую перспективу в скорейшем времени превратиться в колонию, в «интегральную часть» России. Царизм торжествует: конкурент — японский капитал — отброшен не только из Манчжурии, он сильно стеснен и в Корее. Господствующим классам России кажется, что они стоят на территории Манчжурии крепкой ногой. В своей переписке царская бюрократия именуется уже Манчжурию «Желтороссией».

Чьими же интересами руководился царизм в своей дальневосточной политике грабёжа? Ленин отвечает, что политика царизма «выгодна кучке капиталистов-тузов, которые ведут торговые дела с Китаем, кучке фабрикантов, производящих товары на азиатский рынок, кучке подрядчиков, наживающих теперь бешеные деньги на срочных военных заказах»... «Такая политика выгодна кучке дворян, занимающих высокие места на гражданской и военной службе».

К тому времени, когда Россия начала овладевать Манчжурией, китайский феодализм пе-

реживал уже последнюю стадию разложения¹. Феодалы сатрапы пограничных провинций, как и большинство феодално-бюрократической верхушки центра, находились на откупу у различных государств, в частности Россия тратила сотни тысяч рублей на подкупы цзянь-цзюней.

Для косного, большей частью ограниченного в рамках провинциализма азиатского ростовщического капитала отпадение той или иной провинции, находящейся вне сферы его влияния, не являлось существенным. Главная масса населения — забитое темное крестьянство — было еще слишком инертно, и даже тогда, когда оно восставало против невыносимой феодално-ростовщической эксплуатации, оно ограничивалось пределами своего уезда и провинции.

Однако форсированное в конце 90-х годов проникновение империализма в Китай, сопутствуемое в Манчжурии ограблением населения русскими крепостниками и ростовщической кабалой, настолько завинтило пресс эксплуатации, настолько усилило тяжесть существования трудящихся масс, что возмущение их стало неизбежным. Оно и вылилось в так называемое боксерское восстание (1900 г.). Но боксерское движение было искусно возглавлено частью отечественной же феодално-бюрократической верхушки. Ее усилиями содержание боксерского восстания, по сути дела национально-революционного движения, было в значительной мере выхолощено, удар этого движения был отведен от феодално-ростовщических слоев, и в конце концов оно было предано и удушено при содействии феодалной верхушки.

Манчжурия оказалась теперь еще крепче придушенной под пятой царизма. Царская военщина воспользовалась «китайской войной» для широкого военно-феодалного ограбления населения. После подавления восстания царские оккупанты в Манчжурии чувствовали себя совсем «как дома». Пекинскому правительству был предъявлен ряд требований, исполнение которых означало бы установление полного и исключительного господства царизма в Манчжурии при полуформальном сохранении китайского суверенитета.

Однако английский империализм не мог согласиться на такое усиление России на Дальнем Востоке. Англичане решили поддержать Японию, отношения которой с царской Россией крайне обострились. Японское правительство потребовало, чтобы Россия эвакуировала Манчжурию. Но царизм на это не соглашался, собираясь продвинуться еще дальше, овладеть Кореей и т. п. Тогда японское правительство, поддерживаемое Англией и САСШ, решилось на войну. На территории Манчжурии почти полтора года происходила кровавая бойня, вошедшая в историю под названием *русско-японской войны*. Россия в этой войне потерпела поражение. Всемирно-историческое значение поражения царизма в этой войне следующим образом определено В. И. Лениным:

¹ Данная тема — борьба империалистов за Манчжурию — подробно разработана автором в книге «Империализм и Манчжурия» (Соцгиз, 1931, стр. 304).

«Неудивительно, что катастрофа правящей и командующей России кажется всей европейской буржуазии «страшной»: эта катастрофа означает гигантское ускорение всемирного капиталистического развития, ускорение истории, а буржуазия очень хорошо, слишком хорошо знает, по горькому опыту знает, что такое ускорение есть ускорение социальной революции пролетариата».

Эти слова получают особенно глубокое и широкое значение ныне, когда обостренная борьба империалистов за колонии, в частности за Манчжурию, каждый день угрожает привести к новой империалистической войне.

Поражение царской России принесло Манчжурии вместо одного — двух империалистических хозяев. Аренда Ляодуна, южная ветвь КВЖД до Чанчуня, фушунские каменноугольные копи и др. предприятия русского правительства перешли к японцам. В конце 1905 г. японское правительство вынудило Пекин заключить договор, по которому не только признавались японские «права» в Южной Манчжурии, но японский капитал получал дополнительные «права», закабалявшие Южную Манчжурию еще сильнее, чем она была закабалена при царизме. Русский же империализм, владея «полосой отчуждения» КВЖД в Северной Манчжурии и при наличии ряда других специальных прав, оставался фактическим хозяином Северной Манчжурии. Как это ни странно с первого взгляда, бывшие «манчжурские» враги очень быстро примирились, очень быстро нашли общий язык и менее чем через два года заключили «дружественный» договор, за которым вскоре последовали и другие, оформлявшие русско-японский союз на почве дележа той же Манчжурии.

Быстрое и довольно основательное сближение двух хищников стимулировалось тремя основными причинами: 1) в процессе консолидации группировок «великих» империалистических держав Россия и Япония оказывались в одном лагере, имея общих «друзей» и общих врагов; 2) некоторые империалистические державы, главным образом САСШ, предпринимали упорные и весьма энергичные попытки вытеснить хотя бы частично японский и русский капитал из Манчжурии и занять их место и 3) Китай пытался давать отпор возрастающим аппетитам забравшихся в Манчжурию империалистов, стремясь сохранить страну за собой.

Русско-японские договоры 1907 г. (открытый и секретный), 1910 г. (тоже открытый и секретный) и 1912 г. (секретный) точно разграничили сферы влияния и говорили о совместном отпоре притязаниям других империалистов и «дружественном нейтралитете» одной стороны при предъявлении другой стороной к Китаю каких-либо требований по манчжурским вопросам. Демаркационной линией, разделявшей «сферы влияния», устанавливалась условная линия, разделявшая Манчжурию на северную и южную, затем пекинский меридиан — 116° 27' восточной долготы от Гринвича. Все, что к югу и востоку от этой линии, вплоть до Великой Стены, признавалось японской сферой. Северная Манчжурия, Внешняя

Монголия и Внутренняя Монголия западнее пекинского меридиана признавались вотчиной России.

Тексты этих секретных договоров доводились до сведения парижского и лондонского правительств—союзников России и Японии, и договоры целиком получили со стороны этих правительств одобрение. Следовательно, раздел Манчжурии и Монголии между Россией и Японией ими был признан.

Что касается САСШ, то их первые попытки проникновения в восточную Азию относятся еще к 70-м годам XIX в. Но эти попытки были не особенно успешны, хотя в некоторых районах, например, в Корее, влияние американского капитала в начале XX в. было сильнее, чем русское.

Еще до заключения русско-китайского контракта о постройке КВЖД представители американского капитала выдвигали и перед китайским правительством и перед русским посланником в Китае проекты концессий на сооружение железных дорог (1895-96 гг.). Попутно они требовали прав на приобретение «земель, лесов и копей» в Манчжурии и т. д. Такого рода предложение было повторено русскому представителю в Вашингтоне уже в разгаре сооружения КВЖД в 1898 г. Потерпев фиаско в этом направлении, американский капитал достиг, однако, значительного успеха в области торгового проникновения в Манчжурию. В конце прошлого века он стоял на первом месте по ввозу в Манчжурию, неизмеримо опередив все прочие страны. Когда американскому капиталу стало ясно, что для него «главной опасностью» как в Манчжурии, так и в Китае вообще на данном этапе является агрессия царизма, что царизм намерен монополизировать значительные области восточной Азии (в которых даже уже существуют американские «реальные» интересы и которые в перспективе сулят колоссальные колониальные сверхприбыли), когда это после боксерского восстания стало совершенно несомненным, — Вашингтон отдал свои симпатии и свою финансовую помощь молодому японскому капитализму.

К концу русско-японской войны Wall Street¹ был твердо уверен, что в результате японских побед он выиграет не меньше, чем сами японцы. Действительно, в то время как шли еще портсмутские русско-японские торги, американский железнодорожный король Гарриман, являвшийся также представителем банков, финансировавших Японию во время войны, прибыв в Токио, добился от японского правительства письменного согласия на половинное участие в будущей Южноманчжурской ж. д., в горной промышленности той части Манчжурии, которая предположительно должна была отойти Японии и т. д.

Но заключив портсмутский договор, закрепив свое господство в Южной Манчжурии, японский империализм оказался не меньшим монополистом, чем ранее царизм. Не успел еще

Гарриман вернуться в Америку, как вслед ему полетела телеграмма, аннулирующая договор об участии американского капитала в эксплуатации Манчжурии. Также в области торговли японский империализм в первые же годы после русско-японской войны всяческими мерами выживал из Южной Манчжурии и американцев и англичан.

Американские крупнокапиталистические круги несколько раз пытались оспорить у Японии право участия в эксплуатации Южной Манчжурии, пробовали повторными проектами «интернационализации» манчжурских железных дорог проникнуть в эту страну.

Такого рода попыткой было официальное выступление в конце 1909 г. самого американского правительства с предложением «интернационализации». Это предложение подкреплялось угрозой постройки конкурентной железнодорожной сети с магистральной линией Цзиньчжоу — Цицикар — Айгунь. Договор о сооружении этой линии уже был подписан представителями мощной группы американского капитала (включая Моргана и Шиффа) с манчжурским вице-королем. Вскоре договор получил утверждение и пекинского правительства. Однако русские и японские империалисты решительно воспротивились «интернационализации» и сооружению новой дороги в их «владениях». Проекты американского капитала потерпели полное фиаско. Огромное возбуждение американских империалистических кругов в связи с этой неудачей сказалось в том, что фраза «война с Японией за Манчжурию» склонялась на все лады и в прессе и в выступлениях политических руководителей американского империализма¹.

Не имея достаточных военных сил, чтобы выступить с оружием против Японии, имеющей притом союзником Англию, а по манчжурскому вопросу и царскую Россию, американский капитал проделал еще один опыт «мирного» завоевания Манчжурии.

В октябре 1910 г. мощной группой американских банков был подписан договор с Китаем о предоставлении ему займа в 50 млн. долл. «для реорганизации финансов и развития промышленности». Обусловливалось, что почти половина этой суммы будет израсходована для нужд Манчжурии. Платежи по займу обеспечивались в первую очередь налоговыми поступлениями по Манчжурии. Осуществление такого займа явилось бы сильнейшим ударом по «интересам» японского и русского капитала в Манчжурии. В предвидении их энергичного сопротивления американские банки стремились обеспечить себе поддержку других империалистических держав и с этой целью пригласили к участию в займе Лондон, Париж и Берлин. Хотя их «принципиальное» согласие было получено, но они в свою очередь потребовали приглашения Японии и России. А японский и русский капиталы, приглашенные к участию в консорциуме, уже приняли все меры, чтобы парализовать вредные для их интересов условия займа. Так как парижское и лондонское прави-

¹ Wall Street — улица банков в Нью-Йорке, диктующая свою волю американскому правительству.

¹ Например, известная полемика Нокс—Рузвельт.

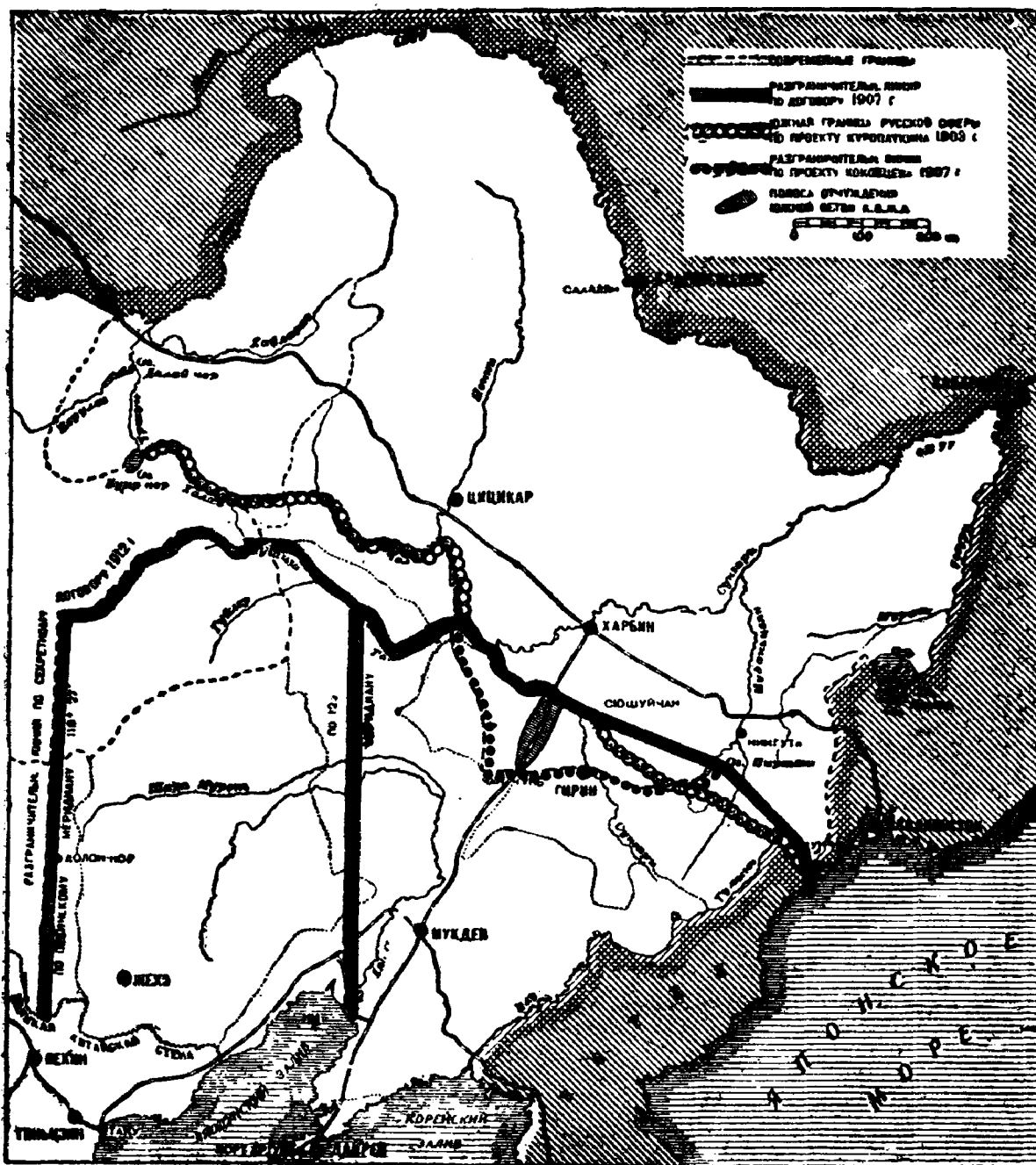
тельства в общем и целом поддерживали их линию, американцы потеряли какое бы то ни было влияние. В конце концов американский капитал отказался участвовать в займе и совершенно отстранился от своего детища. Упорные домогательства Wall Street'a в отношении Манчжурии потерпели очередное фиаско.

Каково же было в этот период отношение различных классов коренного населения к захватывавшим Манчжурию империалистам?

Важно отметить прежде всего, что как раз в это время впервые начинает ощущаться наличие нового социального фактора—нарастающей китайской буржуазии, вернее говоря, таких элементов господствующих классов, которые уже заинтересованы в методах капиталистической эксплуатации, но в значительной мере еще прибегают и к методам докапиталистическим. К этому же времени относится и

зарождение туземного промышленного пролетариата, главным образом, в Южной Манчжурии.

Современная манчжурская буржуазия—дита, выпестованное самим империализмом. Уже некоторая доля капитала, расходуемого царизмом при сооружении КВЖД, оседала в карманах местных феодалов-бюрократов или в руках купцов, разных подрядчиков и старшин. Гораздо большие средства перепали местным господствующим классам во время русско-японской войны, и эти средства получали применение именно в торговле и промышленности. Правда, то была больше промышленность мануфактурного или даже совсем полукустарного типа, где все было сколочено на скорую руку для удовлетворения внезапно появившихся огромных потребностей войск, но все же 1904-05 гг. являются годами, когда

Разграничение Манчжурии по русско-японским секретным договорам 1907 и 1912 гг. на японскую и русскую сферы влияния

туземный капитализм совершил прыжок, выведший его в свет, и когда, собственно, и начала образовываться туземная буржуазия.

Манчжурская буржуазия, родившаяся и выросшая под знаком империалистической интервенции, была по своей природе неспособна к революционной антиимпериалистической роли. Тесно связанная с капиталом империалистических государств (компрадоры), сросшаяся с феодально-бюрократическим аппаратом, уходящая своими корнями в азиатский ростовщический капитал, манчжурская буржуазия, воплощая часто в своем лице и феодально-крепостническую эксплуатацию, и ростовщичество, и современные формы капитала, была даже более отсталой, более реакционной и еще менее способной в антиимпериалистической борьбе, чем буржуазия какой-либо иной области Китая.

Единственные требования, вернее, пожелания, которые она выдвигала, сводились к тому, чтоб обеспечить себе большую долю участия в эксплуататорской прибыли. Ее тактика заключалась в воздействии на феодальную верхушку и в попытках использовать в своих интересах противоречия между империалистами.

Характерен в этом отношении доклад (1910 г.) манчжурскому ген.-губернатору разбогатевшего в значительной мере на земельных спекуляциях в Хейлунцзяне харбинского даотая Юй Сы-сина. Кроме обычных требований китайской буржуазии того времени (пересмотра неравных договоров, возвращения прав, уступленных иностранцам, создания регулярной армии и т. д.) Юй выдвигает и конкретную «программу действий» в отношении Манчжурии. По этой программе требуется, между прочим, объявить запретной для иностранцев разработку естественных богатств в Манчжурии и Монголии, развить национальное судоходство по Сунгари и Амуру, организовать акционерное общество из туземных капиталистов для постройки Цзиньчжоу-Айгуньской железной дороги. Контур этой программы Юй

остались жизненными для манчжурской буржуазии до сих пор и частично даже ею осуществлены.

Феодальная верхушка, конечно, не помышляла принять сколько-нибудь действенные меры борьбы с иностранным вторжением. Феодалы практиковали попрежнему методы Ли Ху-чжана. Уступками одним империалистам они пытались противопоставить их другим и как можно дольше сохранить существующее положение: возможность кормиться самим у пирога докапиталистической эксплуатации. При этом за очередные уступки феодалы получали большие или меньшие куши от империалистов. Как бы в ответ Юю, через полтора года (ноябрь 1911 г.) манчжурский вице-король Чжао Эр-сюнь поучает Пекин: «Обещание, что американцы извлекут для себя выгоду из применения их капитала в Манчжурии, может подкупить американское правительство, и оно может оказать нам (дайцинской династии) поддержку... Рыбные промысла, минеральные и лесные богатства можно обещать отдать в эксплуатацию американцам, и тогда их силой мы воспрепятствуем России и Японии».

Было бы совершенно неверно считать основную массу населения—манчжурское крестьянство—после боксерского движения совсем пассивным элементом по отношению ко все усиливавшейся империалистической и отечественной феодально-ростовщической эксплуатации. Крестьянство, его наиболее неимущая часть, проявляло активность, но эта активность выливалась в стихийную, классово неорганизованную, хунхузническую деятельность. Положение крестьянства и причины хунхузничества рисует даотай Ли Хун-мо в своем докладе в 1912 г. Он говорит: «Повсюду замечается недостаток продовольствия. Сильные — организуют шайки хунхузов и идут грабить население (т. е. в первую очередь богатых, у кого много продовольствия. В. А.). Слабые—умирают, не имея возможности прокормиться».

Лагерь японских оккупационных войск на вокзале в Чан-Чуне

Виадук ЮМЖД после взрыва поезда Чжан Цзо-лина 4/VI 1928 г.

В отдельных случаях хунхузничество отчетливо выступало именно против русских и японских империалистов, против отечественных эксплуататоров. Однако обычно предприимчивые авантюристы, становившиеся во главе хунхузских отрядов, превращали их в источник собственного обогащения, гасили всякие классовые инстинкты, организуя сбор «хунхузской подати» не только с иностранных концессионеров, китайских купцов и помещиков, но и с того же живущего постоянно на грани голодной смерти трудящегося крестьянства.

Как ни малочислен и слаб был в первые два десятилетия текущего века пролетариат в Манчжурии, он давал уже тогда знать о своем существовании. Забастовки китайских рабочих случались уже в это время как на туземных, так и на иностранных предприятиях. Первая забастовка имела место в Инкоу еще до русско-японской войны и была подавлена силами русского империализма. В 1915 г. даже произошло столкновение китайских рабочих с английскими войсками — сикхами на заводе «Английской продуктовой компании», причем было убито несколько китайцев и индусов.

Мы не говорим уже о русском пролетариате на КВЖД, который с первых дней своего пребывания в Манчжурии выказывал классовую сознательность. Рабочие КВЖД несмотря на военное положение участвовали во всероссийской железнодорожной забастовке 1905 г., в выступлениях против жандармов и генералов; впоследствии здесь существовали русские революционные организации, устраивались массовые митинги и выступления против царизма. После Октябрьской революции харбинский совет русских рабочих и солдатских депутатов пытался свергнуть представителя царско-корецкого правительства — управляющего КВЖД Хорвата. Войска китайских феодалов по договоренности со старыми царскими бюрократами разоружили революционные воин-

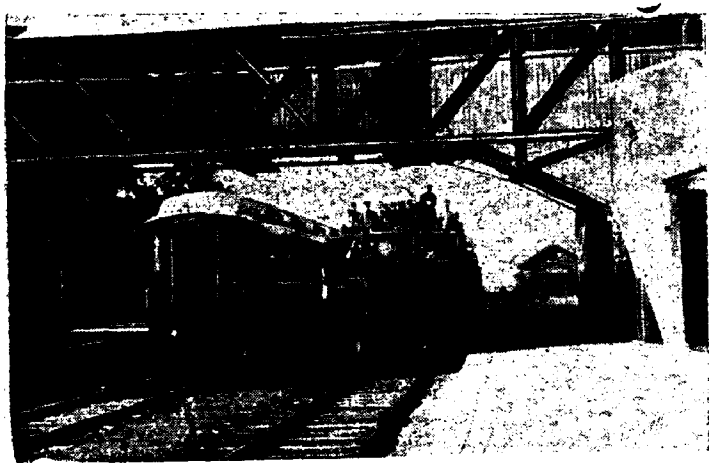
ские части и ликвидировали совет. С тех пор русский пролетариат Северной Манчжурии вписал много имен в мартиролог замученных белогвардейщиной и китайскими империалистами.

Последний период своего существования русский империализм несколько раз менял свою манчжурскую политику. После китайской революции 1911 г. даже «либеральная» буржуазная пресса, не стесняясь, агитировала за аннексию Манчжурии. Чтобы дать отпор этим империалистическим тенденциям и показать отношение к ним пролетариата, Ленин внес на пражской конференции РСДРП (январь 1912 г.) специальную резолюцию, клеймящую позором эти захватнические тенденции буржуазии. Царизм, однако, не решился в этот период на крупную авантюру на Дальнем Востоке, хотя Япония и уговаривала его окончательно поделить с нею Манчжурию.

В начале мировой войны усилившиеся грабительские аппетиты русских империалистов распространились и на Манчжурию. Северная Манчжурия должна была явиться одной из «компенсаций» после победы над Германией.

По мере поражения царских войск на западном фронте слабели позиции русского империализма и в Северной Манчжурии. Его место занимала Япония, отчасти САСШ. В 1916 г. под давлением усилившейся японской агрессии царизм вынужден был заключить договор с Японией, по которому он отдавал на милость Японии весь Китай и обещал даже прийти ей на помощь, если кто-либо будет покушаться на ее интересы в Китае. По существу этот секретный военно-союзный договор был направлен против САСШ, которые только и могли препятствовать в данных условиях японским специальным «интересам» в Китае.

Японский капитал, особенно за период мировой войны, достиг в Манчжурии огромных успехов. Во время мировой войны импорт из

Оккупация Манчжурии. Японский бронепоезд в Гирине

Японии составлял около 75—80% всего манчжурского импорта. Кроме южной ветки КВЖД от Чанчуня до Дайрена, перешедшей к японцам и оборудованной ими для перевозки больших масс грузов, японцами была сооружена Мукден-Аньдунская ж. д., существовавшая на одинаковых основаниях с ЮМЖД. Была построена на японский капитал Чанчунь-Гиринская дорога, в конце концов перешедшая полностью в управление ЮМЖД; было приступлено к сооружению Сыпингай-Таонаньской дороги, и по договорам получены права на сооружение ряда других дорог. ЮМЖД развертывалась в огромный капиталистический концерн. Кроме транспорта этот концерн владел рядом крупнейших промышленных предприятий, среди них—фушунскими каменноугольными копями и аньшаньскими железоделательными заводами. В руках концерна находился основной выход Манчжурии к морю—порт Дайрен.

Японский частный капитал основал также ряд предприятий, непосредственно не связанных с ЮМЖД: маслобойные заводы в Дайрене, Аньдуне и др. местах, сахарный, консервный, джутовый заводы в Мукдене и т. п. Было организовано значительное число смешанных японо-китайских предприятий—промышленных, торговых и банковых. В этих «смешанных» предприятиях китайский капитал большей частью участвовал лишь номинально, японский капитал, безусловно, всегда господствовал. Японские банки заняли в Манчжурии командные высоты, раскинув свои сети чрезвычайно широко. Так, Чосен-банк за период 1909—1919 гг. учредил в Манчжурии восемнадцать отделений, из них несколько в Северной Манчжурии.

Высших ступеней японская политическая и экономическая экспансия достигла в период после предъявления 21 требования (предъявление—18 января 1915 г., принятие—9 мая 1915 г.). В отношении Манчжурии правительство Юань Ши-кая согласилось продлить срок аренды Квантуна, владения ЮМЖД и Мукден-Аньдунской ж. д. на девяносто девять лет. Японцам предоставлялось право жительства повсюду в Южной Манчжурии, право занятия всякого рода торговлей, промышленностью, в том числе и горной, право долгосрочной аренды земли. Японское правительство по-

лучало право запрещения иностранцам железнодорожного строительства в Южной Манчжурии. Хотя китайские власти при поддержке других империалистических держав предприняли различные меры пассивного сопротивления проведению в жизнь ряда японских «прав» (особенно аренды земли), все же японский империализм с этого времени и до 1919 г.—до возвращения на Дальний Восток по окончании мировой войны других крупных хищников—распоряжался в Манчжурии как у себя дома.

Это было особенно легко потому, что единственным активным империалистическим соперником, достойным беспокойства Японии, в это время оставались Соединенные Штаты. Но с 1917 г. американский империализм был связан фронтом в Европе. Поэтому японский капитал не только пропускал мимо ушей официальные протесты Wall Street'a против монополизации Китая и Манчжурии по 21 требованию, но в 1917 г. сам произвел атаку на Вашингтон. Он требовал от Соединенных Штатов, примерно, того же и такими же методами угроз, чего добился от Петербурга в 1916 г. Однако заключенное им соглашение оказалось лишь карикатурой на эти требования. Американский капитализм не согласился уступить японскому империализму не только Китай, но и Манчжурию.

Еще до окончания мировой войны Соединенные Штаты выявили свою позицию, приняв активное участие в острейшей борьбе вокруг КВЖД, а затем и во взаимной борьбе интервентов на Дальнем Востоке и в проекте «нового» международного консорциума для финансирования Китая.

Поражение Германии явилось сильнейшим ударом по позициям японского империализма. Державы-победительницы переключили свое внимание на Дальний Восток и во главе с Соединенными Штатами всей мощью своих освободившихся милитаристических машин начали давить на Японию, требуя сокращения ее аппетитов. В результате общего нажима на Японию держав-победительниц в процессе переговоров о консорциуме и затем на Вашингтонской конференции (1921-22 гг.) политическое положение Японии на Дальнем Востоке вообще и в Манчжурии в частности было значительно поколеблено.

На протяжении нескольких лет после этого еще продолжалось укрепление японских экономических позиций в Манчжурии, но оно шло ослабленным темпом, на базе использования приобретенных ранее договоров и «прав». Из важнейших японских «достижений» этого периода можно отметить сооружение на японский капитал «китайских» железных дорог Таонань—Ананьци и Гиринь—Дуньхуа.

Однако на протяжении ряда последних лет (примерно, 1925—1931 гг.) экономическое проникновение Японии в Манчжурию несколько ослабевает. Это объясняется целым рядом причин: обострением внутренних противоречий японского империализма и подъемом классовой борьбы японского пролетариата, сопротивлением китайских рабочих и крестьян, появлением такого фактора, как СССР, который своей

антиимпериалистической политикой мешает развертыванию колониально-эксплуататорских аппетитов монополистического капитала, особенно в пограничной, имеющей экономические связи с СССР Манчжурии. Но величайшее значение имели междуимпериалистические противоречия, в первую очередь противоречия между САСШ и Японией.

Однако японский империализм отнюдь не превратился в «кроткого агнца», согласного «добром» поступиться своими интересами в Манчжурии в пользу кого бы то ни было. Такая возможность совершенно исключена. Так же невозможно и то, чтобы Wall Street, который на протяжении уже сорока лет пытается подчинить своему владению Китай, в частности и Манчжурию, в какой-либо мере отступился от своих замыслов.

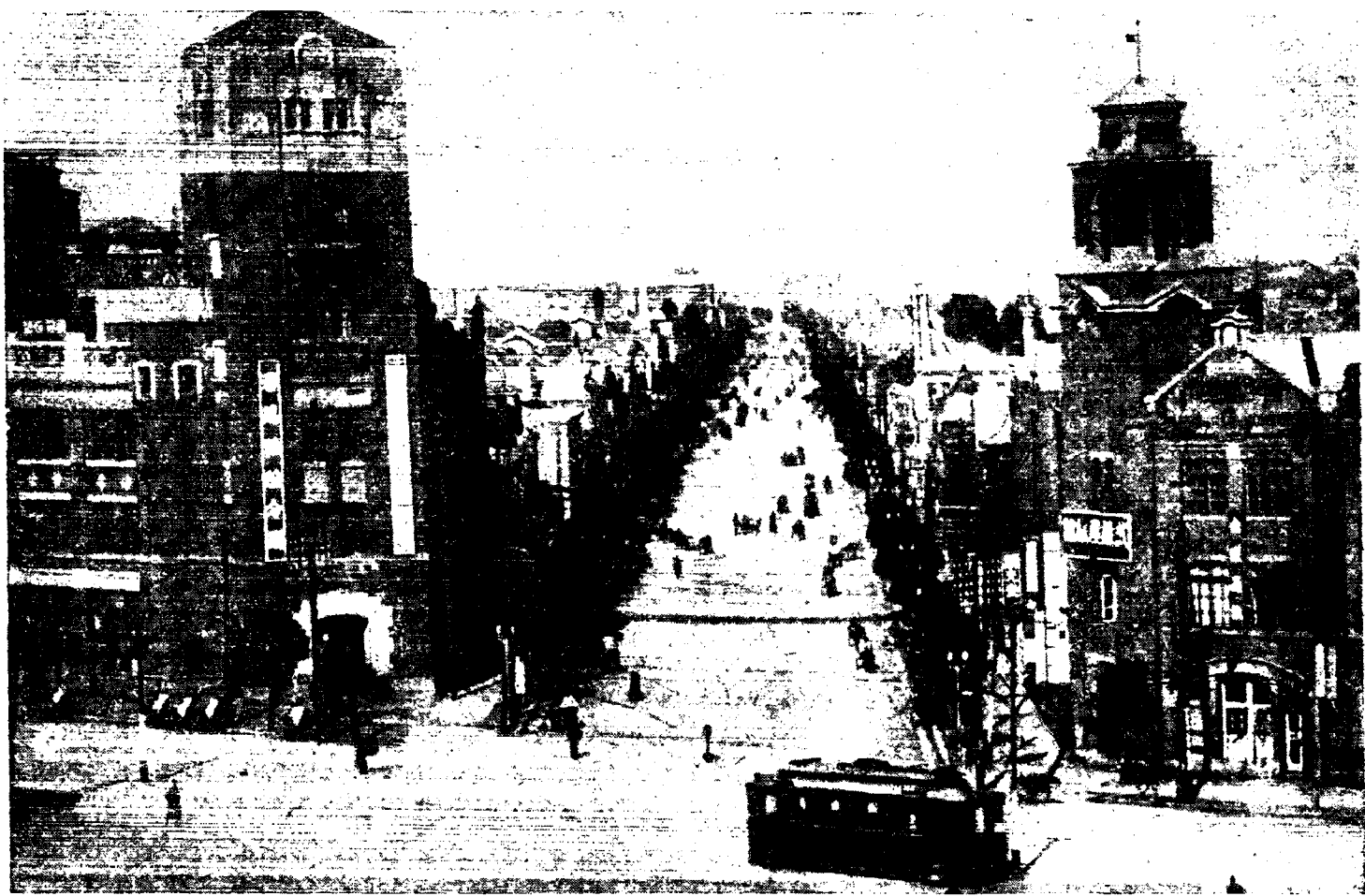
Мировой кризис капитализма удвоит, утроит захватнические стремления американского и японского империализма. Кризис вплотную сталкивает лбами империалистов по манчжурскому вопросу точно так же, как он обнажил и обострил противоречия между всеми империалистами во всех плоскостях их трений. Характерным примером всей глубины междуимпериалистических противоречий является поведение империалистов во время вооруженного нападения китайско-манчжурских милитаристов на Советский Союз в 1929 г. На захваченную китайскими милитаристами КВЖД сразу же оказалось почти столько же

претендентов, сколько существует крупнейших империалистических хищников. САСШ предлагали дорожный заем, парижские банкиры воскресили из мрака небытия «офранцузенный» Русско-Азиатский банк и пытались организовать еще другой банк для финансирования КВЖД. Япония разразилась потоком энергичнейших заявлений о «специальных» японских интересах в Манчжурии, особые ее «миссии» в этой области и т. д. В итоге японский империализм проявил твердую решимость не допустить закрепления других империалистов в своем наиболее уязвимом тылу. Империалисты из-за своих противоречий оказались не в силах сговориться до конца о совместном выступлении против Советского Союза, и репетиция интервенции на манчжурских границах, организованная ими во главе с САСШ и Францией, потерпела поражение.

Происходящее ныне завоевывание Манчжурии Японией открывает новую главу в истории борьбы за Манчжурию и за Китай. Сейчас эта борьба разворачивается на основе всеобщего кризиса капитализма. Это вызывает особое обострение междуимпериалистических противоречий. Но в то же время мы не должны ни на минуту забывать, что борьба всего мирового империализма против СССР, борьба, которая выражает основное противоречие нашей

Японские милитаристы хозяйничают в Манчжурии. Группа китайцев, арестованных японцами в Мукдене

Мукден — политический и административный центр Манчжурии, превращенный в базу японских оккупационных войск

эпохи, может привести к тому, что противоречия империалистов между собою будут на время отодвинуты на второй план и нынешнее нападение Японии на Манчжурию окажется исходным пунктом для международной интервенции против СССР.

Журнальные и газетные рупоры японского и французского империализма уже чрезвычайно ясно выявляют эту тенденцию.

Еще подготавливая захват Манчжурии, японские империалисты объясняли свое будущее выступление как создание форпоста против «красной опасности», идущей со стороны Советского Союза и разрастающейся в самом Китае. Японский наймит в Шанхае, редактор журнала «The Far Eastern Times» еще с лета 1930 г. готовил общественное мнение в этом направлении. Француз А. Лежандр вторил ему в «Mercure de France» с весны 1931 г. По их уверениям, захват Манчжурии Японией являлся единственным средством, спасти ее от «большевистской опасности».

Уже в ходе конфликта, после своего выступления в Манчжурии японские империалисты используют всякие провокации, чтобы как-нибудь впутать в дело Советский Союз. Они рассчитывают очередными ссылками на «красный империализм» ослабить и отвлечь от себя давление американского империализма.

Надо отметить, что несмотря на то, что американские империалисты всячески поддерживают провокационную политику по отношению к СССР, японским империалистам до сих пор не удалось сгладить сколько-нибудь обострение отношений со своим главным противником — американским империализмом.

Тов. Сталин, говоря на XVI съезде партии о противоречиях империалистов, дал точнейший и полностью осуществившийся прогноз об обострении этих противоречий в результате мирового кризиса. Опасность войны ныне ближе, чем когда бы то ни было за последние годы. Бдительность мирового пролетариата поэтому в данное время должна быть особенно усилена.

РИФФСКАЯ ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ ВОЙНА

Референт по вопросам колониальной политики во французской палате депутатов Пьер Делонкль, комментируя ту «грандиозную картину колониальной империи», которая была показана на парижской колониальной выставке 1931 г., писал недавно в «Illustration»:

«Почему мы заняли эти огромные области? Это было сделано для того, чтобы освободить население этих областей, но не для того, чтобы его подавить. Никогда солдаты и офицеры не вели «войну против войны» в столь подлинном смысле этого слова, как солдаты и офицеры нашей колониальной армии. Если циничная вражеская пропаганда говорит о «черноте бесчестия», которым является наша армия в глазах тех, кто ее боится и ей завидует, то мы не страшимся дискуссии по этому вопросу и утверждаем, что такие войска являются для Франции предметом гордости. Если сегодня Франция вместе с колониями по территории является третьей в мире державой (превосходящей САСШ), а по населению стоит на пятом месте, то это является следствием политики, существенный элемент которой составляет **человечность!**»

Парижская колониальная выставка совпала с новой волной карательных экспедиций, массовых казней и выжигания деревень, которыми заняты сейчас эти «благородные» французские войска в Индо-Китае. Да если бы и не происходили в дни выставочных торжеств в Париже кровавые бои с индо-китайскими крестьянами, восставшими под знаменем советов, выставка эта все равно была бы высшим достижением самой циничной империалистической лжи. И сколько бы сотен миллионов франков ни было израсходовано на эту международную «потемкинскую деревню», перенесен-

ную к берегам Сены, выставочные торжества не изгладят из памяти трудящихся масс колоний и полуколоний кровавых страниц, вписанных французской республикой в историю империалистической колониальной политики.

Парижская выставка совпала с десятилетием героической борьбы риффского народа против испанских и французских оккупантов, деливших между собою Марокко. Воспоминания о событиях, начавшихся десять лет назад, приобретают снова свежесть и злободневность в связи с революцией в Испании, ибо как ни стремится «демократическая» испанская республика продолжать в Марокко политику испанской монархии и фашистской диктатуры Примо де Ривера, все же весь государственный аппарат Испании слишком глубоко потрясен революционными событиями, которые не могут пройти бесследно для народов испанских колоний. Французский журнал «Le Monde colonial» сообщал вскоре после переворота в Испании о «трудностях», возникших в связи с этим переворотом в испанской зоне Марокко. «Говорят, — писал с тревогой этот журнал, — о новом Абд эль Крима, подымающем мятежи племен, и о волнениях внутри оккупационных войск». Перед лицом этой опасности французский журналист напомнил испанцам о необходимости совместной франко-испанской работы в Марокко. Но империалистическая Франция надеется на себя больше, чем на трещащую по швам буржуазную Испанию, которую французам уже приходилось однажды вытаскивать из риффской трясины. И при этом, конечно, не на пацифистские речи о «свободе» и «человечности», которые годятся только для парижской выставки, а на средства,

более приспособленные к «мароккским условиям». О том, каковы эти средства, можно судить по опубликованному французским военным м-вом в 1930 г. положению о «марокканских гуммах» (смешанных пехотно-кавалерийских батальонах из «покорившихся марокканских племен»), приспособленных к быстрым переброскам и вооруженных легкой артиллерией, станковыми и ручными пулеметами. Только по областям, «замыренным» подобными гуманными средствами, и мог в октябре 1930 г. совершить свою «триумфальную поездку» по Марокко президент французской республики Думерг, поехавший туда после очень длительного перерыва, в течение которого французским президентам предлагали держаться подальше от этой осчастливленной Францией и Испанией страны¹.

Заглянем же поближе в этот крайний северо-восточный уголок Африки и напомним историю его последнего десятилетия. Пример Марокко особенно ин-

Пулеметчики регулярной риффской армии

тересен, ибо мы имеем в данном случае дело с племенами, наполовину кочевыми, сохранившими еще многочисленными пережитками патриархально-родового строя, не сложившимися еще в нацию и создающими элементарные условия своего национального формирования

¹ Chavrebiere кончает свою «Историю Марокко» идилическим описанием этой поездки, во время которой калды племен встречали Думерга финиками и молоком, но ничего не сообщает о том, как проезжали предварительно по территориям этих племен «марокканские гуммы» (C. de Chavrebiere, «Histoire du Maroc», Paris, 1931, p. 513).

уже в процессе самой революционной борьбы с империализмом.

Режим империалистического закабаления Марокко сложился в основных чертах накануне мировой войны. Английский либерал Э. Д. Морель, описавший в книге «Десять лет секретной дипломатии» борьбу между Францией, Германией и Англией за раздел Марокко, характеризует итоги этой борьбы как «окончательный удар неприкосновенности и независимости Марокко». Чем же привлекает Марокко империалистических хищников?

Но говоря уже о стратегическом значении Марокко, определяющемся тем, что эта страна лежит у ворот, ведущих из Атлантического океана в Средиземное море, т. е. на перекрестке двух больших военно-политических и торговых дорог, соединяющих Европу с Азией и Западную Африку с Европой, Марокко само—богатая добыча и в экономической борьбе между империалистами. Хотя производительные силы Марокко до сих пор развиты крайне незначительно, однако, импорт, например, во французское Марокко вырос с 1913 по 1925 г. в шесть раз, а экспорт—в двенадцать раз. Еще большее значение придают империалисты перспективам дальнейшей эксплуатации Марокко, имеющего большие возможности для производства хлопка и огромные минеральные богатства. В борьбе за колониальную сверхприбыль, за военно-политическое укрепление своих позиций, за то, чтобы ослабить своего конкурента, все империалистические державы проявляли к Марокко неуклонно повышающийся интерес. «У нас было много «друзей», — писал вождь риффского восстания Абд эль Крим, — слишком много «друзей», гораздо больше, чем это нам требовалось».

Что же несли с собою эти империалистические «друзья» разорванному ими на части Марокко?

Марокко в промышленном отношении — очень слабо развитая страна. Построенные французами и испанцами горные сооружения и железные дороги служат исключительно для военных целей и для выкачивания из страны сельскохозяйственного сырья и минералов

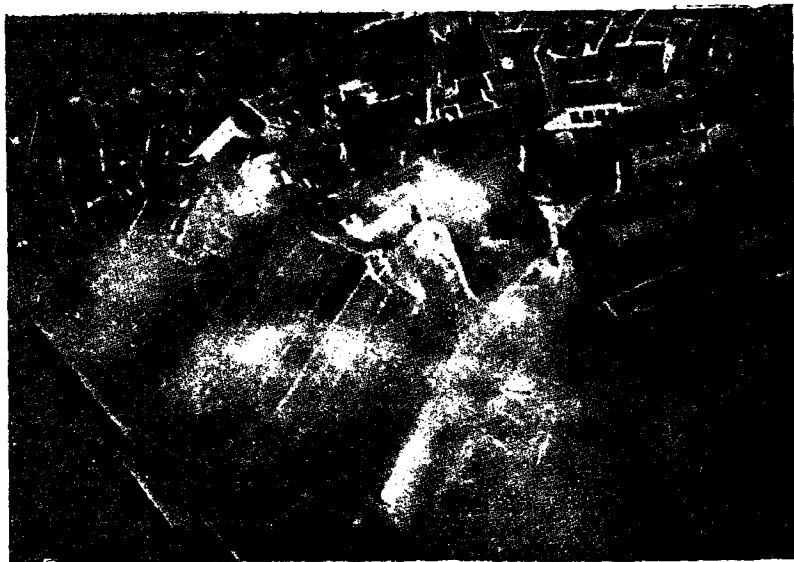
Последние добываются в незначительном количестве рудников, также принадлежащих иностранным компаниям. Иностранцам принадлежат и электрические установки; сбрабатывающей промышленности в Марокко не существует. Население занимается преимущественно земледелием, а в глубине страны, в особенности в горных районах, живут скотоводческие племена. В городах живет меньше десяти процентов населения, — преимущественно ремесленники и небольшое количество рабочих, но значение городов как центров внешней торговли растет очень быстро.

Одним из первых следствий проникновения европейского капитала в Марокко было развитие торговли с кайдами и патриархами родов, которые стали с этого времени усиливать эксплуатацию подчиненных им племен, родов и семей. Вскоре же после прихода европейцев начался и массовый захват земли коренного населения. Прямым насилием или же с помощью подлогов и подкупов вождей европейцы захватывали в свои руки огромные территории. Экспроприированные ими земли лишь в ничтожной части становились крупными имениями, обрабатываемыми при помощи наемной рабочей силы и машин, а большей частью служили предметом бешеной земельной спекуляции со стороны банков и торговых обществ и в конечном счете сдавались в кабальную аренду обезземеленному коренному населению.

Огромные земельные территории отчуждались в качестве колонизационных фондов для европейских переселенцев. Так, только во французской зоне в послевоенное время отчуждалось в среднем 65 тыс. га земли в год. В 1927 г. 2 500 европейских земледельцев во французском Марокко занимали 700 тыс. га земли из общего количества 3 млн. га, находящихся под зерновыми культурами. Следуя примеру империалистов, туземная феодальная знать — чиновники марокканского султана, кайды многих сседлых племен — и купеческие слои стали захватывать в свои руки племенные и общинные земли, оттесняя кочевников в горные районы страны и низводя все более широкие слои осед-

лых земледельцев на положение закабаленных владельцев ничтожных земельных участков.

Обнищание туземного населения ускорялось быстрым ростом налогового обложения (достигшего в 1923-24 гг. 100 фр. на душу населения). Проведение железных дорог и секвестр земель ухудшили также и положение кочевых племен, так как значительно уменьшили их доходы

Бомбардировка Шешуана французскими летчиками

от перевозки товаров, сократили территории кочевков и нарушили привычные караванные пути. Обнищание крестьянского населения явилось причиной быстрого развития ростовщичества, присосавшегося к крестьянскому хозяйству, и истощавшего его вконец.

Эксплоататорская часть коренного населения, в лице окружающей султана верхушки феодальной знати, отдельных подкупленных французами или испанцами кайдов привилегированных племен и тонкой прослойки наиболее богатых городских купцов, получала долю в этом грабеже коренного населения. Но подавляющее большинство арабов и кабиллов было обезземелено, нишало из-за тяжелых налогов и принуждено было работать в каторжных условиях либо на землях, принадлежавших европейцам или туземным помещикам и ростовщикам, либо на рудниках французских и испанских компаний. Создавшиеся вследствие введенной европейцами системы земельной собственности, налоговой системы и роста тор-

говли туземная земельная аристократия и торгово-ростовщические элементы представляли ничтожную часть населения и сложились не во всех племенах. Но все племена одно за другим превращались в рабов французского и испанского капитала, поддерживающего свою власть в оккупированных районах при помощи огромных оккупационных армий.

Таковы были условия, приведшие в конце 1920 г. и в начале 1921 г. к восстанию кабилских племен горного Риффа — восстанию, которое вылилось затем в национально-освободительную войну, длившуюся в течение шести лет.

Испания сама провоцировала восстание, стремясь поскорее покончить с непокорными риффскими племенами, так как именно в это время распространились слухи об открытии колоссальных горных богатств на территории Риффа.

Абд эль Крим, вождь племени бениуригель, одного из двенадцати кочевых кабилских племен, населяющих территорию горного Риффа на границах испанской и французской зоны, делал все, что было в его силах, для того чтобы оттянуть разрыв с испанцами. Но массы кочевников и кайды отдельных племен, территории которых находились под наибольшей угрозой, требовали немедленного выступления против испанцев. Медлительность вождя уже вызвала брожение в племенах. «Наш авторитет, — пишет Абд эль Крим в своих мемуарах, — был под угрозой. Необходимо было действовать энергично, если я хотел сохранить свой престиж и избавить страну от порабощения. Тогда я решил действовать твердо, чтобы сразу покончить со всеми зачатками брожения».

Когда испанские войска заняли Дар-Абара, особо важный стратегический пункт, Абд эль Крим перешел к активным действиям. С небольшим отрядом в триста всадников он атакует испанцев под Дар-Абара и наносит им тяжелое поражение: испанцы потеряли более 400 чел. убитыми, риффы приобрели большие военные трофеи. Но еще большим был политический эффект этой первой победы: от всех горных пле-

мен к Абд эль Криму стали присоединяться отряды добровольцев для борьбы против испанцев. В июле 1921 г. в шестидневном ожесточенном бою под Ануалем риффские племена разбивают наголову 20-тысячную армию испанцев под командой ген. Сильвестра. Испанская армия была уничтожена почти целиком: 15 тыс. чел. во главе с командующим пали в бою или были взяты в плен. Риффы захватили двести пушек, тысячи винтовок, миллионы патронов и т. д. Риффы получили теперь возможность вооружить и организовать для борьбы многие примкнувшие к ним племена. Через месяц после битвы под Ануалем Абд эль Крим разбил под Монт-Арруи остатки испанской экспедиционной армии и вышел к стенам Мелильи — испанского порта на берегу Средиземного моря. Но испанские милитаристы не могли примириться со своим поражением. В 1924 г. испанский диктатор Примо де Ривера отправляет в Марокко 175-тысячную армию под начальством будущего диктатора Испании ген. Беренгера, сохраняя за собой верховное командование армией. Успех этих высоких полководцев оказывается не большим, чем их предшественников: в ноябре—декабре 1924 г. Абд эль Крим разбивает эту армию и отбрасывает ее к морю. Ценность захваченных им к этому времени военных трофеев достигает миллиардов франков. К началу 1925 г. Абд эль Крим владеет двумя третями захваченной испанцами с 1912 г. территории. Остатки испанских войск удерживаются только в прибрежных крепостях под защитой своего флота.

Блестящие победы, одержанные Абд эль Кримом, позволяют ему уже в начале 1922 г. достигнуть больших успехов и в деле национальной консолидации риффских племен. Враждовавшие до сих пор племена убеждаются в том, что только объединенными усилиями они могут успешно бороться против чужеземных захватчиков. Так самый процесс борьбы против империализма создает элементарные предпосылки национальной консолидации.

В феврале 1922 г. появляется прокламация, подписанная вождями всех

Французский наблюдательный пост в горном Риффе

риффских племен, объявлявшая Абд эль Крима эмиром Риффа, и тем самым кладется основание независимого риффского государства. Абд эль Крим создает постоянную армию, централизует финансы, пытается завязать дипломатические связи с различными странами. Успехи его антиимпериалистической борьбы в короткое время делают его самым популярным человеком не только в Марокко, но и среди мусульманского населения Алжира и Туниса; он принимает делегатов из Египта и Аравии. Но тем самым его победы выходят уже за рамки антииспанской борьбы и становятся реальной угрозой для всех империалистических держав, закабеляющих народы Африки и Аравийского полуострова. И первой чувствует перед собой угрозу Франция, которая еще недавно пыталась использовать риффов в своей борьбе против испанцев. В феврале 1924 г. ген.-губернатор французского Марокко маршал Лиоте пишет в своем докладе м-ру ин. дел Франции: «Непосредственной опасности, конечно, еще нет, но для нашего укрепления в Марокко вряд ли может быть менее благоприятный момент, чем основание у берега Средиземного моря на таком небольшом расстоянии от Феца автономного мусульманского государства обладающего современной организацией и

опирающегося на многочисленное и необыкновенно воинственное население. Такое государство не только стало бы притягательным центром для всех враждебно к нам настроенных и недовольных нами элементов, но и для тех кругов в Марокко, именно для молодежи, горизонт которых в течение последних лет, в особенности благодаря войне и событиям на Востоке, значительно расширился. Здесь уже возникли многочисленные разнообразные течения, направленные против иностранцев».

Последовавший в конце 1924 г. разгром Абд эль Кримом 175-тысячной армии испанцев должен был внести еще большее беспокойство в руководящие круги империалистической Франции. Французы уже до этого успевают принять подготовительные меры к борьбе против независимого Риффа, фактически провоцируя войну с ним. Они устраивают ряд блокадов и сосредотачивают большую армию на границе испанской зоны, отрезав таким образом риффов от долины Уэрги, откуда армия и кочевники Риффа получали съестные припасы с тех пор, как с моря они были отрезаны испанской блокадой. Этот шаг французов имел тем большее значение, что в руках французских войск оказались районы, откуда снабжались водой поля многих оседлых племен. Абд эль

Криму оставалось теперь либо умерить с голоду свой народ и свою армию, либо же ворваться на территорию французского протектората. Он сделал последнее. В мае 1925 г. начались столкновения на широком фронте, риффы отеснили передовые части французов, захватили ряд французских постов и продвинулись в глубь французской зоны. Эмиссары Абд эль Крима подымали восстания племен в тылу французской армии, вооружали эти племена и руководили их борьбой. В конце апреля риффы переходят в решительное наступление и создают непосредственную угрозу столице французского Марокко — Фецу. В мае благодаря восстанию племен в районе Таза Абд эль Крим угрожает отрезать французское Марокко от Алжира. Ситуация для французов становится критической, и в июне французская армия начинает отступление по всему фронту. Положение французской армии еще более осложняется не только восстаниями местных племен, но и выявившейся во время наступления Абд эль Крима ненадежностью сенегальских батальонов и других цветных войск в составе французской армии.

В лагере риффов

Французский империализм начинает понимать, что затеянная им самим война с риффами грозит окончиться такими же результатами, как испано-риффская война. Перед лицом этой опасности французский империализм забывает свои длившиеся десятилетиями споры с Испанией, и в июле 1925 г. в Мадриде подписывается соглашение между Испанией и Францией о совместной борьбе против риффов. Одновременно маршал Лиоте добивается присылки на фронт новых войсковых пополнений, а французский парламент добавляет еще миллиард франков к тем миллиардам, которые к 1924 г. были уже истрачены Францией на оккупацию Марокко¹, и к более чем двум миллиардам пезет, истраченным испанцами на военные операции в Марокко. Теперь риффам приходится иметь дело с Испанией, выставившей 175-тысячную армию, и с Францией, сосредоточившей к концу 1925 г. на фронте 10 дивизий, т. е. более 100 батальонов, не считая вспомогательных войск численностью до 200 тыс. чел. и с 40 тыс. завербованных на французское золото марокканских стрелков. Французские агенты, пользуясь неограниченными кредитами и полным содействием марокканского султана, объявившего Абд эль Крима мятежником, подкупают вождей некоторых племен. Соотношение сил, принимая во внимание, что Абд эль Крим не мог выставить более 40 тыс. всадников, становится слишком неравным, не говоря уже о колоссальном техническом перевесе на стороне империалистических армий, обладавших укрепленными и защищенными флотом приморскими базами, ж.-д. линиями, артиллерией, танками, самолетами и т. д.

В августе французы комбинированным наступлением войск и авиации занимают территорию племен тсулей и бранов и почти целиком их уничтожают. В начале сентября французы возвращают себе все захваченные риффами посты, переносят войну на территорию самого Риффа и соединяются с испанскими войсками, действующими с севера.

¹ По некоторым подсчетам, война в Марокко обошлась Франции в 12 тыс. солдатских жизней и 4 млрд. фр. (P. Semard, «La guerre du Riff», Paris, 1921, p. 17).

Абд эль Крим бросает в борьбу все свои резервы и в ожесточеннейших боях прорывает фронт противника. Французские и испанские войска в панике отступают на север. Но это — последняя победа риффов.

Племена были уже ослаблены неравной борьбой. Многие племена отзывали своих воинов из армии для того, чтобы

полосы борьбы. Первый вопрос, который естественно встает при этом, заключается в том, можно ли вообще считать революционной борьбу, которую вели марокканские племена под руководством своей племенной верхушки, неспособной, конечно, на социальное раскрепощение трудящихся масс Марокко.

Риффский отряд по дороге в Тетуан

защищать свою собственную территорию, подвергавшуюся разгрому со стороны оккупационных войск. Подкупленные французами марокканские партизаны захватывают Таргист, а испанцы овладевают столицей Риффа Аджиром. После этого начинается наступление на Рифф со всех сторон. В жестоких боях риффская армия тает. Наконец, в июле 1926 г. недалеко от Таргиста окруженный со всех сторон противником Абд эль Крим с отрядом в двести человек складывает оружие. Через несколько дней французский пароход увозит его сначала в Марсель, а затем на затерянный в водах Индийского океана остров Реюньон. Среди дымящихся развалин марокканских деревень представители правительства Франции награждают французских генералов орденом Почетного легиона. Парижская биржа подымает курсы марокканских акций.

Для понимания перспектив борьбы за национальное освобождение Марокко необходимо учесть уроки пройденной

В условиях полукочевого хозяйственного строя антагонизм между родовой верхушкой и массой кочевников и земледельцев развит еще слабо. Племенные и родовые связи затушевывают зреющие классовые противоречия. Авторитет кайдов и других вождей племен хотя и ослабевает под влиянием классовой дифференциации, вызванной вторжением купеческого и ростовщического капитала и размыванием натурального строя хозяйства, но процесс этот происходит очень медленно. Удары, наносимые грабительской, захватнической политикой империалистов интересам племени в целом, легко ведут к сплочению народных масс вокруг вождей племен, которые берут на себя инициативу борьбы против империализма, конечно, не в интересах трудящейся массы, а в своих собственных интересах. Это, однако, не мешает тому, что даже аристократическая родовая или племенная верхушка оказывается на время представительницей общенародных интересов, по-

сколькx она возглавляет борьбу против чужеземного империализма и поскольку в среде этих племен не выдвинулись еще другие социальные силы, могущие оспаривать у вождей племен руководство антиимпериалистической борьбой. Если поэтому в Марокко продавшийся французскому империализму султан Мулай-Юсуф, который опирается на высшую, уже феодализировавшуюся благодаря захвату общинных и племенных земель знать, не мог пользоваться и не пользовался никаким авторитетом, то племенные вожди, к которым принадлежал и сам Абд эль Крим, еще были способны выступить в качестве представителей общенародной борьбы против империализма.

Этого и не хотели понять антиленинские оппортунисты во французской компартии, когда они в органе «*Revolution proletarienne*» писали в июле 1925 г.: «Руководители французской компартии относятся к Абд эль Криму, как наши русские товарищи к Сун Ят-сену. Другими словами, они считают его представителем революционного национального пролетарского движения. Но это не причина, чтобы французские коммунисты неумеренно поддерживали Абд эль Крима, который представляет совершенно иные социальные слои и преследует совершенно иные цели... Кемаль-паша был воплощением национального движения, а не выступления племен одной незначительной провинции».

«Без сомнения, — отвечает на это рассуждение резолюция VI пленума ИККИ, — мы должны бороться с социальными и религиозными предрассудками, с панисламизмом колониальных народов и содействовать развитию у них массового рабоче-крестьянского движения. Но когда воинственные племена восстают против империализма метрополий и воюют за свою независимость, мы должны вести борьбу не против их их вождей, хотя бы им и свойственны были некоторые предрассудки, а против империализма, который стремится подчинить их. Тот своеобразный коммунист, который хочет бороться против Абд эль Крима в тот момент, когда французская буржуазия старается утопить в крови восстание риффов, восклицает: «Ма-

рокко — марокканцам, но не Абд эль Криму». Ту же позицию занял несколько позже Пенлеве (военный министр Франции. О. Т.) в палате, заявив, что он желает вести переговоры не с Абд эль Кримом, а непосредственно с племенами. Это позиция социал-патриотов и французского империализма, оправдывающая разбойничьи колониальные войны»¹.

В этом ответе Коминтерн исходил из нашего отношения к национально-освободительным движениям, формулированного Лениным еще во время мировой войны. «Даже для тех колониальных стран, — писал Ленин в 1915 г., — где нет рабочих, где есть только рабовладельцы и рабы и т. п., не только не нелепо, а обязательно для всякого марксиста выставлять лозунг самоопределения»². Отношение марксиста к тому или иному вождю, к той или иной группе в колониальных странах определяется прежде всего тем, способна ли эта группа вести действительную борьбу за национальное самоопределение, т. е. национально-революционную войну против империализма. В Марокко, где классовая дифференциация среди туземных племен была еще очень слаба и ее, выражаясь словами Ленина, надо было еще «дождаться», племенной вождь Абд эль Крим оказался на время способным возглавить освободительную борьбу против империализма.

Задача международного пролетариата заключалась в том, чтобы, не закрывая глаза на слабости этого движения, ясно видеть его революционное значение и всячески содействовать его победе над империализмом, ибо только в процессе борьбы с империализмом, в процессе разоблачения на практике слабостей руководства вождей племен могло начаться выделение самостоятельных революционных элементов, способных поднять борьбу на более высокую ступень. В странах вроде Марокко с очень слабой прослойкой пролетариата «выделение коммунистических элементов в единую партию, — говорит т. Сталин, — может происходить

¹ Стенограмма VI пленума ИККИ, стр. 683.

² Ленин, собр. соч., т. XIII, стр. 374.

лишь в ходе борьбы с империализмом, особенно после победоносной революционной войны против империализма»¹.

Каковы же были основные слабости освободительной борьбы риффов, возглавлявшейся Абд эль Кримом? Первая и одна из важнейших особенностей этого движения заключалась в том, что его социальная база была крайне сужена неспособностью вождей движения пойти на какие-либо мероприятия, облегчающие положение крестьянского большинства населения Марокко. Ни в мероприятиях риффского правительства, ни в пропаганде эмиссаров Абд эль Крима специальные интересы крестьянства — земельный вопрос, налоговой гнет, ростовщическая кабала — не нашли какого бы то ни было отражения. Особенно отрицательно это должно было повлиять на настроения оседлого земледельческого населения, которое постепенно убеждалось в том, что победа Абд эль Крима над испанцами и французами означала бы для трудящихся земледельцев только перемену хозяина, но несколько не облегчила бы тяжелой участи крестьянства. Этим и объясняется то обстоятельство, что оседлые племена с самого начала борьбы оставались большей частью в стороне от нее, а впоследствии дали даже немало партизан в отряды, набранные марокканским султаном для борьбы с Абд эль Кримом. Но и кочевники имели немало оснований выражать недовольство социальной политикой Абд эль Крима, хотя им победа над французами и испанцами сулила более непосредственные и близкие выгоды, прежде всего в смысле расширения территорий кочевок. Расходы и жертвы, которые должны были нести кочевые племена в связи с войной, были велики. Риффские племена выплачивали Абд эль Криму около 600 млн. пезет военных налогов, не считая штрафов, контрибуций и т. д., между тем как вся расходная часть риффского бюджета, по признанию самого Абд эль Крима, не превосходила 200 млн. пезет.

Племенной сепаратизм был вторым главнейшим препятствием, стоявшим на пути победы над чужезем-

ным гнетом. В ходе борьбы неоднократно бывало так, что даже верные идеям освободительной борьбы племена в самый решительный момент отзывали с фронта своих воинов для защиты своей собственной территории. Многие племена в самом Марокко, не говоря уже об Алжире и Тунисе, оставались глухими ко всем призывам восставших риффов и даже оказывали деятельную помощь французам и испанцам, прельстившись теми привилегиями, которые были им обещаны за счет мятежных племен. Империалистам удавалось так же ловко использовать вражду между оседлыми и горными кочевыми племенами.

Этот сепаратизм племен, совершенно неизбежный при полуфеодальном характере руководства, всячески поддерживался и раздувался империалистическими державами. Тяга к национальному объединению, к преодолению племенной раздробленности создавалась в самом процессе борьбы с империализмом, питалась уроками и опытом этой борьбы.

Еще в меньшей степени сумел Абд эль Крим взяться за разрешение задачи объединения антиимпериалистической борьбы различных арабских народностей за границами Марокко. Между тем одна из главных предпосылок империалистического гнета на арабском Востоке заключается именно в том, что арабские народности и с к у с т в е н н о р а з о р в а н ы на десятки «государств», над которыми фактически властвуют различные империалистические державы, и внутри этих «государств» империалистами раздувается племенная борьба. Задача свержения империалистического гнета могла разрешиться тем успешнее, чем в большей степени удалось бы создать е д и н ы й а н т и и м п е р и а л и с т и ч е с к и й ф р о н т всех арабских народностей.

Необходимо, однако, отметить, что опыт борьбы в конце концов толкнул Абд эль Крима к тому, чтобы начать действовать в этом направлении, хотя он и пытался облачить революционную идею национального восстания в реакционно-религиозную панисламистскую форму. В августе 1925 г. он опубликовывает воззвание, в котором мы читаем:

¹ Сталин, «Вопросы ленинизма», стр. 264.

«От имени эмира Абд эль Крима к народам Алжира и Туниса. Я обращаюсь к вам, славные народы, от имени риффской нации, которая начала борьбу за дело свсбоды, за торжество божественного слова и за псбеду мусульман... Едва только риффский народ разгромил испанцев и изгнал их из своей страны, едва только он приступил к мирному труду, как тираническая Франция объявила нам войну с целью овладения нашей страной. Франция и Испания объединились ныне против нас, подобно тому как англичане, итальянцы, французы и греки объединились прежде против турок, чтобы покончить с этой мусульманской страной и разделить ее. Но турецкий герой Кемаль-паша стал во главе своего народа, разбил врагов и восстановил независимость своей страны... Мусульмане Алжира и Туниса! В нашу столицу являются делегации из Феца, Мекнеса, Маракеша, Тетуана и других городов Марокко, равно как из Триполи, Египта, Палестины, Сирии, Ирака, Турции, Индии. Все эти делегации выражают твердую уверенность в торжестве дела риффской республики и оказывают нам моральную и материальную поддержку. Мусульмане Алжира и Туниса! Настал момент для всех мусульманских народов Триполи, Египта, Палестины, Сирии, Ирака порвать цепи рабства, прогнать насильников и освободить свою территорию. Воспользуйтесь этим благоприятным обстоятельством и восстаньте вместе с нами, чтобы освободить всю нашу территорию».

Призыв этот был сделан, однако, в момент, когда поражение риффов было уже близко. До этого риффское правительство во всей своей деятельности руководствовалось не столько ставкой на всеарабскую борьбу против империализма, сколько политикой использования противоречий между различными империалистическими державами, борющимися за сферы влияния на арабском Востоке¹. В этой политике, взятой

¹ Одной из крупнейших военно-политических ошибок, сделанных риффами во время войны, было то, что они не попытались занять главный опорный пункт испанцев — Мелилью. Позже Абд эль Крим признал, что эта ошибка произошла из боязни «международных осложнений», т. е. из политики, на которую мы выше указывали (см. об этом «Abd el Krim, Memuaren», Dresden, 1927, стр. 74).

самой по себе, ничего худого нет, как не было, например, ничего худого в том, что американцы использовали французов против англичан во время войны за независимость Америки, или как использовали ирландцы немцев против англичан в 1916 г. Но на арабском Востоке превращение этой тактики в основную стратегическую линию неизбежно связано с поддержкой власти той или иной империалистической державы над другими арабскими народами и племенами. А это неизбежно ведет к увековечению племенной раздробленности — главного козыря в руках империалистов. Конечно, в том, что Абд эль Крим не сумел поставить ставку на всеарабскую борьбу против империализма, в том, что он очень поздно поставил эту задачу и не сумел ее осуществить, нет ничего случайного, и это не связано с теми или иными личными качествами Абд эль Крима как вождя движения. Это обусловлено более глубокими социальными причинами: племенные вожди не могли подняться до идеи всеарабского восстания, ибо их собственное существование было обусловлено племенным строем и это мешало им преодолеть племенную раздробленность.

Наконец, третьей причиной, обусловившей поражение риффов, была недостаточная поддержка, оказанная их освободительной борьбе со стороны европейского пролетариата.

Правда, в движении Абд эль Крима принимало участие немало европейцев. Огромное значение имела, несомненно, кампания против марокканской войны, развернутая французской компартией. Именно антимилитаристическая кампания французской компартии способствовала тому, что банковские круги в Париже и французская военщина наталкивались внутри страны на очень серьезное противодействие марокканской войне. Это затянуло начало военных действий и позволило Абд эль Криму использовать это время для подготовки к борьбе. Агитационная работа французских коммунистов способствовала

также разложению в рядах оккупационной армии и, в частности, сделала совершенно небоеспособными цветные войска. Восставшим риффам была хорошо известна эта самоотверженная работа передовых французских рабочих, и они считали французских пролетариев единственными друзьями Риффа во Франции. Но французская компартия была тогда еще недостаточно сильна. Ее революционной антиимпериалистической агитации противостояла предательская работа «социалистов». Подготовленная французской компартией всеобщая 24-часовая стачка протеста против войны в Марокко была сорвана социал-патриотами. В мае 1925 г. вождь французских «социалистов» Ренодель заявил трибуны французского парламента: «Я был бы очень удивлен, если бы Германия не следила с вниманием и симпатиями за деятельностью Абд эль Крима. Мы являемся также свидетелями того, как большевизм стре-

мится проводить националистическую пропаганду среди колониальных народов всего мира, чтобы расширить свое влияние и при этом не ради распространения революционных идей, а для укрепления колониального национализма и интересов России как мировой державы». Так вожди французских социал-предателей поддерживали версию французского генерального штаба о том, что Абд эль Крим является не то германским, не то большевистским агентом.

Французская военщина полностью использовала услуги II интернационала, перебросив десятки свежих батальонов в Марокко и подавив риффское восстание.

Но освободительное антиимпериалистическое движение среди трудящихся масс Марокко тем самым не было прекращено. Со времени подавления движения Абд эль Крима не проходит ни одного года, чтобы то в одном, то в дру-

—д флагом Красного креста скрыта застава французской армии

гом уголке Марокко не вспыхивали крестьянские восстания. 1930 г. и начало 1931 г. ознаменовались новыми выступлениями крестьян.

Эти вспышки антиимпериалистической борьбы в Марокко характеризуются большей чем в 1921—1926 гг. самостоятельностью революционных выступлений крестьянства. В процессе распада первобытной общины и рода крестьянство начинает размежевываться с феодализирующейся, вовлекающейся в торговые операции и срастающейся с империалистической системой эксплуатации племенной верхушкой. Этот процесс протекает медленно вследствие малочисленности, отсталости и политической неорганизованности рабочих в Марокко, но он все же происходит, и с проявлениями этого процесса, усиливающегося сейчас под влиянием мирового хозяйственного кризиса, приходится уже серьезно считаться как туземным господствующим классам, так и чужеземным поработителям страны. Перспектива революционного развития Марокко заключается в объединении стихийно возникающих локальных вспышек борьбы крестьянских масс и в высвобождении крестьянства из-под влияния реакционных слоев туземного общества. Эта задача может быть выполнена тем успешнее, чем прочнее будет связана освободительная борьба в Марокко с рабочим и крестьянским движением в более передовых арабских странах, где уже сложились кадры туземного пролетариата, и с европейским рабочим движением, возглавляемым Коминтерном.

Окрепшее со времен риффской вой-

ны коммунистическое движение в Европе сумеет оказать более действенную помощь национально-освободительной, антиимпериалистической борьбе на арабском Востоке. В обстановке всеобщего кризиса капитализма, развала всей его хозяйственной системы и победоносного социалистического строительства в Советском Союзе, являющегося мощным противовесом системе империалистического рабства, классовое размежевание в национально-освободительных движениях на Востоке происходит ускоренными «кризисными темпами». Европейский пролетариат, в особенности коммунистический авангард рабочего класса Франции и Испании, имеет в большей степени, чем это было в 1921—1926 гг., возможность возглавить плебейско-крестьянские массы Марокко в их освободительной борьбе.

Назревающее сейчас в Марокко революционное движение покажет большую степень классового размежевания, и большую самостоятельность, и революционную целеустремленность в выступлениях социальных низов арабских и кабилских племен.

Французского журналиста, на тревогу которого по поводу возможности появления в Марокко «нового Абд эль Крима» мы указывали в начале статьи, можно «успокоить»: нет, нового Абд эль Крима, думается нам, в Марокко теперь не будет. Десять лет насаждения в Марокко франко-испанской «свободы» и «человечности» не прошли бесследно. Они пробудили и пробуждают к борьбе против «цивилизации» капиталистических рабовладельцев новые кадры бойцов, которые подымут освободительную борьбу в Марокко на высшую ступень.

Отряды риффских повстанцев

ПИСЬМА

ЖЕННИ МАРКС—КУГЕЛЬМАНУ

18 апреля 1871 г.

Мои дорогие друзья!

Простите мне мое молчание... Я должна признаться, однако, что у меня не было достаточной энергии для писанья: меня покинуло мужество. Я не могу перенести необходимости спокойно сидеть на месте в то время, как для храбрейших и лучших устраивается бойня по приказу этого кровожадного клоуна Тьера, которому со всеми его ордами профессиональных убийц из-за угла никогда не удалось бы победить стойких парижских граждан, если бы он не нашел помощи у своих прусских союзников, чванящихся еще своей полицейской ролью. Сама лондонская пресса, верная своей достойной миссии, делавшая все для того, чтобы забросать грязью пролетариев Парижа, должна в настоящее время признать, что никогда еще не боролась во имя принципа более храбро и отважно...

Большое число наших друзей принимает участие в Коммуне. Некоторые уже сделались жертвами версальских палачей. Недавно был убит Густав Флуранс. Он пал не во время битвы, как об этом сообщает пресса; дом, в котором помещалась его главная квартира, был указан жандармам одним шпионом и окружен, а он сам убит. Я вспоминаю о том, что прошел только один год с тех пор, как мы вместе с ним путешествовали в Гемпстед и вели дискуссию о том, что может быть сделано для ирландских пленных. Письма О'Донована Россса¹, которые я не могла перевести, перевел Флуранс. Я слышу еще его голос, говорящий: «Je vous le promets, je ferai tout pour O'D. Rossa»². Он был готов отдать жизнь для освобождения фениев...

Ваша Женни Маркс

Лондон, 12 мая 1871 г.

Дорогой г. доктор!

... Вы не можете себе представить, как много пережили мой муж, мои девочки и мы все благодаря французским событиям. Сперва убийственная война, затем еще более ужасная вторая осада Парижа. Смерть Флуранса, храбрейшего из храбрых, глубоко опечалила нас всех, и вот теперь отчаянная борьба Коммуны, в которой принимают участие все наши старые и лучшие друзья. Ошибки военного командования, вполне естественное недоверие по отношению ко всему что является «военным», навязчивое вмешательство журналистов и героев фразы, в роде Феликса Пиа³, неизбежные вследствие этого раздоры, нерешительность и противоречивые действия — все эти бедствия, неизбежные в столь молодом и отважном движении, были бы, наверное, преодолены ядром крепких, сознательных, способных на самопожертвование рабочих, но теперь, я думаю, потеряна всякая надежда, так как Бисмарк, заставляющий платить себе немецкими деньгами, выдает французским канальям из партии порядка, каждый из которых в отдельности олицетворяет какое-нибудь одно подлое преступление против буржуазного права, не только военнопленных, но и все крепостные сооружения. Мы стоим накануне второй июньской бойни⁴ ... Как только Мавр закончит свой адрес для Интернационала, он вам напишет⁵...

Ваша Женни Маркс⁶

ДВА ГИСИМА ЖЕННИ МАРКС ИЗ ЭПОХИ ПАРИЖСКОЙ КОММУНЫ

Карл Маркс и Женни Вестфален

Многие наши читатели, вероятно, знают, какое ничтожное количество писем из числа тех «нескольких сотен», которые, по словам самого Маркса, он разослал «во все концы света», защищая Коммуну и ее дело, дошло до нашего времени: два-три письма д-ру Кугельману, другу всей семьи Маркса, одно письмо членам Коммуны рабочим Франкелю и Варлену — вот, собственно, и все, что осталось от этой большой переписки. И именно поэтому каждый из нас с особым интересом и вниманием прочтает те два небольших отрывка из писем жены Маркса Женни д-ру Кугельману, которые недавно были впервые опубликованы К. Х. Вольфом в приложении к новому немецкому изданию книги Лиссагарэ о Коммуне 1871 г. (Lissagaray; «Der Pariser Kommune-aufstand», Brl. 1931. Soziolog. Verlagsanstalt).

Женни Маркс, урожденная фон Вестфален, была не только женой Маркса и матерью его дочерей: в течение всех долгих лет своей совместной жизни с Карлом Марксом она была тесно связана с делом подымавшегося рабочего класса и ради этого дела безропотно и героически переносила все те горести и лишения, которые приходилось переживать всем членам семьи первого вождя мирового пролетариата.

С 1843 г. начала совместной жизни с Марксом, и до 1881 г., года своей смерти, Женни не только проявляла живой интерес к ходу рабочего движения — она сама принимала го-

рячее участие в борьбе и помогала мужу в его работе, бесценно выполняя обязанности его секретаря. В революции 1848 г. она всецело разделяла взгляды Маркса и уже тогда не могла не считать его партию, «Союз коммунистов», своею. В 1849 г. Женни в одном из своих писем недаром писала о том, что ее печалит «тяжелые общие страдания и поражения, которые душат нашу партию», и то «тяжелое положение, в котором оказались в данный момент почти все, кто борется за принципы нового мира».

После окончательного торжества контрреволюции и разгрома «Союза коммунистов» Женни Маркс несмотря на страшную материальную нужду и четверых ребят продолжает в лондонской эмиграции деятельно помогать Марксу, переписывая его рукописи и ведя конспиративную корреспонденцию с Германией. И позднее, в годы I интернационала и Коммуны, она целиком живет интересами развертывающегося международного рабочего движения и продолжает вести незаметную на первый взгляд, но необходимую для революции работу. «То, что эта женщина с ее острым критическим умом, с ее политическим тактом, энергичным и страстным характером, с ее вниманием к товарищам по борьбе сделала для движения в течение 40 лет, — говорил Энгельс в речи на ее могиле, — неизвестно широким кругам и не занесено в анналы современной печати».

Два письма Женни Маркс, написанные д-ру Кугельману в период Коммуны, одно 18 апреля, другое 12 мая 1871 г., еще один лишний раз доказывают преданность жены Маркса делу революции и рабочего класса. Верный друг и товарищ Маркса на протяжении долгой, исполненной тревог и лишений жизни, Женни в своих письмах, конечно, передавала не только то, что сама думала о Коммуне и коммунарах, но и то, что думал и говорил о них Карл Маркс.

Достаточно сравнить два-три сохранившихся письма Маркса, написанные в апреле—мае 1871 г., с письмами его жены, чтобы убедиться в этом: в письмах последней мы найдем почти ту же самую характеристику палача Коммуны Тьера, что и в письме Маркса от 12 апреля, то же упоминание о том, что даже реакционные лондонские газеты должны признать храбрость и мужество коммунаров, те же мысли об огромном вреде, нанесенном Коммуне тем, что «наряду с влиянием рабочих есть и другие влияния» — влияния «журналистов и героев фразы», вроде Феликса Пиа и других.

«Решающий неблагоприятный случай, предопределивший исход неравного боя, — писал Маркс уже 17 апреля Кугельману, — на этот раз следует искать отнюдь не в общих условиях французского общества, а в присутствии в пределах Франции и у ворот самого Парижа пруссаков». Ту же мысль, как увидит дальше читатель, развивает и углубляет Женни в своем

письме от 12 мая. Больше того: из письма Маркса проф. Бизли, написанного позднее (в июне 1871 г.), мы узнаем, что заставило Женни за две недели до кровавой майской недели предвидеть близкую и неминуемую гибель Коммуны: за день до отправки в Ганновер письма Женни, в котором она сообщает о том, что Бисмарк «выдает французским канальям... военнопленных и все крепостные сооружения», Маркс получил информацию от близкого к Бисмарку человека и узнал «все подробности тайного договора между Бисмарком и Фавром». Таким образом, в своем письме Женни Маркс спешила поделиться с д-ром Кутельманом теми печальными сведениями, которые сама она только что получила от мужа.

И для самого Маркса, и для его жены характерна (это видно из их писем) глубочайшая вера не только в конечное торжество тех идей, за которые боролись и умирали коммунары, но и вера в силы рабочего класса, в его внутреннюю мощь: все недостатки и ошибки, «неизбежные в столь молодом и смелом движении, были бы, наверное, преодолены ядром крепких, сознательных, способных на самопожертвование рабочих», утверждает в своем письме Женни Маркс.

Таким образом, письма Женни являются существенным дополнением к немногим сохранившимся из эпохи Коммуны письмам самого Маркса. Но они интересны для нас и сами по себе, так как еще один лишний раз позволяют судить о том, как крепко и тесно были связаны и сам Маркс, и вся его семья с коммунарами, развернувшими в 1871 г. знамя «первого в мире опыта диктатуры пролетариата».

Густав Флуранс, о трагической гибели которого скорбит в своих письмах Женни, — французский революционер - бланкист, член Коммуны и один из первых генералов ее армии, предательски убитый 3 апреля в день неудачной для коммунаров первой схватки с версальскими войсками. В феврале 1870 г. он был принужден бежать от преследований императорской полиции в Лондон и здесь близко сошелся не только с Марксом, но и со всей его семьей. «Флуранс был уже несколько раз у меня, — сообщал 21 апреля 1870 г. Маркс Фридриху Энгельсу. — Он очень милый парень, его отличительным качеством является смелость»... «Было бы очень хорошо, если бы он остался здесь подольше, его стоило бы обработать», писал Маркс дальше, говоря о том, что он старается привлечь Флуранса, который был

тогда только демократом-республиканцем, в Интернационал и хочет познакомить его с идеями научного социализма.

Фенин, и в том числе один из их вождей О'Донован Росса, о которых идет речь в письме

Густав Флуранс, видный деятель Коммуны, убитый 3 апреля 1871 г.

Женни, — члены тайного революционного общества, возглавлявшего в конце 60-х годов XIX в. национально-освободительную борьбу ирландского народа. Много их пало тогда жертвами классового правосудия насильников-англичан, погибло на виселицах и в тюрьмах. Они вели себя на судах как военнопленные, которых судьба отдала в руки врагов. Именно поэтому и говорит Женни Маркс в своем письме о необходимости организовать помощь ирландским «пленникам», а не «заключенным».

Интернационала по поводу французских событий было принято Генеральным советом 28 марта, в день провозглашения Парижской Коммуны но затем выпуск адреса был временно снят с очереди. Только 18 апреля Генеральный совет по предложению Маркса принял новое постановление об издании адреса, выясняющего «общие тенденции борьбы» и поручил самому Марксу его написание. Адрес согласно постановлению Генерального совета должен был быть готов еще 2 мая но внезапная болезнь Маркса задержала выпуск. Только 23 мая Маркс снова смог присутствовать на заседании и сообщил, что адрес о гражданской войне во Франции будет готов в ближайшие дни. 30 мая он был принят Генеральным советом. Из письма Женни видно, что Маркс («Мавр») работал над адресом во время своей болезни.

⁶ Письмо Женни Маркс от 18 апреля написано на английском языке, письмо от 12 мая — на немецком.

¹ О'Донован Росса — один из виднейших вождей фениев (род. в 1831 г.).

² «Я обещаю вам, я сделаю все для О'Д. Росса».

³ Феликс Пиа (1810—1889) — французский политический деятель, член Коммуны, якобинец. В годы Второй империи занимал непримиримую позицию по отношению к бонапартизму, но был далек от рабочего движения и социализма. Во время Коммуны 1871 г. был членом исполнительной комиссии, а затем Комитета общественного спасения и своей деятельностью наносил огромный вред революционному и рабочему движению.

⁴ В июне 1848 г. парижские рабочие поднялись на вооруженное восстание, которое было жестоко подавлено Кавеньяком.

⁵ Постановление о выпуске в свет нового (третьего) адреса

МАРКС ПОСЛЕ ПОРАЖЕНИЯ КОММУНЫ

Уже задолго до фактического падения Парижской Коммуны и начала кровавой майской недели Маркс, хорошо отдававший себе отчет в той исключительно неблагоприятной обстановке, в которой французскому пролетариату приходилось вести борьбу с буржуазией, предвидел возможность и вероятность печального конца революции 18 марта 1871 г. Ему с самого начала были ясны те роковые ошибки, которые совершены были ЦК национальной гвардии, а затем и самой Коммуной, не сумевшими сразу понять классовый смысл борьбы между Парижем и Версалем и не сумевшими поэтому правильно организовать отпор как по отношению к внешней, так и по отношению к внутренней контрреволюции. Тревога за судьбу коммунаров и первые сведения о начавшемся версальском терроре заставили Генеральный совет I интернационала посвятить свое очередное заседание 23 мая обсуждению вопросов, связанных с организацией помощи жертвам контрреволюции и с организацией борьбы против европейской реакции, уже подавлявшей тогда свою голову.

Первые изгнанники Коммуны стали прибывать в Лондон уже в начале июня, и именно с этого времени ряд обстоятельств заставил Генеральный совет надолго сконцентрировать все свое внимание на деле помощи эмигрантам Коммуны. Для самого Маркса наступила теперь настоящая страдная пора, заставившая его на целых пять месяцев забросить все остальные дела и целиком отдать себя новой задаче, удовлетворительное разрешение которой требовало от него самого и от всего Интернационала совершенно исключительного внимания и напряжения.

После подавления Коммуны на плечи Генерального совета и Маркса ложилась не только нелегкая сама по себе задача собирания необходимых для организации помощи денежных средств, но и задача организации отпора против широко развернувшейся в буржуазной международной прессе кампании, конечная цель которой заключалась в том, чтобы смешать с грязью героев и мучеников Коммуны, представить их в глазах общественного мнения Европы обыкновенными уголовными преступниками и тем облегчить отдельным буржуазным правительствам Европы выполнение требований версальцев; последние настаивали тогда на том, что право убежища не может существовать для эмигрантов Коммуны и что они должны быть по закону об уголовных преступниках насильно возвращены обратно во Францию для суда и наказания.

О том, что возможность выдачи коммунаров палачам Версаля летом 1871 г. представляла собой вполне реальную угрозу, свидетельствует прежде всего полное двусмысленности поведение правительств Англии и Швейцарии—стран, дававших ранее достаточно надежный приют французской демократической эмиграции. И если все же политическая линия английского и швейцарского правительств могла еще только внушать опасения, то отношение к вопросу о выдаче коммунаров версальцам ряда других граничащих с Францией стран было, безусловно, непосредственно угрожающим: бельгийский мининдел д'Анетан языком Фавра и Тьера заявлял о том, что коммунары—люди, которых запятнал грех и которых должно настичь возмездие, что они с точки зрения бельгийского правительства не политические эмигранты; правительства Испании и Италии прямо закрыли свои границы для эмигрантов Коммуны и недвусмысленно заявляли о своей готовности выдавать тех коммунаров, которые, спасаясь от преследований со стороны версальцев, осмелятся проникнуть в их пределы. Того же следовало, конечно, ожидать и от правительства Бисмарка, только что оказавшего Версалью совершенно неоценимые услуги и до конца враждебного Коммуне и коммунарам. Наконец, и сам римский папа, предвосхищая выступление против СССР Пия XI, счел необходимым возвысить свой голос против коммунаров и в ответ на приветствие со стороны одной депутации швейцарских богомольцев приложил свою святую руку к кровавому делу Версаля. По словам Маркса, сообщавшего об этом выступлении Генеральному совету, папа следующим образом ответил швейцарцам: «Ваша страна—страна большой свободы, но она дает убежище многим злым людям..., которые хотят уничтожить всякий порядок и закон». И намекая дальше на желательность выдачи коммунаров версальцам и называя их воплощением дьявола, лицемерный старец говорил, что единственное, что можно сделать для них, т. е. для коммунаров, это молиться за них.

Таким образом, мы видим, что против изгнанников Коммуны летом 1871 г. вступили в один союз и грешная земля и святое небо, что угроза выдачи их на растерзание версальцам приобретала тогда вполне реальные очертания: огромная работа и была поэтому проделана Марксом и Генеральным советом для того, чтобы, с одной стороны, показать всему миру социально-экономическое и политическое содержание революции 18 марта, а с другой—разоблачить подлых палачей Коммуны, клеветавших теперь на ее героев. Чрезвычайно

важным представлялось тогда организовать общественное мнение Европы против версальских требований.

«Гражданская война», этот написанный огненными словами манифест, должна была как известно, помочь разрешению этой двойной задачи: она должна была не только показать всему миру, чем в действительности была Коммуна, но и показать ему истинное лицо ее заклятых врагов.

После падения Коммуны, в течение всего 1871 г. Маркс и Генеральный совет ни на минуту не забывают о необходимости и дальше вести разоблачительную работу, хорошо понимая, что лучшая защита и поддержка для побежденных коммунаров—удары по их палачам и врагам. Уже 11 июня в ответ на усиление версальского террора и отвратительные циркуляры Фавра, требовавшего от правительства Европы «во имя принципов, на которых поклялась вся цивилизация», выдачи в руки военных судов все новых и новых жертв, Генеральный совет выпускает открытое письмо, в котором грозит в случае продолжения клеветнической кампании расслать всем европейским судебным учреждениям циркуляр о Жюле Фавре, в свое время в целях личного обогащения подделавшем документы о наследстве. Генеральный совет сделал это для того, чтобы предотвратить возможность появления убийцы (Фавр намеревался занять пост председателя кассационного трибунала) в роли главного судьи своих жертв.

В бумагах Маркса, хранящихся в архиве Института Маркса и Энгельса, мы можем найти многочисленные следы тщательной подготовительной работы по собиранию материалов, изобличающих Фавра, Тьера и К°. Регулярно просматривая лондонские газеты, Маркс отмечал в них карандашом наиболее существенные и интересные места, делал вырезки и вклейки в специальных тетрадях. Нет возможности передать здесь богатое содержание этого изобличительного материала. Достаточно сказать, что в центре внимания Маркса продолжают стоять зловещие фигуры палачей Коммуны: Фавр, предающий и продающий свою страну Бисмарку и «лижущий портфель последнего», Фавр, продвигающий по службе своего брата-бонапартиста, рассылающий в провинцию собственные бюсты и устраивающий в голодающем Париже званые обеды; Тьер, грязный делец на лондонской бирже, «маленький темный интриган», оплачивающий своих любовниц за счет продажи государственных должностей, Тьер — «старая очковая змея, которую сапожная щетка Бартеlemi Сент-Гилер называет старцем, ниспосланным Франции провидением», — вот в основном содержание собранных против Фавра и Тьера материалов, которые по замыслу Маркса должны были в будущем лечь в основание нового, второго по счету, обвинительного акта Генерального совета, нового его манифеста, направленного против версальцев.

В течение всего 1871 г. Маркс не устает разоблачать в современной прессе этих прямых и открытых врагов Парижской Коммуны, не забывая в то же время и о необходимости

давать отпор тем представителям международной буржуазии, которые, выражая на словах свое сочувствие эмигрантам, одновременно нападали на Генеральный совет, признавший, как известно, правильными все действия коммунаров — и расстрелы заложников, и поджоги различных общественных зданий.

Одной моральной или политической поддержкой не могла, разумеется, ограничиться помощь, оказанная жертвам версальского террора со стороны международной организации пролетариата и Маркса.

Уже с самого конца майской недели к границам ближайших к Франции государств начали прибывать с окровавленных улиц Парижа волны новой эмиграции, состоявшей в своем основном большинстве из представителей трудового народа—рабочих, ремесленников и интеллигентов. Голодная и холодная, эта эмиграция обречена была с самого первого дня изгнания думать о куске хлеба, о пристанище, о рабстве, принуждена была теперь переживать бедствия новой, третьей по счету, осады, о которых рассказывают с такой потрясающей силой страницы «Лондонской улицы» коммунара Жюля Валлеса.

Генеральный совет не мог допустить, чтобы бойцы первой революции пролетариата умирали от голода и лишений на скамейках лондонских парков и ночлежек. Помощь «грабителям Парижа», прибывавшим за границу «частью с женами, детьми и грудными младенцами», должна была стать делом всего мирового пролетариата, тем более, что «побежденные изгнанники Коммуны не могли надеяться на буржуазию».

Однако в силу целого ряда обстоятельств сбор средств, необходимых для организации планомерной помощи эмигрантам, прибывавшим за границу и, в частности, в Лондон, должен был проходить в исключительно неблагоприятной обстановке. По словам Маркса, «просьбы о помощи» со стороны побежденных коммунаров «приходили к рабочему классу в трудный момент». «Швейцария и Бельгия приняли уже свой контингент эмигрантов, которых они должны были поддерживать и которым они должны были помогать при переезде в Лондон. Суммы, собранные в Германии, в Австрии и в Испании, были посланы в Швейцарию. В Англии же великая борьба за девятичасовой рабочий день, решающая битва которой была дана в Ньюкестле, заставила израсходовать и индивидуальные взносы рабочих и фонды тред-юнионсов». Именно вследствие всех этих причин застигнутый врасплох волной эмигрантов Генеральный совет не мог располагать мало-мальски достаточными средствами для удовлетворения всех обращенных к нему просьб и требований; только «неустанные хлопоты и письма» и прежде всего «хлопоты и письма» самого Маркса дали возможность собрать буквально по грошам необходимые средства. Фактически вся основная масса собранных различными путями средств шла до глубокой осени 1871 г. исключительно из Англии, где Генеральный совет и отдельные секции Интернационала сумели развить исключительно сильную деятельность и сумели рас-

пространить в рабочих массах не только простые подписные листы, но и особую форму их («penny subscription»), облегчавшую сбор мелких массовых пожертвований. Тем не менее без личной деятельности отдельных членов самого Генерального совета, жертвовавших, по словам Маркса, для организации дела помощи «не только своим временем, но и своим собственным карманом», эмигранты Коммуны, по всей вероятности, «подохли бы с голоду».

К сожалению, почти не сохранились те многочисленные письма, которые рассылал Маркс самым различным лицам, пытаясь склонить их к пожертвованию в пользу коммунаров. «Я имею честь, — читаем мы в случайно уцелевшем черновике письма Маркса, адресованного некоему М. Конвею, — приложить к этому письму подписной лист для французских эмигрантов. Число их ... с каждым днем увеличивается, в то время как наши средства почти исчерпаны. Положение действительно плачевно. Было бы лучше всего, если только это возможно, организовать особый комитет, который взял бы на себя задачу приискания работы этим людям, большинство которых или квалифицированные рабочие или ремесленники».

Все собранные с таким трудом деньги шли не только на поддержку прибывавших в Англию эмигрантов, число которых к концу года достигало уже нескольких сотен человек; в течение всего 1871 г. Генеральному совету приходится тайно пересылать деньги во Францию, в Париж, где долгое время продолжали еще скрываться отдельные деятели Коммуны, ожидавшие целыми месяцами в глубоком подполье, на чердаках и мансардах, возможности перебраться за границу. Строгий контроль на всех пограничных пунктах делал бегство из Франции далеко нелегким и небезопасным предприятием и заставлял многих коммунаров, сумевших уйти от смерти в майскую неделю, подолгу ожидать ослабления надзора на заставах, вокзалах и железнодорожных путях.

Разумеется, о тайной пересылке денег и паспортов в Париж протоколы заседания Генерального совета почти ничего не говорят. Дела подобного рода, конечно, не выносились на широкое обсуждение и решались в особом подкомитете или непосредственно самой руководящей головкой Генерального совета. Только один раз (октябрь 1871 г.) читаем мы в протоколах постановление о посылке 3 ф.ст. в Париж «бежавшему, приговоренному к смерти».

Конспиративность всех сношений Генерального совета с Парижем затрудняет их детальное выяснение. В данном случае нам могут помочь отдельные случайно сохранившиеся письма. Из них мы узнаем о том, что Маркс стоял в центре всех ведущихся переговоров, что именно он прилагал все усилия к тому, чтобы достать необходимые для выезда из Франции документы и организовать затем их пересылку в Париж скрывающимся от полиции коммунарам.

Наиболее надежным документом, дающим относительно полную возможность безопасно перебраться за пределы Франции являлся, бесспорно, паспорт какого-либо иностранца, визированный для поездки во Францию в

какой-либо стране. Снабженный подобным паспортом коммунар как лицо «иностранного» происхождения подвергался при выезде лишь самому поверхностному опросу и обычно легко проходил через французские пограничные пункты, наводненные после подавления Коммуны массой шпионов и полицейских. «На границе Франции в Кале легко проскользнуть всякому неглупому человеку. Полиция там весьма тупа, — сообщал об этом Марксу из Парижа один из его друзей. — Необходимо только не поступать так, как поступил один малый, который громко ругался в Кале «по-бэльвийски» по поводу того, что его английским бумагам отказывались верить. Следует, — писал тот же друг Марксу, — указывать тем, кому вы достаете английские паспорта, на необходимость выучивать наизусть дюжину английских слов».

Снабдить такими паспортами скрывающихся в Париже коммунаров и являлось задачей Генерального совета. Последнему при этом приходилось не только брать на себя заботу по отысканию живущих вне Франции иностранцев, готовых предоставить коммунарам свои документы, но и организовать отправку их с надежными людьми туда, где скрывались стремящиеся вырваться из рук Тьера революционеры.

С самого начала июня Маркс стоит в центре всей этой деятельности Генерального совета, используя для доставания паспортов все свои связи и знакомства. Целый ряд адресованных Марксу писем показывает, что отправка паспортов в Париж не прекращалась до осени 1871 г., что многие коммунары с помощью этих добытых Марксом паспортов благополучно выбрались за границу. О том, что Маркс принимал участие и в другом знакомом каждому профессиональному революционеру деле, именно в подделке и подделке чужих паспортов, мы узнаем из письма старого друга Маркса Эрнста Дронке. Этот последний, пересылая Марксу свой паспорт, как о чем-то обычном сообщает ему о необходимости несколько «освежить» его. «Химическим путем, — пишет он, — все написанное в паспорте может быть уничтожено, и затем он может бы заполнен любым содержанием».

Особой конспиративностью должна была быть, разумеется, обставлена пересылка в Париж добытых различными путями документов и особенно передача их находящимся на нелегальном положении коммунарам. Паспорта пересылались в Париж через отдельных надежных лиц и там тайно передавались по назначению.

Только отрывочные сведения дают нам возможность судить об этой стороне нелегальной работы Маркса. Любопытное письмо коммунара Развадовского, случайно сохранившееся в бумагах Маркса, знакомит нас с техникой этих тайных передач. Вот что пишет 7 июля 1871 г. Марксу Развадовский:

Господин доктор,
дама из Парижа проживает 14, улица Труффо, в Батиньоле; пароль: имее ли вы цветы оттенка Т. Ответ: да, месье.

Лондонская дама выезжает не позже понедельника. Я немного затронул ее самолюбие, высказав легкое сомнение в

ее храбрости. Тем не менее она перевезет все, что вы пожелаете, и будет действовать, как условлено. Я за это отвечаю.

Парижская дама меняет квартиру 8 или 15 этого месяца. Следует, значит, ждать присылки ее нового адреса.

Примите, господин доктор, уверения в моем почтении

Развадовский.

Именно благодаря этой неизбежной конспирации мы не имеем возможности установить ни числа пересланных в Париж паспортов, ни имен тех коммунаров, которые только при помощи Генерального совета и Маркса смогли вырваться за границу. Можно предполагать, правда, с достаточной степенью вероятности, что Маркс организовал переезд в Лондон целого ряда поляков-коммунаров и, в частности, генерала Коммуны Врублевского. Точных данных на этот счет нет.

«Идите завтра ... к г. Фюисс, — пишет, например, Маркс коммунару Э. Лепеллетье, — г. Фюисс — француз, старый эмигрант, торговец. Я вчера говорил ему по поводу вас; я сказал ему, что он весьма меня обяжет, оказав вам услугу. Он ответил мне, что ему, возможно, удастся облегчить вам продажу некоторых ваших картин».

Одновременно к тому же Фюиссу Маркс направляет и другого художника — коммунара Гюбера, «Он меня свел уже ко многим своим знакомым, которые купят сами или продадут мои картины другим, — радостно сообщает последний Марксу, — в эти дни голода вы оказали мне неоценимую услугу».

В архиве Института Маркса и Энгельса сохранились десятки писем, в которых отдельные коммунары благодарят Маркса за оказанные им услуги, помощь или поддержку. Они свидетельствуют о том большом доверии и любви, которыми пользовался среди эмигрантов старый вождь Интернационала. Вот, например, что пишет Марксу коммунар ле Муссю, сообщая о том, что он не находится еще в столь тяжелом материальном положении, «чтобы добрая госпожа Маркс, ваши чудесные барышни и вы сами так долго обо мне заботились. Ваша доброта, — пишет ле Муссю, — тронула меня до слез... Ваша преданность делу революции и свидетельство расположения, которыми вы мне делаете честь, дадут мне возможность обратиться непосредственно к вам в случае крайности... Я горд вашим заботливым вниманием; оно придает мне мужество и заставляет забывать горести изгнания».

Незачем говорить, что двери лондонской квартиры Маркса были широко открыты для всех изгнанников Коммуны, которые в кругу его семьи всегда могли рассчитывать найти не только одно ласковое слово — в эти летние и осенние дни 1871 г. в доме Маркса не садились за стол без одного-двух, а то и нескольких постоянно голодных эмигрантов!

Итак, мы видим, что Маркс после падения Коммуны отдает всего себя целиком делу организации помощи жертвам версальского

Дом в Лондоне, где умер Маркс

террора. Продолжая вести неустанную начатую еще задолго до появления «Гражданской войны» борьбу с Версалем, Маркс ни на одну минуту не забывает о необходимости оказывать помощь потерявшим силы в борьбе и временно вышедшим из строя борцам первой революции пролетариата. Не любовь к ближнему, не бесплотный и внеклассовый альтруизм, не мещанская сентиментальность заставляют его с такой готовностью протягивать руки помощи побежденным в неравном бою коммунарам и заботиться об их голодных женах и детях. Маркс остается и здесь прежде всего борцом и революционером. Принципы Коммуны вечны и не могут быть уничтожены, — знает он, — они будут выдвигаться снова и снова пока рабочий класс не добьется своего освобождения. Мысль о будущей борьбе и заставляет его отдавать всего себя и все свои силы делу помощи жертвам версальского террора — солдат первой неудавшейся революции пролетариата он рассматривал как превосходные кадры пролетарской армии при новом подъеме социалистической революции. Именно вследствие этого так велик его интерес ко всей эмиграции Коммуны и к каждому коммунару в отдельности. Ученье оставшихся в живых солдат революционной армии, помочь им снова занять свое место в рядах борющегося с капитализмом мирового пролетариата — вот основная и главная задача Маркса.

„ПОЛИЦЕЙСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ“ ПРОТИВ РАБОЧЕГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА

Г о т о в л е н н ы й к п е ч а т и Ц е н т р о а р х и в о м с б о р н и к а р х и в н ы х д о к у м е н т о в «П а р и ж с к а я К о м м у н а в п р п и с к е ц а р с к о г о м и н и с т е р с т в а и н о с т р а н н ы х д е л» о т к р ы в а е т м н о г о н о в о г о в м е ж д у н а р о д н о й и с т о р и и п е р в о й п р о л е т а р с к о й д и к т а т у р ы, н о о с о б е н н ы й и н т е р е с п р е д с т а в л я ю т е г о м а т е р и а л ы, р а з о б л а ч а ю щ и е х а р а к т е р т е х р е п р е с с и й, к о т о р ы е м и р о в а я р е а к ц и я о б р у ш и л а н а р а б о ч е е д в и ж е н и е п о с л е р а з г р о м а К о м м у н ы. Э т о м у в о п р о с у и п о с в я щ е н ы п е ч а т а е м ы е з д е с ь d o k y м e н т ы: в н у т р е н н я я п е р е п и с к а м - в а и н . д е л и д о н е с е н и я ц а р с к и х п о с л о в и з А в с т р о - В е н г р и и, A н г л и и, Б е л ь г и и, И с п а н и и, П р у с с и и, С а к с о н и и, Ф р а н ц и и и Ш в е й ц а р и и.

В о л н а р е п р е с с и й, с б р у ш и в ш и х с я н а р а б о ч и й к л а s s п о с л е «м а й с к о й н е д е л и» в П а р и ж е, н е о г р а н и ч и л а с ь o д н о й Ф р а н ц и е й, а р а с п р о с т р а н и л а с ь н а в с е с т р а н ы и к о с н у л а с ь т а к ж е М е ж д у н а р о д н о г о т о в а р и щ е с т в а р а б о ч и х (I i н т е р н а ц и о н а л). Г е н е р а л ь н о м у с о в е т у I н т е р н а ц и о н а л а и e g o p у к о в о д и т е л ю М а р к с у б ы л и, к о н е ч н о, и з в е с т н ы п р e д л о ж e н и я в e р с а л ь с к о г о м - p a Ф а в р а 26 м а я и 6 и ю н я 1871 г. и н о с т р а н н ы м п р а в и т е л ь с т в а м о в ы д а ч е э м и г р а н т о в К о м м у н ы; б ы л о и з в e с т н о, ч т о н е к o т o р ы е п р а в и т e л ь с т в а, к а к б e л ь г и й с к о е, и с п а н с к о е и o т ч а с т и д а ж e ш в e й ц а р с к o e, б ы с т р о o т в e т и л и н а э т o т п р и з ы в; б ы л о, н а к o н e ц, и з в e с т н о, ч т o в p я д e с т р а н, в ч а с т н o c т и в И т a л и и, c т a л и p а з г o н я т ь с я м e c т н ы е ф e д e p a ц и и I н т e р н a ц и o н a л a и ч т o и c п a н с к o e п р a в и т e л ь c t в o п o в т o р и л o в c л e д з a ф p a n ц у з c k и м п р e d л o ж e н и e м p a c п p o c t p a н и т ь э т и м e p ы н a в c ю E в p o п y. T a k a я и д e я «п o л и ц e й c k o г o и н т e р н a ц и o н a л a» п р e в p a т и л a c ь б ы в c e p ь e з н e й ш y ю y г p o з y д л я p a б o ч e г o д в и ж e н и я.

Г e н e p a л ь н ы й c o в e т I н т e p n a ц и o н a л a ч у в c t в o в a л, ч т o к a k и e - т o п e p e г o в o p ы в э т o м н a п p a в л e н и и в e д у т с я, и п o д o з p e в a л, ч т o и н и ц и a т и в a в н и х п р и н a д л e ж и т Б и c м a p к y. O т к p ы т ы e т e п e p ь d o k y м e н т ы o б н a p у ж и в a ю т, ч т o п o д г o t o в k a к o p г a н и z a ц и и «п o л и ц e й c k o г o и н т e p n a ц и o н a л a» д e й c t в и т e л ь н o в e л a c ь, и ч т o Б и c м a p к в э т o м д e л e б ы л т o л ь k o п o d c t a в н ы м л и ц o м A л e c a н д p a II. Ц a p c k o e c a м o д e p ж a в и e в ы c t y п и л o и з д e c ь в и n и ц и a т и в н o й p o л и м e ж д у н a p o d н o г o ж a н д a p м a!

! Н e y в e p e н н ы й в н e з a п я т н a н н o c т и c в o e й p e п у т a ц и и A л e c a н д p c ч e л п o л e з н ы м c п p ы т a т ь c я з a c п и н y c в o e г o «л и б e p a л ь н o г o» д я д и В и л ь г e л ь м a I. П p и э т o м c п p ы т a л c я o n т a k o c н o в a т e л ь н o, ч т o e g o п p и c y т c t в и e в э т o м д e л e o c т a л o c ь н e з a м e ч e н н ы м н e т o л ь k o и c t o p и k a м и, н o д a ж e e g o c o б c t в e n н ы м и м и н и c t p a м и! П p e д п o ч т я п p o в e c t и э т y «д e л и k a т н y ю» o п e p a ц и ю п o м и м o c o б c t в e n н o г o м - в a и н . д e л, A л e c a н d p з a c t a в и л ж e c t o k o o п p o c t o в o л o c и т ь c я y п p a в л я ю щ e г o м - в o м B. И. B e c t м a н a в б e c e д e c ф p a n ц у з c k и м п p e d c t a в и т e л e м (c м . d o k y м e н т № 1), a п o т o м, p a c k p ы в c в o и k a p т ы в p y г a т e л ь н o м п p и м e ч a н и и, o п я т ь c k p ы л и c t и н y, c o c л a в и ш и c ь н a a в т o p c t в o м м - в a ю c t и ц и и (c м . d o k y м e н т № 4); и з в т o p o г o д o н e c e н и я B e c t м a н a Г o p ч a k o в y в ы я c н я e т c я, ч т o ц a p c k и e ю p и c т ы т a k ж e м a л o з n a л и o б э т o м д e л e, k a k и ц a p c k и e д и п л o м a т ы. C o c л a в и ш и c ь н a «к y л ь т y p н o e» м - в o ю c t и ц и и, A л e c a н d p н a c a м o м д e л e п p o в e л в c e д e л o в c в o e й o x p a n k e п p и п o c p e д c t в e л и ч н o г o c в o e г o д p y г a ж a n d a p м a Ш y в a л o в a.

П o в и д и м o м y, a в т o p ы c ч и т a л и п p o e k t c o з д a н и я «п o л и ц e й c k o г o и н т e p n a ц и o н a л a» н a c t o л ь k o c e k p e т н ы м, ч т o д a ж e т e п e p ь н e y д a л o c ь e g o o б n a p у ж и т ь н и г д e: d o k y м e н т a, o k o т o p o м c т o л ь k o г o в o p и т c я в п e ч a т a e м ы х н и ж e м a т e p и a л a x, н e o k a z a л o c ь в п я т и л e н и н г p a д c k и х a p x и в a x (a p x и в ы C o в e т a м и н и c t p o в, д в y x д e п a p т a м e n т o в м - в a ю c t и ц и и, II к o н c y л ь т a ц и o н н o г o o т д e л e н и я «c o б c t в e n н o й e g o в e л и ч e c t в a к a n ц e л я p и и» и л и ч н ы й a p x и в м - p a ю c t и ц и и П a л e н a) и в ч e т ы p e x м o c k o в c k и х (a p x и в III o т d e л e н и я и л и ч н ы e a p x и в ы A л e c a н d p a II, г p . Ш y в a л o в a и м - p a д в o p a г p . A д л e p б e p г a).

O c т a e т c я д o в o л ь c t в o в a т ь c я c o x p a н и в ш и м и c я п e p e г o v o p a м и п p e d c t a в и т e л e й м e ж д у н a p o d н o й p e a k ц и и п o п o в o д y э т o г o d o k y м e н т a. K a k я в c t в y e т и з п e ч a т a e м o й п e p e п и c k и (o c o б e n н o и з в e н c k и х д o н e c e н и й), э т и п e p e г o v o p ы п p o d в и н y л и c ь y ж e d o в o л ь н o д a л e k o, в п л o т ь d o o p г a n i z a ц и и м e ж д y в e д o м c t в e n н ы х и м e ж д y п p a в и т e л ь c t в e n н ы х к o м и c c и й. T o л ь k o y k л o н ч и в a я п o з и ц и я a n г л и й c k o г o k a б и н e т a Г л a d c t o н a п o м e ш a л a п o л н o м y o c y щ e c t в л e н и ю п p o e k t a «п o л и ц e й c k o г o и n t e p n a ц и o н a л a»; п o c л e д н e e я в c t в y e т н e c т o л ь k o и з б e c e d ц a p c k o г o п o c л a в Л o н д o н e c л o p d o м Г p e н в и л e м, c k o л ь k o и з б e c e d ы и c п a н c k o г o п o c л a в П a p и ж e c ц a p c k и м п p e d c t a в и т e л e м в И c п a н и и.

Faint, illegible text from a document, likely the original report mentioned in the caption.

Faint, illegible text from a document, likely the original report mentioned in the caption.

Faint, illegible text from a document, likely the original report mentioned in the caption.

Faint, illegible text from a document, likely the original report mentioned in the caption.

1871, May 30

Westman

Фотография первого из помещенных здесь документов — доклад управляющего мин. ин. дел В. И. Вестмана Александру II. Донесение напечатано на французском языке. Царские пометки сделаны карандашом и покрыты лаком (фотографией воспроизведены неясно) кроме верхней общей резолюции, открывающей авторство русского царя в проекте организации «полицейского интернационала».

Музей Центрархива

Доклад заместителя министра иностранных дел Александру II.
30 мая (11 июня) 1871 г.

Французский поверенный в делах по распоряжению своего правительства сообщил мне циркуляр г. Ж. Фавра, который появился, впрочем, во всех газетах, о выдаче Франции эмигрантов Парижской Коммуны.

Г-н Габриак спрашивал меня, какой ответ он может передать своему правительству.

Я ему ответил, что официально я должен ограничиться составлением акта о получении его сообщения, но что, поскольку его императорское величество отсутствует, я не могу ничего прибавить к этому простому устному подтверждению получения.

Что касается меня лично, я счел возможным сказать ему, что по всей видимости мы почти не будем иметь случая заняться этим вопросом¹. Нужно думать, что члены Коммуны — французы не отправятся укрываться в Россию²; еще меньше этого можно ожидать от поляков, по отношению к которым, однако, мое правительство имело бы первенство при сведении счетов.

Я полагаю, что этот вопрос не будет больше поставлен на обсуждение³.

Вестман.

¹ На полях рукой Александра II: «Напротив».

² Пометка Александра II: «Как знать!»

³ Общая резолюция Александра II: «Я рассматриваю этот вопрос как один из серьезнейших и важнейших вопросов для будущего всех правительств. По моему приказу министр юстиции приготовил по этому поводу докладную записку, которую я сам передал в Берлине императору-королю, желая, чтобы инициатива шла не от меня, а от Пруссии. Теперь я ожидаю результатов».

Приложение к докладу Вестмана — выдержка из газеты «Indépendance» от 30 мая 1871 г.

Министр иностранных дел по сообщению официальной газеты передал сегодня по телеграфу следующую инструкцию представителям Франции за границей:

Версаль, 26 мая.

Милостивый государь!

Гнусные действия злодеев, которые падают под героическим напором нашей армии, не могут быть смешиваемы с политическим актом. Их дело составляет серию предумышленных злодеяний, которые подвержены наказанию по законам всех цивилизованных народов. Убийства, воровство, пожары, систематически организованные и приготовленные с адским искусством, могут оставить их авторам и их сообщникам только одно убежище — законное искупление. Никакая нация не может покрыть их иммунитетом, и на всякой почве их присутствие было бы позором и опасностью. Если, таким образом, вы узнаете, что какой-нибудь индивид, замешанный в парижских преступлениях, пересек границу той нации, при которой вы аккредитованы, приглашаю вас ходатайствовать перед местными властями о немедленном его аресте и тотчас сообщить мне, чтобы я мог довести до конца это дело просьбой о выдаче.

Примите и пр.

Жюль Фавр.

Доклад заместителя министра иностранных дел Александру II.

16 (28) июня 1871 г.

Князь Рейс¹ по распоряжению своего правительства дал мне прочесть депеши, адресованные князем Бисмарком некоторым прусским представительствам, чтобы привлечь внимание правительств к растущему развитию социалистических идей и к тяжелым последствиям, которые должны произойти в недалеком будущем вследствие такого положения вещей.

Основная депеша адресована генералу Швейницу² в Вену. Она имеет дату 26 мая — 7 июня. Другие депеши, которые менее пространны и которые составлены вследствие аудиенции, данной вашим императорским величеством имперскому канцеляру Германии, написаны посольствам в Брюссель, во Флоренцию, в Дрезден и Лондон.

Инструкция генералу Швейницу начинается с установления того факта, что последние события в Париже осветили ярким светом те опасности, которым оказывается подверженным социальный порядок европейских государств.

В Германии констатируется влияние коммунистических рабочих ассоциаций в больших промышленных центрах, и депутат Бебель, поддерживаемый ганноверским королем, открыто объявляет в парламенте о преступных намерениях тех людей, мнение которых он разделяет.

Некоторые симптомы указывают, что и в Австрии, особенно в Вене, агитация среди рабочих завсезывает почву.

В случае если австро-венгерское правительство признает необходимость сопротивления этим губительным стремлениям, князь Бисмарк предписывает генералу Швейницу войти с венским кабинетом в конфиденциальные переговоры, чтобы договориться с путях и средствах действия.

По его мнению первое, что надо было бы сделать, — это приступить к смене сообщениями о развитии и направлении социалистической организации, а также признать следующий принцип: социалистические угрозы против жизни и собственности, подобные тем, которые имели место в Париже, входят в категорию общеуголовных преступлений, а не преступлений политических.

Заканчивая, князь Рейс известил меня, что в ответ на циркуляр г. Жюля Фавра от 6 июня, в котором французский министр указывает европейским правительствам на опасности от «интернационала», князь Бисмарк адресовал в Париж депешу, заявляя, что он разделяет опасения г. Ж. Фавра, что их мнения совпадают и что он готов действовать совместно.

Вестман.

¹ Германский посол в Петербурге.

² Прусский (потом германский) посол в Австро-Венгрии.

Доклад заместителя министра иностранных дел Вестмана министру иностранных дел Горчакову¹.

С.-Петербург, 9 (21) июня 1871 г.

Пользуюсь отъездом г. Штаала, чтобы доставить вашему сиятельству папку литографированных документов. Они почти не представляют интереса, но сказав слишком ценна, для того чтобы ею не воспользоваться.

Среди бумаг ваше сиятельство найдет мой доклад императору о демарше французского поверенного в делах. Судя по замечаниям императора, я не сумел полностью предугадать намерения его величества. Что касается меня, я имел особенно ввиду только не связывать свободу мнений моего правительства. Дело шло о том, чтобы ничего не обещать и ни в чем не отказывать.

Что касается докладной записки министра юстиции, я узнал о ее существовании только из примечаний императора. После этого я узнал от г. Эссена, заместителя графа Палена², что это очень короткая заметка, которая высказывается в пользу выдачи политических преступников и против выдачи простых политических эмигрантов. Это весьма логичная теория, которую очень легко изложить на бумаге, но которую будет бесконечно трудно приложить к людям, которые совершили последние события в Париже. Все-таки я продолжаю надеяться, что мы не принуждены будем заниматься этим вопросом.

Я стремился дать вам, князь, отчет об этом инциденте ввиду вашего ожидающегося прибытия в Фридрихсгафен, где император, возможно, будет вам говорить об этом . . .

.

Примите и пр.

Вестман.

Доклад заместителя министра иностранных дел Вестмана министру иностранных дел Горчакову.

С.-Петербург, 21 июня (4 июля) 1871 г.

Отъезд Фредерикса представляет для меня превосходную оказию, которой я спешу воспользоваться, чтобы доставить вашему сиятельству вторую папку документов. Первая была передана со Штаалем.

Там я присовокуплял копии моих докладов императору о французских военнопленных и о сообщении, сделанном мне князем Рейсом по поводу тех опасностей, которым подвержен социальный порядок европейских государств вследствие устрашающего развития социалистических идей.

Этот последний доклад еще не вернулся из Эмса.

¹ Горчаков в это время отдыхал «ст трудов» на курортах в Германии.

² Министра юстиции.

Граф Шувалов ¹ по приказу императора прислал мне докладную записку министра юстиции о политической выдаче. Это совсем не короткая заметка, как уверял меня заместитель графа Палена, но весьма пространная докладная записка. Она устанавливает различие — вполне рациональное, конечно, — между политическими преступниками, как те, кто проявил себя недавно в Париже, и простыми политическими эмигрантами, эмигрировавшими вследствие своих мнений или попытки произвести перемены в правлении. Первые, принадлежа к категории общих уголовных преступников, могут быть выданы: вторые продолжают пользоваться правом убежища.

Эти принципы должны были бы быть облечены в форму международного акта ².

Привести европейские государства к подписанию международного акта такого рода было бы, мне кажется, иллюзией. Не потому, что какое-нибудь государство посмело бы открыто отвергнуть столь справедливые и столь рациональные принципы, но потому, что было бы почти невозможно наметить демаркационную линию между двумя категориями политических преступников.

Возвращая графу Шувалову докладную записку, я сопроводил ее частным письмом, копию которого позволяю себе приложить здесь. Я адресовал ему это письмо, потому что докладную записку я получил от него и потому что бумаги, переданные мною на рассмотрение императора, мне возвращены от шефа жандармов ³ и потому что, наконец, политическая выдача является вопросом, особо интересующим III Отделение.

.....
.....
Примите и пр.

В е с т м а н.

Русский посланник во Франции Александру II.

Париж 11 (23) июня 1871 г.

Ваше величество!

25 мая — 6 июня г. Жюль Фавр ⁴ разослал французским агентам за границей циркуляр, чтобы призвать внимание Европы к опасным тенденциям «Международного товарищества рабочих» и чтобы побудить правительства к исследованию фактов, относящихся к развитию и средствам действия этого общества.

В одной из моих последних бесед с министром иностранных дел я воспользовался текстом этого циркуляра, чтобы заметить, что французское правительство, которому в результате последних событий в Париже удалось задержать множество приверженцев этого общества, скажется, быть может, в состоянии, произведя тщательное исследование, собрать

¹ Шеф жандармов, начальник «III отделения собственной его величества канцелярии».

² В скобках по-русски: «Международное соглашение».

³ «От шефа жандармов» написано по-русски.

⁴ Версальский министр иностранных дел.

полезные сведения, которые помогут и всем другим правительствам осветить деятельность Интернационала ¹. Что до меня, то я с истинным рвением получал бы официальную информацию, которой министр счел бы возможным меня снабжать.

Г-н Жюль Фавр мне ответил, что военно-полевые суды, призванные судить парижских мятежников, продолжают вести следствие. Как только это расследование будет закончено правительство объединит в одном отчете относящиеся к Интернационалу факты, открытые в течение следствия, и наверно не преминет сообщить этот документ иностранным правительствам. Все же уже можно сказать, что членов Интернационала среди повстанцев, арестованных в Париже, оказалось меньше, чем обычно думают.

Министр прибавил, что иностранные кабинеты оказали наилучший прием его циркуляру, упомянутому выше. В частности князь Бисмарк полностью одобрил его содержание и заявил, что со своей стороны он вполне готов содействовать расследованиям, которые предлагаются французским правительством. Он передал эти уверения через графа Вальдерзее, германского поверенного в делах.

Г-н Жюль Фавр поведал мне по этому случаю свое намерение составить новый циркуляр, целью которого является создать соглашение между державами для подавления международного общества. Он предложит правительствам взять на себя обязательство не допускать на своей территории собраний этой ассоциации, преследовать ее приверженцев и препятствовать опубликованию ее программ. Особенно министр имеет в виду, как он мне сказал, Англию, Швейцарию, Бельгию и Испанию, где комитеты Интернационала свободно функционировали до сих пор.

Остаюсь с глубочайшим уважением вашего государь, императорского величества нижайшим, покорнейшим и вернейшим подданным.

О к у н е в.

Русский посол в Австро-Венгрии министру иностранных дел.

Вена, 22 мая (3 июня) 1871 г.

Милостивый государь!

Циркуляр, адресованный французским правительством соседним государствам, чтобы вынудить изъятие из права убежища по отношению к бунтовщикам Парижа, дал повод к обмену объяснениями между австро-венгерским канцлером и новым послом Франции при венском дворе.

На запрос графа Бейста ² маркизу Боннвилью, получил ли он из Версаля аналогичное сообщение для австрийского правительства, маркиз Боннвиль ответил, что он не имеет еще означенного циркуляра, но только телеграмму, резюмирующую его содержание. Согласно этой телеграмме версальский кабинет

¹ На полях примечание Александра II: К «онечно».

² Председатель совета министров Австро-Венгрии.

рассматривает всех беглецов Коммуны как преступников, нарушивших общеуголовное право и следовательно не принадлежащих к категории политических эмигрантов. Не делая из этого спешного вопроса и надеясь, что это выступление останется чисто теоретическим, ввиду того что территории не соприкасаются, посол счел себя таким образом уполномоченным запросить австро-венгерский кабинет о том, чтобы в случае появления парижских бунтовщиков на границе подвергнуть их временно-му арестованию в ожидании уточнения тех обвинений, которые против них возбуждены и которые позволят французскому правительству потребовать их выдачи.

Граф Бейст ответил, что все правительства могут только быть солидарны в защите принципов социального порядка¹ и что в этом случае правительство г. Тьера защищает порядок и предлагает меру, полное применение которой в Австро-Венгрии имело бы тем большую выгоду, что освободило бы эту страну от беспокойных пришельцев; но он должен прежде всего согласовать свой ответ с существующими законами и следовательно поставить этот вопрос на обсуждение президентов цислейтанского и венгерского советов.

Примите и пр.

Н о в и к о в.

Русский посол в Австро-Венгрии Александру II.

Вена, 1 (13) июня 1871 г.

Ваше величество!

Рабочие в Австрии, державшиеся после прошлогоднего процесса против их вожаков — Обервиндера и прочих, — если исключить несколько стачек, достаточно спокойно начинают снова подавать признаки жизни.

Так, в Граце правительство принуждено было распустить рабочую ассоциацию под фирмой «Vorwärts», потому что социалистические тенденции этой ассоциации закончились тем, что стали захватывать и политическую область. Ассоциация на одном из своих последних собраний приняла предложение включить в свой устав упражнения в тире, «чтобы научиться метко стрелять», а в телеграмме, адресованной другой ассоциации рабочих в Каринтии, приглашала их «объединяться под красным знаменем».

Раздраженные закрытием помещения своих собраний рабочие бросились в шумные демонстрации. Два следующих дня они ходили по улицам в количестве нескольких сотен, распевая марсельезу и выкрикивая угрозы и ругательства по адресу властей. Муниципальная полиция оказалась неспособной их образумить, и потребовалось никак ни меньше как вмешательство кавалерийского эскадрона, чтобы произвести аресты и восстановить спокойствие.

Также имели место волнения в плохо прокормливаемых окрестностях и предместиях

¹ Половина фразы подчеркнута Александром II и на полях его пометка: «Конечно».

Вены. Тамошние рабочие собрались в самой Вене, чтобы объявить — одни, что они не одобряют действий Парижской Коммуны, но находят их извинительными, другие, — что Коммуна проявила еще слишком много умеренности по отношению к сторонникам версальского правительства, и наконец третьи, — чтобы составить адрес, требующий расширения их политических прав и некоторых социальных предосторожностей, заимствованных в злокозненных тесриях Лассалля.

Трудно закрывать глаза на связь, существующую между этими симптомами и событиями в Париже. Если они не входят в заранее намеченный общий план действий, они тем не менее носят печать сродства, которая ставит их вместе под общее знамя пресловутого Интернационала.

В компетентных кругах Вены, правда, рассматривают социалистические демонстрации, проявившиеся в Австрии, как блуждающие огоньки, в данный момент довольно безобидные. Обращают внимание, что рабочие не вооружены; что отделения коммунистических организаций в конце концов существуют только в больших мануфактурных центрах и по странной случайности только среди нескольких профессий, как среди портных, ткачей и оружейников, в то время как другие корпорации, например кузнечная, совершенно от них свободны; наконец, что в сельском населении влияние духовенства накладывает спасительную узду на эти выступления.

Однако если рассудить, что Интернационал насчитывает уже от двух с половиною до трех миллионов членов в Европе; что депутат Бель имел смелость провозглашать с трибуны немецкого рейхстага свою ужасную поговорку: «Война дворянам, мир хижинам»; что пролетариат, не довольствуясь обладанием, стремится еще к управлению; если принять в расчет особенно те огромные шаги, которые он сделал после 1848 г. по пути атеизма и в отрицании всякой морали, вытекающей из божественного права, — станет понятно, насколько заинтересованы все правительства в объединении своих усилий, чтобы воспрепятствовать росту значения социального вопроса¹.

Примите и пр.

Е в г е н и й Н о в и к о в.

Заместитель русского посла в Австро-Венгрии Александру II.

Вена, 16 (23) июня 1871 г.

Ваше величество!

Граф Бейст любезно подтвердил мне, что венский и будапештский кабинеты согласились на удовлетворение желания, сформулированного в циркуляре г. Жюля Фавра о беглецах Парижской Коммуны. Мерой, относительно которой пришли к соглашению, будет немедленный арест всякого обвиняемого, указанного нотой французского посольства в Вене, предварительное заключение, которое конечно не должно превосходить срока, положенного ав-

¹ На полях пометка рукой Александра II: «Конечно».

стрийским и венгерским кодексами, что даст таким образом время республиканскому правительству сопроводить свое извещение быстрым сообщением материалов судебного следствия. Получивши эти материалы, обычные суды произведут следствие и выскажутся, должна ли иметь место выдача или освобождение обвиняемого.

Примите и пр.

Н. Васильчиков.

Заместитель русского посла в Австро-Венгрии заместителю министра иностранных дел.

Вена, 18(30) августа 1871 г.

Господин сенатор!

Больше месяца назад лорд Блумфильд¹ сообщил мне, что он передал графу Бейсту обширный мемуар лорда Гренвиля² об Интернационале с приглашением сообщить о соображениях австро-венгерского правительства по рабочему вопросу.

Вскоре после этого представитель Германии произвел аналогичное выступление перед австро-венгерским канцлером; но генерал Швейниц поведал мне, что он нашел графа Бейста довольно индифферентным и бездеятельным по отношению к этому предмету.

Когда мне представился редкий случай встретиться с председателем цислейтанского совета министров графом Гогенвартом он мне сказал: «Я считаю возможным утверждать что Интернационал еще не пустил у нас корней; впрочем я наблюдаю за его вожаками».

Барон Альденбург, вернувшийся из отпуска, чтобы заместить барона Орши, сказал мне вчера, что князь Бисмарк в разговоре с графом Бейстом вернулся к важному предмету разрушительной ассоциации и что в результате этой беседы комитет, составленный в Вене из представителей всех компетентных министерств, получил распоряжение ускорить свои работы. Результаты этих работ будут немедленно переданы к сведению всех европейских держав, равно заинтересованных в том, чтобы остановить развитие современного социального бедствия.

Примите и пр.

Н. Васильчиков.

Русский посол в Австро-Венгрии заместителю министра иностранных дел.

Вена, 2(14) сентября 1871 г.

Милостивый государь!

Как уже имел честь сообщать вашему превосходительству г. Васильчиков в своем докладе 18—30 августа под № 107, князь Бисмарк пригласил графа Бейста ускорить работы венского комитета по изучению рабочего вопроса в Европе.

В результате австро-венгерский канцлер передал в Зальцбург докладную записку об «Интернационале», составленную в канцеляриях цислейтанского совета министров. Соглас-

но тому, что он мне сам рассказал, эта докладная записка трактует вопрос с двух точек зрения: репрессивной и презентивной. Она рекомендует, с одной стороны, пересмотр и усиление уголовных законов, содержащихся в разных законодательствах Европы против правонарушителей, с другой стороны, одновременное изучение рабочего вопроса, так же как и изыскание международных средств, которые можно было бы противопоставить развитию социализма. В числе этих мер докладная записка приводит своевременность организации ассоциаций капиталистов и промышленников, предназначенных уравновесить крупную революционную ассоциацию. Вся работа проникнута одной основной идеей, что интересом частных лиц является оказать активное содействие правительству в этом важном вопросе, а не полагаться исключительно на недостаточные ресурсы властей.

Австрийский мемуар встретил, как говорят одобрение князя Бисмарка, но его выводы признаны недостаточно практичными, чтобы теперь же быть переданными на обсуждение иностранных правительств. Таким образом будет установлена смешанная комиссия, чтобы дополнить полученные результаты.

Примите и пр.

Новиков.

Русский посол в Англии Александру II.

Дармштадт, 8(20) июля 1871 г.

Его величеству императору.

Накануне моего отъезда из Лондона я просил лорда Гренвиля доставить мне возможность сдать отчет императору о том суждении, которое правительство его британского величества имеет относительно вопроса общего интереса, касающегося не только одной Англии, но всех вообще регулярно организованных государств. Этот вопрос, по моему мнению, господствует над положением всей Европы. Он состоит в том, чтобы серьезно исследовать, что должны делать и могут делать желающие поддержать порядок и мир, чтобы предупредить цивилизованный мир от опасности пропаганды социалистических и коммунистических доктрин, составляющих поистине несчастье и позор нашей эпохи.

Я сказал, что, запрашивая по этому поводу без прямых инструкций моего кабинета, я нисколько не собираюсь начинать преждевременное обсуждение, но что мне очень хочется получить возможность точно передать императору мнение британского правительства по вопросу общего интереса, который отныне будет влиять на общий покой всех стран.

Главный государственный секретарь, оценив дружеские намерения, продиктовавшие мои слова, ответил мне, что он без всяких колебаний сам приглашает меня непосредственно передать императору изложение тех фактов, о которых я имею честь дать вашему величеству отчет.

Положение Англии затруднительно. Оно требует оглядок, необходимость которых долж-

¹ Английский посол в Вене.

² Английский министр иностранных дел.

на чувствовать всякая отрасль управления. Прежде всего необходимо, чтобы какое бы то ни было правительство сумело замкнуться в строгие рамки легальности. Никакое министерство не может осуществлять актов власти вне процедур, предписанных законом. Более того: всякая администрация должна считаться с общественным мнением и, признаваясь, с пред-рассудками страны. Одной из наиболее вкоренившихся в национальное сознание Англии идей является идея о ненарушимости правоубежища, которой пользуется иностранец, как только он вступил на английскую почву.

Однако закон предвидит случаи, когда преступление, совершенное за пределами этой страны, дает полномочия на выдачу преступника. Эти случаи предусмотрены договорами между некоторыми государствами. Англия связана с Францией взаимными обязательствами.

Правительство его величества короля британского будет готово выполнить те обязательства, которые следуют из договоров.

Лондонский кабинет уже выразился в этом духе в ответ на представления нынешнего французского управления.

При нынешних обстоятельствах всякий английский магистрат будет идти так далеко, как это окажется возможным по закону, чтобы обеспечить выдачу какого-нибудь индивида, виновного в соучастии в преступных актах, театром которых к несчастью сделалась Франция. Убийцы и поджигатели тщетно будут требовать по отношению к себе безопасного правоубежища.

С этой точки зрения ужасные сцены, которые недавно залили кровью парижские улицы, произвели в Англии спасительное впечатление, потому что здравый смысл, существующий еще среди широких масс этой страны, подсказывает англичанину, что не следует оставлять безнаказанными преступления, подвергающие опасности человеческую жизнь или неприкосновенную собственность.

Таким образом страдания Франции стали страшным поучением для Англии.

Этот факт был только что констатирован в одной замечательной работе, которую министр внутренних дел представил кабинету в эти дни.

По просьбе главы администрации distinguished министр Брас (Brace) предпринял специальное исследование, как сильно коммунистические доктрины континента сумели повлиять на рабочий класс столицы и промышленных районов Англии.

Результат этого исследования представляется утешительным.

Вне всякого сомнения между английскими рабочими существуют соглашения для поддержания стачек, направленных к увеличению заработной платы и к уменьшению рабочего дня. Но до сих пор союзы, заключаемые между рабочими, преследуют только материальный интерес. В этом движении нет ничего политического. Французские агитаторы не произвели никакого действия на широкие массы этой страны. До сегодняшнего дня Англия испытывает внутренне присущее

ей отвращение к иностранцам (это и составляет ее охрану). Особенно французы не нравятся англичанам.

Агитаторы, являющиеся из Германии, должны заслужить наибольшее внимание со стороны полиции.

Таковы оценки исследования министра внутренних дел, сообщенные мне лордом Гренвилем только что в своих основных чертах.

Тут я не премину передать главному государственному секретарю одно соображение, которым я был ему обязан в обмен на его доверительное сообщение.

Я сказал ему без обиняков, что английскому кабинету грозят большие неприятности, если он будет слишком спокоен за свое положение и если сознание собственной безопасности сделает его безучастным к тем беспокойствам, которые испытывают континентальные государства.

«Вы недостаточно знаете, — сказал я лорду Гренвиллю, — какое зло причиняет вам ваше безразличие, за которое нас повсюду упрекают, к вопросам, касающимся общего спокойствия и социального порядка в Европе!»

Лорд Гренвиль высказал мне свою признательность за ту искренность, с которой я поделился с ним этой мыслью.

Он понял ее истинность! Лично ему не нравится та моральная изоляция, в которую все более и более попадает Англия по своей собственной вине. Он хотел бы искупить этот упрек — по крайней мере до некоторой степени — посредством любезности форм.

«Не думайте, — сказал он мне, — что намерением правительства его величества короля Британии является отклонять всякие дружеские сообщения об опасностях, которые могут последовать из пропаганды социалистических доктрин. Напротив, вы всегда меня найдете расположенным к обмену с вами наших идей и наших информации по такому поведению, который может представить для обоих наших кабинетов взаимные интересы. Так я действовал и по отношению к послу Германии. Такого же поведения я буду держаться и с герцогом Брешь. Единственно, чего я не могу сделать, это обещания сделать больше, чем то, что я смогу выполнить.

Бруннов.

Русский посол в Англии Александру II.

Дармштадт, 8(20) июля 1871 г.

Его императорскому величеству.

Герцог Брешь¹ по возвращении на свой пост выразил желание побеседовать со мною о положении вещей во Франции и об информации, которая могла бы представить некоторый интерес для его императорского величества.

Прежде всего этот посол выразил мне в изысканных выражениях то чувство признательности, которое испытывает глава нынешней исполнительной власти вследствие того интереса, который проявляют к нему в С.-Петербурге.

¹ Французский посол в Англии.

Г-н Тьер живо чувствует цену моральной поддержки, следующей из того одобрения, которое имперский кабинет оказывал его личным усилиям, направленным к восстановлению порядка в труднейших и тяжелейших обстоятельствах. Он будет продолжать выполнение этой задачи так же энергично и мужественно.

Его поведение было благожелательно встречено в Петербурге, в то время как его часто плохо ценили в Англии. Этот контраст целиком идет на пользу России. Г-н Тьер признает и запомнит это.

.....
Б р у н н о в.

Частное письмо русского посла в Германии д'Убри министру иностранных дел Горчакову. Конфиденциально.

Берлин, 29 июня (10 июля) 1871 г.

Дорогой друг!

.....
Граф Шувалов говорил мне здесь во время своего проезда с императором о докладной записке, выработанной министром юстиции. Он беседовал об этом с князем Бисмарком и остался доволен тем приемом, который был сделан этой работе.

.....
Галау сказал мне: «Я думаю, что для того, чтобы достигнуть практических результатов, не следует требовать слишком многого. Например было бы трудно, если не невозможно, определить, что подразумевают под политическим преступлением. Предпочтительнее было бы объявить, что преступления, аналогичные тем, которые совершались Парижской Коммуной, не могут быть рассматриваемы как преступления политические. Таким образом негативно достигнут этого определения и желательной цели.

.....
Примите и пр.

П. д'Убри.

Русский представитель в Саксонии заместителю министра иностранных дел.

Дрезден, 13(25) октября 1871 г.

8 приложений.

Господин сенатор!

В одном из моих предшествующих докладов я имел честь указать на серьезное внимание, которое немецкие правительства начали оказывать проискам Международного товарищества рабочих, а также на некоторую тенденцию специально саксонского правительства противопоставить этой ассоциации меры строгости. Мне представлялось, что пораженная неожиданной позицией властей ассоциация сделалась менее смелой в своих публичных проявлениях и что в поведении социалистического конгресса, имевшего место в Дрездене в середине августа, можно было заметить нечто вроде колебаний.

С тех пор прошло два с половиною месяца. Я больше не слышу, чтобы говорили о прави-

тельстванных мерах, которые следует принять, а между тем происки снова восприняли свой характер вызывающей наглости и продолжают почти открыто. Общая стачка рабочих угольных шахт, намеченная сначала на октябрь, должна начаться 27 ноября, если меня хорошо информировали. Руководящие комитеты Саксонии и Богемии пришли как будто бы к согласию и усердно работают для осуществления этой адской комбинации, которая, лишив фабрики угля, выбросит на панель все рабочее население. Единодушие может еще нарушиться, и неудача спасет правительство от весьма серьезных затруднений. Но факт многочисленной пересылки оружия, получаемого как в Саксонии, так и в Богемии, не может быть отрицаем. Саксонский шеф жандармов с большой озабоченностью говорил мне о большом числе вооруженных путешественников, которых якобы видели органы публичного наблюдения в стране в продолжение некоторого времени.

Если я позволяю себе так часто передавать императорскому министерству об этих опасных происках, так это всегда с задней мыслью привлечь внимание нашего правительства к положению наших русских рабочих. Я не могу похвастаться, что мне знакомо их положение, которое быть может не оставляет желать лучшего. Но поскольку я не получу приказа не обрабатывать больше этот предмет, я буду продолжать собирать мало-помалу средства улучшения, которые мне представляются применимыми у нас. В последний раз я указывал на постройку домов, которые должны стать собственностью рабочих, посредством удержания из их заработной платы; сейчас я беру на себя смелость передать вашему превосходительству коллекцию уставов сберегательных касс. Все эти кассы принадлежат работникам в каменноугольных шахтах, но их уставы легко могут быть приспособлены и ко всякого рода фабрикам.

Примите и пр.

К о ц е б у.

Русский представитель в Бельгии заместителю министра иностранных дел.

Брюссель, 15(27) сентября 1871 г.

Господин сенатор!

.....
Влияния его величества могут особенно проявиться в сношениях с иностранными дворами. Ваше превосходительство несомненно уже заметило в недавнее время симптом подобного влияния, хотя и неточно, в слухах, относящихся к тем сообщениям, которые Бельгия будто бы сделала в Лондоне. Дело идет о целой сети революций, которые проектируются в Англии, совершаются здесь, разглашаются там. В этот момент бельгийский король был с визитом на острове Уайте. Можно отвлечься ото всего, что в подобном совпадении может быть случайного, а также от всех преувеличений, которые должны примешиваться к подслухам,

особенно когда они относятся к Интернационалу. И однако здесь можно увидеть тенденции общественного мнения: друзья порядка рассчитывают на возможную помощь именно Бельгии; они проявляют доверие к тем заботам, которые Бельгия прилагает для получения информации, и к ее интимным сношениям с Великобританией. Тревоги и происшествия 1870—1871 гг. укрепили эти связи, и даже поражение парижской революции послужило к более тесной связи посредством новой общности интересов. Изгнанный из Франции Интернационал перенес свои центры в Швейцарию, в Англию и Бельгию, т. е. в наиболее богатые и наиболее свободные страны, как дурная трава стремится на лучшие земли в наибольшем изобилии. Естественно, что болезнь распространяется и там. Но чтобы предохранить себя от этой скрытой опасности, Бельгия обладает всем необходимым.

При активном наблюдении Бельгия со своим обилием капиталов, которые позволяют входить в соглашения с трудом, избегать конфликтов и удовлетворять обоснованные притязания, не боясь за себя и не имея дурных намерений против других, — Бельгия долго еще сможет сопротивляться заговорам Интернационала. Дамоклов меч находится скорее в деснице наследника Бенедетти.

Примите и пр.

Мейендорф.

Русский представитель в Швейцарии заместителю министра иностранных дел.

Берн, 18(30) мая 1871 г.

Господин сенатор!

Принятое бельгийским правительством решение не рассматривать парижских повстанцев, которые явятся искать убежища в Бельгии, как простых политических эмигрантов и выдавать их Франции как обычных преступников было сообщено бельгийским поверенным в делах Федеральному совету, с предложением присоединиться к этой мере, совершенно оправдываемой отвратительными эксцессами, совершенными в Париже при режиме Коммуны.

Несмотря на глубокое негодование, которое эти дикарские акты внушают Федеральному совету, он к сожалению не считал себя вправе принять в Швейцарии аналогичные меры¹. Он ограничивается сохранением за собой права исследовать в каждом специальном случае, должен ли данный индивид быть рассматриваем как общеуголовный преступник или нет, в соответствии с этим совет и будет действовать, строго следуя правилам о выдаче, предусмотренным конвенцией между Францией и Швейцарией.

Примите и пр.

Гирс.

Гирс — Вестману.

Берн, 30 мая (11 июня) 1871 г.

Господин сенатор!

Федеральное правительство до сих пор не имело случая применить на практике те меры,

¹ Пометка Александра II: «Этого и надо было ожидать».

которые оно решило принять против членов и сторонников Парижской Коммуны, которые явились бы искать убежища на швейцарской территории. При известии, что Феликс Пиа и Груссе находятся в Женеве, правительство поспешило потребовать у Федерального совета выдачи этих индивидов, и приказ арестовать их немедленно был дан местным властям, но скоро узнали, что ни один, ни другой из этих революционеров не находятся в Швейцарии.

Согласно тому, что мне сказал президент конфедерации, французский министр иностранных дел сгм признал ошибочность первой информации, объяснив это наличием в Женеве матери и жены Феликса Пиа. Он затем предпринял демарши, чтобы добиться по крайней мере выдачи этих двух дам. Но Федеральный совет считал невозможным согласиться на это требование и ограничился тем, что поставил их под надзор полиции.

Я считаю долгом передать эти детали императорскому министерству, чтобы предупредить его против ложных сведений, распространяемых газетами, о трудностях, которые встречает здесь вопрос о выдаче.

Как я уже имел честь говорить в моем предшествовавшем докладе, швейцарское правительство твердо решило строго применять в нынешних обстоятельствах все условия договора о выдаче с Францией. Сверх того, оно решило отказывать в убежище всякому лицу, скомпрометированному в парижских событиях. Эта позиция, одобряемая здесь большинством, с полным основанием вызывает неудовольствие приверженцев Интернационала, которые находятся к сожалению в довольно большом количестве в Швейцарии и не стыдятся открыто прославлять жесткости, совершенные их собратиями во французской столице.

Примите и пр.

Гирс.

Заместитель русского посланника в Швейцарии заместителю министра иностранных дел.

Берн, 30 июля (11 августа) 1871 г.

Господин сенатор!

Своим докладом от 18—30 мая за № 18 г. Гирс имел честь информировать ваше превосходительство, что федеральное правительство, принужденное высказаться по поводу своей линии поведения в случаях, если члены Парижской Коммуны, укrywшиеся в Швейцарии, будут потребованы французским правительством, оставило за собой право исследовать в каждом специальном случае, должен ли данный индивид быть рассматриваем как общеуголовный преступник или нет.

Сейчас представился случай, предусмотренный этой декларацией.

Маркиз Шаторенар, представитель Франции в Берне, адресовал по распоряжению своего правительства Федеральному совету требование о выдаче множества членов и приверженцев Парижской Коммуны, укrywшихся в Женеве. Он предъявил в подтверждение своей просьбы,

согласно условиям договора о выдаче, заключенного в 1869 г. между Францией и Швейцарией, законно изданные приказы об аресте соответствующими инстанциями. Федеральный совет немедленно распорядился арестовать обвиняемых, но схватить удалось только некоего Рауа (Raua), бывшего зуава и журналиста, котрый, будучи всегда только простым солдатом, был произведен Коммуной в чин подполковника и назначен командовать военной школой. Этот индивид обвиняется в активнейшем участии в жестокостях Коммуны; утверждают даже, что он публично хвастался в Женеве тем, что он поджигал парижский ломбард. Однако его язык совершенно изменился после ареста. Он уверяет, что никогда не участвовал в Коммуне и ограничивался выполнением свсих функций как начальник военной школы.

Федеральный совет, следуя той линии поведения, котрую он себе заранее наметил, и пользуясь правами, которые сбеспечены ему договором о выдаче, попросил у французского правительства объяснений о природе правонарушений или преступлений, вменяемых этому Рауа.

В данный момент дело находится на этой стадии, но радикальная швейцарская пресса, нимало не озабоченная теми объяснениями, котрые должны быть здесь получены через некоторое время, требует немедленного освобождения заключенного и утверждает, что его выдача была бы нарушением права убежища. Федеральному совету адресуются петиции в том же духе.

Можно опасаться, как бы шум, поднятый прессой, и возбуждение, царящее среди рабочего населения Женевы, обрабатываемого Интернационалом, не повлияли на решение правительства. В хорошо осведомленных кругах полагают, что выдача будет решена только в случае представления французским правительством документов за подписью самого Рауа, констатирующих неопровержимым образом его участие в преступлениях Коммуны. Ну, а подобные доказательства едва ли могут быть представлены, поскольку Рауа, как утверждают, сбавотился уничтожить все документы, котрые устанавливали бы его виновность. С другой стороны, почти невозможно верить в его невиновность, и даже те, кто вступается за него, не стараются его оправдывать, но только представляют его акты как действия чисто политические, не имеющие отношения к уголовному праву.

Ввиду того значения, которое радикалы этой страны придают разрешению этого дела, отказ в выдаче со стороны федерального правительства был бы явлением очень печальным, потому что это послужило бы к ободрению тех людей без рода и племени, деклассированных элементов со всего света, котрые находятся в Швейцарии и особенно в Женеве, занимаются революционной пропагандой и открыто провозглашают свое одобрение преступлениям Парижской Коммуны.

Я почту своим долгом довести до сведения вашего превосходительства о решении, которое примет Федеральный совет относительно выдачи Рауа.

Примите и пр.

А. Давыдов.

Заместитель русского посланника в Швейцарии заместителю министра иностранных дел.

24 августа (5 сентября) 1871 г.

Господин сенатор!

Свсим докладом от 30 июля — 11 августа под № 29 я имел честь довести до сведения вашего превосходительства, что по требованию французского правительства некий Рауа, назначенный Парижской Коммуной на пост начальника военной школы, был арестован в Женеве, и Федеральный совет запросил объяснений о природе тех преступлений, в котрых его сбвиняют.

После того требуемые объяснения были представлены, но поскольку их нашли находящимися в противоречии с ордером на арест, на котрый опирается требование в выдаче, они были признаны недостаточными. Г-н Шенк заявил тогда французскому представителю, что, если до 29 августа не представят сведений, устанавливающих виновность Рауа, совпадающую с полсжениями приказа об аресте, он будет освобожден ввиду невозможности продолжать до бесконечности его заключение.

То ли потому, что французское правительство не может представить затребованных объяснений, то ли потому, что оно побоялось получить отказ в выдаче заключенного, если даже его виновность будет удостоверена, требование о выдаче было взято назад г. Шаторенаром от имени его правительства накануне дня, установленного для освобождения Рауа.

Можно очень пожалеть, что это дело получило такую развязку, потому что радикальная швейцарская пресса уже хвастается, что она принудила федеральное правительство освободить Рауа, и торжественно объявляет, что она не потерпит нарушения права убежища в Швейцарии. Объяснение, котрым г. Шаторенар снабдил взятие назад требования о выдаче, подвергнуто осмеянию во всей прессе, котрая обращает внимание, что французское правительство отказалось от своих претензий только тогда, когда ему больше ничего не оставалось делать.

Недавнее выступление французского представителя перед Федеральным советом, принятое, чтобы добиться ареста Феликса Пиа в Базеле, где по сведениям агента французской полиции он якобы в последнее время укрывался, имело не больше успеха. Вице-президент Вельти, с котрым я имел случай беседовать по этому повсду, утверждал, что Пиа никогда не был в Базеле и что сведения, имеющиеся во французском представительстве, совершенно не соответствуют действительности. Между тем г. Шаторенар был информирован, что Феликс Пиа позавчера покинул Базель в ком-

пани с Рауа и что они рассчитывают отправиться в Антверпен, чтобы оттуда добраться до Англии и затем до Америки. Бельгийское правительство было извещено об этом по телеграфу, и если сведения агентов французской полиции верны, мы повидимому вскоре узнаем об аресте неуловимого Феликса Пиа.

Примите и пр.

А. Давыдов.

Русский посланник в Швейцарии заместителю министра иностранных дел.

Берн, 22 октября (3 ноября) 1871г.

Господин сенатор!

Г-н Давыдов имел честь информировать императорское министерство своим докладом от 24 августа—5 сентября за № 34 о результатах розысков, произведенных здесь французским представительством для обнаружения Феликса Пиа, относительно которого были предположения, что он находится в Швейцарии. Г-н Шатренар, будучи вполне уверенным, что этот революционер, сопровождаемый Рауа, покинул Базель, чтобы отправиться в Антверпен, известил о том бельгийские власти, и с тех пор больше почти не сомневались в скором предстоящем аресте этих двух беглецов.

Однако все поиски были бесплодны, и сейчас больше чем когда бы то ни было находятся в неуверенности о месте пребывания Пиа. Французское представительство уверено, что причиной этого неуспеха является покровительство, которое оказали якобы Феликсу Пиа немецкие власти при его отъезде из Базеля. Но эта ссылка, которую я привожу только потому, что французы выражают в ней совершенно полную уверенность, представляется мне столь же некроятной, как и утверждение, будто Пиа нашел убежище у базельских франкмасонов. Как выразился один из членов Федерального совета, с таким же основанием можно было бы говорить, что он спрятался у бернских патрициев.

Как бы там ни было, нельзя отрицать, что швейцарские власти, совершенно спокойные за поддержание порядка в своей стране, мало беспокоятся из за присутствия иностранных революционеров и проявляют часто по отношению к ним чрезмерную терпимость. Так, в последнее время они разрешили Интернационалу организовать в Женеве большую публичную манифестацию для празднования годовщины этой ассоциации. На манифестацию были созваны из всех стран рабочие, которые импатизируют ее принципам. Процессия, насчитывавшая тысячу человек, прошла по главным улицам го-

рода с музыкой во главе и со своими знаменами. Зажигательные речи публично произносились против высших классов общества, капиталистов и духовенства. Однако швейцарская пресса, вместо того чтобы осудить подобную терпимость, опасность которой по крайней мере для соседних стран невозможно отрицать, и даже та часть прессы, которая является органом правительства, удовлетворилась констатированием с некоторым удовлетворением, что совершенный порядок не переставал господствовать во время демонстрации и что лица, принявшие в ней участие, являются по большей части иностранцами, а не швейцарцами.

Примите и пр.

Гирс.

Посол в Испании Кудрявский заместителю министра иностранных дел.

Частное письмо.

Париж, 9 (21) сентября 1871 г.

Дорогой Владимир Ильич!

Я воспользовался недолгим пребыванием в Париже, чтобы побеседовать о делах Испании с испанским послом Олозага, который председательствовал в законодательном собрании Магрида со времени вступления на престол короля до последних перемен министерства в июле.

«Единственно, что может озабочивать в отношении спокойствия Испании, — сказал он мне, — это непрекращающаяся работа Интернационала. Нужно было бы, чтобы все правительства объединились против его махинаций. Единственное среди них, которое не хочет вступить в общее соглашение о репрессии, это—правительство Англии. Г-н Гладстон в интересах своей популярности слишком заинтересован в поддержке рабочих организаций, чтобы преследовать разрушительные планы их главарей». Г-н Олозага думает, что это сознательное воздержание британского правительства не должно служить препятствием для всех остальных правительств к согласованию своих оборонительных мер, которые необходимо принять против этой зловредной лиги, стремящейся нарушать спокойствие всех стран. Судя по тому, что сказал мне об этом посол Испании, его страна горячо желает вступить в соглашение по этому поводу с остальной Европой.

Примите и пр.

Кудрявский.

МЕХАНИКА ОБМАНА

Последние английские выборы превосходно вскрыли подлинную сущность буржуазной «демократии». Мы хотели бы показать нашим читателям механику обмана, при помощи которого прикрывается подлинная диктатура буржуазии.

Обработка избирателя — сложное дело. Во времена «старой доброй Англии» кандидат должен был лично знакомиться с избирателями, чаще всего он совершал это, устраивая обходы их квартир. Кандидат обычно завершал это путешествие в своей герцогской карете, привлекая наивного избирателя пышным зрелищем и лстя ему своим «высоким посещением».

Теперь возросшее число голосующих изменило формы обработки избирателей. Теперь кандидат применяет другой способ — «канвассирование», т. е. набор приверженцев: он рассылает всем избирателям своего округа циркуляр или манифест, в котором излагает свои политические взгляды, свою программу и политику противной партии. Не касаясь здесь вопроса самой системы выборов, являющейся политическим обманом, мы останавливаемся лишь на трюках и махинациях самой избирательной механики Англии.

Партийный аппарат приходит на помощь своему кандидату. Он мобилизует своих членов (партийных профессионалов и волонтеров) на ответственную работу по канвассированию. Мобилизованные обходят дома избирателей. В каждом доме они стараются склонить на свою сторону хозяина или за его отсутствием хозяйку. Здесь кандидат или партийный агент находятся с глазу на глаз со своим избирателем и потому может пустить в ход все средства, не запрещенные строго законом, а иногда и запрещенные, если он может обойти его безопасно. Он ласкает и целует детей простодушной хозяйки-работницы, говорит ей комплименты, заводит беседу о ее нуждах, дает советы, сулит благополучие и пр., стараясь всячески расположить в свою пользу.

Загляните во время избирательной кампании в бульварную газетку «твердолобых» «Дейли мейль». На ее страницах вы найдете всегда многочисленные картинки, живописующие акт канвассирования. Вот (во время избирательной кампании 1929 г.) сам вубр английской реакции Джойнсон Хикс, или, как кличут его рабочие Лондона, «Неистовый Джикс», играет с детишками торговки толстой

Остин Чемберлен собирает голоса среди прачек)

Эни с рынка «Нижней юбки» (название одного из лондонских рынков).

А в нынешнюю избирательную кампанию Остин Чемберлен проводил канвассирование в одной из центральных прачечных Лондона. В том же «Дейли мейль» была помещена иллюстрация, на которой бывший министр ин. дел Англии, засучив рукава и отложив свой цилиндр в сторону, помогает прачкам стирать белье, одновременно агитируя их голосовать за его кандидатуру.

У консерваторов труд канвассирования берут на себя, главным образом, «почтенные» лэди — жены и дочери кандидатов. Они агитируют не за страх, а за совесть в пользу своих мужей и папаш. Несофициальный женотдел консервативной партии — клуб под названием «Лига подснежника» — работает в поте лица во время избирательной кампании. Члены этого клуба — добродетельные патронессы, герцогини, княгини и виконтессы — торопятся устраивать уличные митинги, «народные» концерты, даровые спектакли и чаепития в бедных кварталах городов.

В стране, где мелкая буржуазия играет еще большую роль, эти средства «обработки общественного мнения» имеют определенный эффект. Обыватель, мелкий чинуша, английский Акакий Акакиевич, продащица модного магазина и, наконец, еще часто несознательный рабочий являются в первую очередь объектом этого сбмана. Им льстит появление в их скромном жилище высокопоставленного джентльмена в цилиндре, пожатие руки, беседа с ним. Они иногда могут быть введены в заблуждение и отдать свой голос в пользу буржуазного кандидата, который предаст их тут же, перешагнув через порог дома.

Но растлевающее влияние канвассирования идет глубже и дальше. Этот ловко придуманный избирательный трюк английских политиков дает возможность титулованным ловкачам эксплуатировать не только тщеславие и предрассудки избирателя, но и его нужду и недостаточную классовую сознательность.

Недавно закончившиеся парламентские выборы в Англии принесли огромную победу консерваторам и значительное поражение лейбористам. Консерваторы получили на 3,2 млн. голосов больше, нежели на предыдущих выборах (1929 г.). Либералы потеряли 3 млн. голосов, а лейбористы — 1,9 млн. голосов. На числе парламентских мест лейбористов сказались между прочим, уродливости избирательной системы, существующей поныне в Англии. Эта система не признает пропорционального представительства. Следствием этого и получилось такое положение, при котором каждый консервативный кандидат проходит в парламент от 25 тыс. голосов, либеральный кандидат — от 30 тыс. голосов и лейбористский от 130 тыс. голосов. Ведь консерваторы, получившие на выборах 11 926 537 голосов провели в парламент 472 кандидата, а лейбористы, получившие 6 648 023 голоса, т. е. половину консервативных, провели только 52 кандидата.

По этому поводу Ллойд-Джордж, явившийся также в немалой степени жертвой та-

кой системы выборов, изобличает на страницах английской прессы своих «союзников» лейбористов, которые, будучи дважды у власти, не удосужились провести избирательной реформы. Теперь они, по его мнению, оказались жертвой своей собственной политической глупости.

Английская избирательная система не только не признает пропорционального представительства, но не допускает и перебаллотировки в тех случаях, когда ни одна из борющихся партий не получила абсолютного большинства. Так, если в округе, например, вмещающем 30 000 голосующих, выступают три кандидата — консерватор, либерал и лейборист, то первый, если он собрал 10 001 голос, получит место в парламенте, а два других кандидата останутся совсем за бортом. Таким образом, в качестве представителя 30 000 избирателей в палату явится тот, против которого голосовали 19 999 голосов.

А неравное избирательное право, которое в Англии допускает пользование дополнительным голосом одного и того же избирателя. Причем, конечно, таким дополнительным голосом пользуется только весьма состоятельный избиратель (т. е. тот, который имеет две квартиры — два адреса).

Обработка избирательных списков — тоже трюк предвыборной механики. В каждом округе составляется список избирателей, и нахождение в списке — необходимое условие, без которого избиратель не может принять участия в выборах. Регистрация совершается два раза в год, причем составляются списки не только бесспорных избирателей, но и списки претендующих на голос, и списки опротестованных избирателей, и, наконец, списки окончательные.

Такой сложный порядок составления избирательных списков дает широкую возможность всяким комбинациям. Собственник земли или домов, какой-нибудь промышленник или банкир, заявивший раз о своем желании избирать, конечно, не нуждается в возобновлении своей просьбы. Не такое положение у рабочего. Он часто должен немало бороться, чтобы попасть в избирательный список. Его судьбу решает партийный агент (обычно местный адвокат), который за определенный оклад на службе партаппарата (консерваторов, либералов и «рабочей» партии) неотступно следит за избирателем и учитывает все обстоятельства его жизни. Два раза в год этот партийный агент доказывает перед ревизором право избирателей своей партии и опорачивает права избирателей другой.

Само собой разумеется, что эта обработка избирателей во всевозможных формах требует огромных средств.

Расходы на выборы колоссальны: на угощение избирателей, на подарки их семьям, на устройство для них вечеров и концертов, наконец, на наем профессиональных скандалистов для срыва избирательных собраний противника и т. п. Кто знает, во сколько обошлись фашисту Мосли его выступления на рабочих собраниях, где лидера «Новой партии»

должны были неизменно сопровождать молодцы, защищавшие его кулаками и палками от разгневанной аудитории?

В среднем выборы обходятся, как говорят неофициальные источники, консерваторам в 600—700 тыс. ф. ст. (6—7 млн. руб.), а либералам несколько меньше. Недаром опасения, что Ллойд-Джордж, забравший в свои руки весь денежный фонд либеральной партии, не уделит достаточно средств для избирательной кампании его коллегам, служили предвыборной темой всех либеральных газет.

Каждая солидная кандидатура на выборах консерваторов обходится не менее 1 000 ф. ст. (10 тыс. руб.), у либералов — 500 ф. ст. (5 тыс. руб.). Подлинная механика буржуазной «демократии» состоит в том, что она всеми средствами содействует победе кандидатов буржуазии.

Буржуазное государство само берет взятку у кандидата. Последний, прежде чем получить право голосоваться, должен внести в казну 150 ф. ст. (1 500 руб.), которые ему не возвращаются, если он на выборах не соберет меньше одной восьмой всех поданных по округу голосов. Это освидетельствование кармана кандидата делается, конечно, с определенным намерением: сократить число рабочих-кандидатов. На поддержку кандидатуры мистера Болдуина или Джойнсона Хикса найдутся у консерваторов средства. Зато неизмеримо труднее приходится коммунистической партии, не имеющей таких богатых «секретных» материальных источников, какие имеются в распоряжении буржуазных партий. К этим источникам относится, скажем, продажа титулов — обычай, пользующийся до сих пор почетом в Англии. Звание родовитого лорда котируется ныне на бирже не хуже акций какой-нибудь нефтяной или золотопромышленной компании. Правда, цены на них не публикуются в официальных бюллетенях, но для них имеется своя «черная биржа». И любой маклер с этой последней сообщит вам по первому требованию, что звание баронетта — если вы будете покупать на консервативной бирже — стоит, примерно, 10 тыс. ф. ст. (100 тыс. руб.), а звание графа доходит до 100 тыс. ф. ст. (1 млн. руб.). Другой разновидностью доходов буржуазной партии являются случайные пополнения партийного фонда личными пожертвованиями, производимыми со стороны крупных промышленников и финансовых тузов.

«Рабочая» партия тоже не брезгает «пожертвованиями». В совершенно ином положении находится, конечно, коммунистическая партия, которая может надеяться лишь на материальную поддержку рабочих масс.

«В Англии дни выборов издавна являлись вакханалией пьяного распутства, обычными биржевыми сроками для учета политических убеждений, временем богатейшей жатвы для трактирщиков», — говорит Энгельс в своих «Письмах об Англии».

С тех пор английская буржуазия вынуждена была провести ряд избирательных реформ. Однако она оставила механику избирательного обмана не только на прежней высоте, но утон-

чила и усовершенствовала ее по последнему слову техники.

Но господа буржуазные политические деятели должны при этом помнить, что широкие трудящиеся массы с каждым днем все лучше разоблачают этот многовековой обман.

Главные организаторы «механики обмана.» Сверху вниз и слева направо: фашист Мослей, либерал Самуэль, либерал Симон, лейборист Гендерсон, либерал Ллойд-Джордж, нац.-лейборист Макдональд и консерватор Болдуин (из газеты «Юманите»)

П. ГЕРАСИМОВ

С ДИВИЗИЕЙ АЗИНА

В обработке Л. ЛЬВОВА

1. В БОЯХ ЗА УРАЛ

В начале сентября 1918 г. я вступил в Красную армию. Наш полк—4-й Петроградский—был сформирован за несколько дней, и 10 сентября 1918 г. мы двинулись по направлению к Казани. Ко времени нашего прихода город уже был освобожден от белых и чехо-словаков. После короткого отдыха мы получили приказ двинуться на Бугульму. Шли пешим порядком. Сколько проходили за сутки — этого тогда никто не считал. Шли день и ночь под непрерывным частым дождем. Днем — окутанные испарениями набухших шинелей, ночью — ломая промерзшие складки и полы.

Первые отряды чехов и учредиловцев мы встретили недалеко от с. Чекань. После короткой перестрелки белые отступили по направлению к Белебею, где находились более крупные отряды уральских казаков и башкирских учредиловцев. Около дер. Николаевки завязался бой. На исходе второго дня казакам удалось сбойти нас с фланга и напасть на сбоз. Создалась угроза захода к нам в тыл и полного окружения. В 12 час. ночи мы снялись с позиций и отступили к Бугульме. На рассвете верстах в пятнадцати от Бугульмы послышалась стрельба. Стреляли спереди и с тыла. Нас, повидимому, сбoshли. Пришлось принять бой. После пятичасового боя, когда выяснились силы противника, мы

Автор настоящего очерка т. Герасимов, Проксфий Герасимович — чуваш по национальности, колхозник дер. Кюль-Хирей Вурнарского р-на ЧАССР. Прим. ред.

пошли на «ура». Казаки не выдержали натиска и начали отступать к северу. В это время подоспели резервы, развернулся фронт — и отступление казаков превратилось в бегство. Мы продолжали гнать казаков до Уфы. Нашему полку был дан приказ двигаться к реке Белой, в направлении Благовещенского завода. Шли без отдыха день и ночь в непрерывных боях с казаками, не давая врагу закрепиться ни на одной из занимавшихся им позиций.

После взятия Благовещенска и Уфы нашему полку был дан трехдневный отдых. После отдыха 3-й и 4-й Петроградские полки должны были отправиться на южный фронт. Перед самой погрузкой в вагоны было получено сообщение о том, что в районе дер. Александровки появились крупные казачьи части. Отправка была немедленно приостановлена, и оба полка прямо с вокзала были брошены в бой.

Стоял январь. Глубокий снег и жестокие морозы сильно затрудняли обстановку боя, требуя от каждого бойца громадного напряжения и выдержки. Мороз сковывал движения здоровых. Быть раненым — это в большинстве случаев значило остаться в глубоком снегу и замерзнуть.

После двухдневного боя, увязая по пояс в снегу и согревая руки о горячие дула винтовок, наши части опрокинули казаков и погнали их к Уралу.

В этом бою обе стороны понесли большие потери. Многих из тех, кого не добила пуля, прикончил мороз.

2. ПРЕДАТЕЛЬСКИЙ УДАР

После того как атака белых на Уфу была отбита, оба полка были отправлены на южный фронт. В Инзе нас ждал другой приказ: двигаться на Сарапуль.

Наши полки были укомплектованы исключительно чувашами и марийцами. Ввиду того, что для многих путь лежал мимо родных деревень, командование полка разрешило некоторым из нас съездить на побывку к родным. Всем отпускникам были выданы документы за подписью командира и военкома, разрешавшие нам отпуск на четыре дня. Ровно через четыре дня, 30 января 1919 г., все отпускники приехали на ст. Инаул (за Сарапулом), недалеко от которой проходила линия фронта. Кинулись разыскивать свой полк и от товарищей узнали, что он почти весь попал в плен, вследствие измены находившихся в полку бывших офицеров.

«Волка сколько ни корми, он все равно в лес смотрит» — так же и те офицеры которые были в нашем полку. Ночью они, в числе пятнадцати человек, сами пошли в разведку и, воспользовавшись случаем, перебежали к белым. Сообщив белым сведения о численности и расположении наших частей, они под утро на лыжах окружили весь полк и после сильного боя раздели, разули и угнали пленных красноармейцев в Красноуфимск.

3. ЗА «ЯЗЫКОМ»

Пришлось заново формировать полк, который влили в состав 28-й дивизии, находившейся под командованием т. Азина. Двинулись к татарской дер. Верхний Ашар, расположенной левее ст. Бигбарда у подножья Урала. В пути серьезных боев не было, но сильно досаждали белогвардейские лыжники, которые, не принимая боя, часто осыпали нас пулями. У нас же своей лыжной команды не было. Как-то приходит командир полка и спрашивает: «Кто из вас, товарищи, умеет ходить на лыжах?». Я и еще двое из нашей деревни отозвались: «Мы!». Всего нас набралось человек семьдесят, которым раньше приходилось ходить на лыжах.

Получили лыжи, сформировали лыжную команду и по приказу начдива Азина пошли в разведку по уральским лесам, доставать «языка», т. е. притащить живого белогвардейца.

Шли на лыжах целые сутки, кружа около занятых белыми деревень, завязали перестрелку, напугали, но «языка» поймать не смогли.

4. ОТСТУПЛЕНИЕ

Через несколько дней меня вызвали в штаб полка и назначили телефонистом. К этому времени полк находился в дер. Н. Ашар. Недели через две, т. е. 10 марта, мы получили сведения, что колчаковцы отходят к Чистополю. Пришлось отступать в направлении Ижевска. Шли, ежедневно вступая в бои с наседавшими белыми, не отдыхая и не высыпаясь неделями. Изредка забегали в встречную избу отогреться, спали несколько минут «на-стоях» — и опять назад. Отступали в строгом порядке, нигде не задерживаясь, так как приближалась весна и мы боялись, чтобы Колчак обойдя нас справа, не отодвинул к Каме.

В Ижевске мы рассчитывали задержать наступление колчаковцев, но после пятиминутного боя нас обошли слева и пришлось сдать город.

Как только наши части стали выходить, из окон хороших домов, с крыш и колоколен посыпались пули. Это городская буржуазия, кулаки и попы облегчали вступление белых, которых они встретили оглушительным колокольным звоном. Была оттепель. По улицам расплзались ручьи воды, а нас большинство все еще ходило в валенках. Валенки промокли, набухли, на каждой ноге нависла пудовая тяжесть. Многие выбивались из сил, не выдерживали и, не имея возможности бежать, пытались укрыться в воротах и падали сраженные предательскими пулями. Мне удалось забраться на орудийную повозку, но в этот момент какая-то женщина, стоя в окне, вскинула винтовку и ранила меня в руку.

Пошел дождь. Всю ночь мы пролежали в буграх под Ижевском, не имея возможности ни снять, ни обсушить взмокшие валенки. К утру, с трудом разминая

усталые одеревяневшие ноги, пошли на ст. Зюгинск. По распоряжению начдива т. Азина нам еще в пути срочно были выданы сапоги, что сразу подняло настроение бойцов.

В Зюгинск мы пришли в первый день пасхи. К этому времени установилась теплая весенняя погода. Началась распутица. Быстро стаявший снег сразу превратил все овраги и выбоины в непроходимые болота. По всем направлениям ручьями бежала вода, и это, задержав дальнейшее наступление колчаковцев, дало нам возможность выгадать время, отдохнуть и подтянуть резервы.

В тылу шло формирование новых сил, спешно подвозилось обмундирование и снаряжение. Армия готовилась перейти в решительное наступление.

Спустя неделю нашему полку, переименованному в 252-й стрелковый полк, был дан приказ занять участок около с. Можайска Сарапульского уезда. Утром выступили в поход, заняли село и расположились на указанной нам позиции. До этого момента редкие отряды белых отходили, не входя в соприкосновение с нашими частями, но затем они вдруг повернули и атаковали нас на только что занятом участке. Завязался бой, длившийся весь день. Белые ввели в бой сильные, хорошо вооруженные, превосходящие нас числом офицерские части и вынудили нас отступить.

Я, до этого не спавший двое суток к ряду, только что сменился и уснул. Просыпаюсь, смотрю — никого нет. Рота ушла. Хватился — винтовки нет. Ее только что спрятала жена кулака, в доме которого стоял штаб батальона. Заметив мой испуг, она торопливо спрятала что-то за юбку и подходя сказала: «Чего ты испугался? Спи!» — и в ту же минуту я едва успел увернуться от удара топором. Силясь отобрать у нее топор, я во время борьбы увидел под кроватью свою винтовку и, схватив ее, застрелил эту озверевшую женщину.

Первое, что я увидел, как только выскочил на улицу, были белые, которые в эту минуту входили в село. Они меня также сейчас же заметили и открыли стрельбу. Закружившись по улице, как заяц, и беспрестанно оглядываясь, я изо всех сил бежал к своей роте и уж

не помню, как добежал до своих. Одна пуля все же попала в меня, сорвав кожу со лба.

В этом бою мы потеряли много бойцов. В каждой роте оставалось не более 20—30 штыков. А белые продолжали наседавать, не давая нам возможности где-либо закрепиться и подождать подкреплений. Подошли к реке Можайке, разлившейся приблизительно до семи сажень в ширину. В это время показалась кавалерия противника. Что делать? Впереди — река, сзади — смерть или плен. Все, кто умел и не умел плавать, торопливо поскидали шинели, винтовку — в левую руку — и в воду. Большая часть переправилась, и только немногие утонули.

Выбрались из воды — и дальше. Отступление, кажется, шло по всей линии фронта. Впереди была река Вятка. Колчак, повидимому, хотел прижать нас к реке и, не давая переправиться, опрокинуть в воду. У переправы разгорелся бой, который шел до тех пор, пока последний обоз не очутился на другом берегу. Вечером 1 апреля или днем позже — точно не помню — все части переправились через Вятку. Значительные потери понес только 249-й полк, который задержался и был загнан в воду.

На ст. Вятская-Поляна отступление было приостановлено и наши части перешли в наступление.

5. В РАЗВЕРНУТОЕ НАСТУПЛЕНИЕ

Наш полк получил задание занять дер. Нижнюю Шуну, расположенную на нижнем берегу Вятки.

В этой деревне мы простояли около двух недель, не вступая в столкновение с противником. Один только раз белые сделали попытку прорваться около Малмыжа, но потерпели неудачу и были сброшены в воду.

Из центра пришло обмундирование и пополнение. В каждый полк влилось по тысяче новых бойцов. Рабочие прислали разные подарки, среди которых особенно ценной была гармонь. Настроение бойцов стало веселым и бодрым. В это время шел сев яровых хлебов. Красноармейцы смотрели, и каждый ду-

мал: «Нет, уж этого урожая мы Колчаку не отдадим!».

Наконец, получили долгожданный приказ перейти через Вятку и идти в наступление. Часа в два ночи подошли пароходы из Казани и началась переправа. Белые открыли сильный оружейный огонь по пароходам, но переправу задержать не смогли, и к утру три батальона уже были на другом берегу, сейчас же вступив в бой. После трехчасового боя белые были смяты и пустились наутек, да так, что покрыли в один день пятьдесят верст. Развивая наступление, наши части до самого села Можайска никак не могли войти в соприкосновение с ними. Под Можайском белые получили подкрепление и приняли бой, оставив в лесу крупную засаду.

Увлеченные успехом, мы не выслали вперед разведку, не развернулись и пошли в бой сомкнутой колонной. Дав нам спокойно переправиться через Можайку, белые открыли ураганный артиллерийский огонь, разнесли мост в щепки и загнали нас в воду. В бою и при переправе мы потеряли около двухсот человек убитыми, ранеными и попавшими в плен. Позже выяснилось, что со стороны белых в этом бою участвовало пять свежих егерских полков.

Отступив верст десять и приведя себя в порядок, мы утром следующего дня вновь пошли в наступление. Белые не приняли боя и отступили на ст. Агрыз, где были настигнуты нами. Завязался бой. Лично участвовавший в нем т. Азин чуть было сам не попал в плен. После двадцатичетырехчасового ожесточенного сопротивления белые были сбиты и отступили на Ижевск.

Колчак в спешном порядке собирал силы для защиты Ижевска, выставив впереди заслоны, мы же развивали свое наступление, сметая с пути деморализованные отряды белых.

Тому полку, который первым войдет в город, был обещан двухдневный отдых. Узнав об этом, все участвовавшие в операции части, и без того рвавшие в бой, еще больше поднажали. Каждый красноармеец хотел доставить своей части честь водрузить над Ижевском красное знамя советов.

Подошли к городу, развернулись в цепь. В середине оркестр. Так развернутым строем под звуки революционного марша мы пошли в атаку. Белые отчаянно сопротивлялись, осыпая нас огнем установленных в городе орудий. К утру красноармейская лавина дружной атакой смяла передовые части колчаковцев и вышибла их из города.

Я хорошо запомнил окно, из которого стреляла ранившая меня весной женщина, и по возвращении в город попытался разыскать ее. Но оказалось, что она ушла с колчаковцами.

Вслед за Ижевском уже без боя был занят Воткинск. Продолжая преследовать бегущего противника, наш полк двинулся вверх по Каме. У села Рождественского наткнулись на крупные силы белых. Три дня шел бой. Белые, поддержанные огнем с парохода, несколько раз пытались перейти в наступление, но все же под конец дрогнули и стали спешно отходить к Уралу. Нужно было догнать колчаковцев, не дать им оправиться, собрать новые силы и подготовить кулак. В это время на реке появился камский военный флот. Не обращая на него никакого внимания; красноармейцы кинулись в воду и так, кто на лодке, кто на наспех сколоченных плотках, переправились на другой берег. Белые в панике побросали орудия и побежали. Несколько раз пытаюсь потом задержаться в каждом крупном населенном пункте. Но остановить наступление Красной армии, поддерживаемой всем трудовым населением, было нельзя. После короткого боя был занят Красноуфимск. Показался Урал. Двигаемся по сибирской шоссейной дороге. Чем дальше в глубину Сибири, тем упорнее и ожесточеннее становилось сопротивление колчаковцев. Идем вперед с непрерывными боями, сбивая засады и опрокидывая встречные отряды белых.

Наш полк шел в направлении Шайтановского и Михайловского заводов. Колчаковцы, отступая, беспощадно сжигали встречные деревни и заводы.

Видимые ночью зарева пожаров были для нас доказательством продолжающегося отступления и паники, охватившей белых. «Когда думают наступать, тыл не сжигают». Это еще больше под-

няло дух красноармейцев, вселив уверенность в близкой, окончательной победе.

Начдив Азин отдает приказ: «Второй бригаде двигаться по шоссе на Екатеринбург (Свердловск), первой и третьей идти по лесной тропинке на Михайловский завод».

Свернули с шоссе в лес. Дороги нет. Темь. Листва заслоняет дневной свет. Узкая извилистая тропа не может пропустить тяжелые орудия. Бойцы взяли в руки топоры и пошли вперед, прорубая дорогу орудиям и солнцу. Несколько раз колеса увязали во встречных болотах, но ни одно орудие не было брошено. Ни на минуту не замедляя похода, вся масса бойцов кидалась к застрявшему орудию и, увязая по пояс в топкой грязи, на руках и груди выносила его на твердое место. Вышли к Михайловскому, к рабочему поселку, вправо от железной дороги. Там нас уже ждали присоединившиеся к нам вооруженные группы рабочих.

В это время на станции стоял готовый к отходу поезд с эвакуирующейся буржуазией и ценным имуществом. Получив сведения о нашем приближении, белые приготовились к обороне, надеясь прикрыть отправление поезда.

Ночью пришел к нам в роту военком полка и вызвал добровольцев взорвать железнодорожное полотно в тылу у белых. Нас пошло семь человек, и в ту же ночь дорога была взорвана. Весь уже подготовившийся к отправке эшелон с михайловской буржуазией, кулаками и имуществом попал к нам в руки. В числе трофеев (главным образом, мануфактуры) оказалось и вино. Это вино сыграло с нами скверную штуку. Человек десять из числа стоявших на посту красноармейцев соблазнились и напились им допьяна. Этим воспользовался отряд уральских казаков, который, внезапно налетев, перекрошил несчастных пьяниц. Поднялась тревога. Не зная сил противника, два полка, расположившиеся в рабочем поселке, поспешно снялись и отступили верст за десять.

К утру вновь пошли в наступление, двигаясь на Екатеринбург, который еще до нашего прихода, 15 июля 1919 г., был взят частями второй бригады.

В Екатеринбурге нашу дивизию сменили 21-я и 5-я, продолжавшие гнать Колчака, а 28-я была на неделю расквартирована в городе.

6. НА ЮЖНЫЙ ФРОНТ

Героическим натиском Красной армии, поддержанной действующими в тылу у белых партизанами, Колчак был отброшен за пределы Урала и покатился в глубь Сибири, оставляя в наших руках громадные трофеи. Судьба восточного фронта была решена, и освободившиеся силы можно было бросить против добровольческой армии Деникина, угрожавшего советской республике с юга.

После недельного отдыха в Екатеринбурге 28-й дивизии был дан приказ выступить в Пермь для отправки на южный фронт. Шли пешим порядком.

Настроение бойцов было бодрое, веселое, и всю дорогу звенели боевые песни. Впервые за многие месяцы мы видели на полях спокойные, уверенные лица крестьян без тревоги за завтрашний день, без мыслей об опасности захвата урожая врагами. Через неделю наш полк был погружен на пароход и пошел вниз по Каме навстречу новым боям за советскую власть с другим злейшим врагом ее ген. Деникиным. Когда пароход дал прощальный свисток, все красноармейцы высыпали на палубу, прощаясь с красавцем Уралом, на сей раз уже навсегда освобожденным от власти контрреволюционеров. С палубы долго не уходили. На обоих берегах стояли толпы народа, без устали кричавшие нам ободряющие слова и желавшие скорей победы над деникинцами. Скоро нельзя уже было разобрать слов, но долго еще в далекой синеве мелькали платки, посылавшие нам последние приветствия. В ответ грянула боевая песня.

В Чистополе высадились, получили новое обмундирование и пересели на волжский пароход. Не доходя Саратова кончилась вся нефть. Пришлось остановиться около какой-то деревни для того, чтобы запастись топливом. Наломали заборы, разыскали бревна. Целый день кололи, рубили, пилили. Перенесли все это на пароход и поехали, уже без остановок до Камышина.

Верстах в сорока за Камышином выгрузились, построились и пошли на посад Дубовку. В Дубовке приказ: итти на Царицын. 3-я бригада имела направление на ст. Калач, в районе которой действовали деникинцы. Под Калачом произошел бой. Мы скоро почувствовали, что имеем против себя сильного, вооруженного новейшей военной техникой противника. А у нас одна надежда — винтовка. Сначала разговаривали оружием. Но противник редко стреляет. Видимо, хитрит. Впереди видны только небольшие части. Мы увлеклись боем и пошли в наступление. А в это время деникинцы, воспользовавшись отвлечением нашего внимания на этот участок, прорвались с пятью броневыми машинами и напали на обоз. Обозники растерялись и отступили. Разорвав связь, деникинские бронемшины зашли к нам в тыл. В это же время спереди вылетела кавалерия (приблизительно до 1000 сабель) и ударила с фронта. Началась паника. Видя, что мы окружены, я метнулся под стог соломы и затаился там, подобрав под себя винтовку. В этом бою только небольшой части удалось вырваться, а два полка почти целиком попали в плен.

7. ПОД КАЗАЦКОЮ ПЛЕТЬЮ

Когда замолкли последние выстрелы, я не удержался и, осторожно раздвинув солому, выглянул из-под своего прикрытия. Прямо передо мной казаки выстроили всех пленных в одну шеренгу и, подходя с плетками, требовали:

— Укажи, кто коммунист!

Спрашиваемый стоит бледный, руки по швам, но молчит.

— Говори!!!... Р-р-а-а-з!

Свирепый удар плетки проводит по лицу красноармейца багровую полосу.

— Не ска-ж-ж-жешь?! Два!

Плеть со свистом режет воздух. Удар следует за ударом. Лицо красноармейца рвется на куски, обливается кровью. Он делает попытку защитить его руками, но плеть бьет по рукам, ломает суставы. Остальные смотрят и дрожат, как в ознобе. Пальцы судорожно сжимаются в кулаки. Эх! если бы им сейчас винтовку.

Одного ротного командира казаки засекли насмерть. Но ни один красноармеец не сказал, не выдал своего товарища.

Пленных раздели, оставили только в одном нижнем белье и погнали под сильным конвоем. От всего виденного и пережитого я был как в беспамятстве.

Наступил вечер. Я решил воспользоваться темнотой и бежать. Но мне не везло. Шагах в сорока от меня расположился пост конных казаков, и я решил отложить бегство до более позднего времени.

Была темная августовская ночь. Медленно, стараясь не шелохнуть солому, я вылез из-под стога и осторожно пополз в сторону. Сколько я так полз, не помню, но внезапно совсем близко послышался стук копыт. Я притаился с краю дороги и замер. Мимо меня проехало человек двадцать конных. Крайняя лошадь задела меня по ноге копытом, но я не шелохнулся.

Когда всадники скрылись из виду, я вскочил на ноги и пустился бежать, не разбирая дороги. Так, спотыкаясь о кочки, прыгая и падая в ямы и выбоины, добежал до какого-то оврага. Погони не было. Переждав несколько минут в овраге и убедившись в том, что поблизости никого нет, я повернул на север, где, по моим расчетам, должны были находиться наши части.

Только поздним утром, пробежав всю ночь без отдыха, я нашел свой полк. От всего полка осталось всего около ста человек. И это вместе с обозниками. Стало очень горько и больно от постигшей неудачи и гибели товарищей. Бойцы ходили печальные и мало разговаривали. Больше не было слышно ни песен, ни шуток.

Через несколько дней пришло пополнение. Оправившись, мы опять пошли в наступление и опять неудачно. Во время боя я дежурил у телефона в штабе полка, который находился в селе Ерзовке, в десяти верстах от Царицына. Внезапно телефонная связь оборвалась. Я вышел на улицу, чтобы узнать, в чем дело, и увидел группу конных, которые в это время въезжали в село. Я вначале принял было их за своих, но сейчас же увидел свою ошибку. Это были казаки,

а наш полк в это время отступал к Дубовке. Я кинулся в избу и, схватив аппарат, бросился бежать к Волге. Меня заметили, и через несколько секунд я услышал за собой стук копыт. Вслед за этим сзади затрещали выстрелы. Пришлось бросить аппарат. На Волге в это время стоял наш военный флот. Оттуда заметили погоню и открыли стрельбу по казакам. Те торопливо повернули коней и ускакали. Подбежав к берегу, я скинул с себя шинель, сапоги и рубашку и пустился вплавь к пароходу.

В это время стычки и бои с белыми шли каждый день и почти всегда с перевесом на стороне противника. Я хотя и был телефонистом, но после дежурства шел в цепь, так как в роте оставалось не больше двадцати пяти штыков.

Фронтовые неудачи осложнились затруднениями с продовольствием. Питались мы почти исключительно арбузами. Хлеба — от 200 до 400 граммов в сутки. Обмундирование изнашивалось, красноармейцы ходили в оборванных шинелях и без сапог. Настроение у всех подавленное, скверное. Появились случаи дезертирства. Начдива т. Азина не было. Он был ранен в руку в одном из боев и в это время находился в тылу на излечении.

8. ТАНКИ

В последних числах ноября сделали попытку овладеть Царицыном. После жестокого боя наши части ворвались в город, выбивая отступающего противника. Мы уже торжествовали победу, когда с противоположного конца появились танки. Их красноармейцы видели впервые и еще не знали, как с ними бороться. Рассыпавшись в цепь, мы открыли по ним огонь из винтовок и с испугом видим, что железные чудовища продолжают двигаться прямо на цепь, а пули от них отскакивают, как горох от стены. Началась паника. Пришлось оставить город и отступить опять на старые позиции у Дубовского посада.

В это время разнесся слух, что наш начдив выздоровел и принимает дивизию. Вскоре действительно приехал т. Азин, побывал в каждом полку, бесе-

довал с бойцами и уверял каждого в близкой победе. Азин был бодр, здоров, но правой рукой он уже владеть не мог. Она высохла... Его приезд сразу поднял настроение бойцов, а тут еще вскоре стали приходиться подкрепления.

Тов. Азин сообщил нам, что конница Думенко и Буденного, которая стояла рядом с нами, под Ростовом наголову разбила корпус ген. Шкуро и здорово потрепала добровольческую армию Деникина.

Мы стали энергично готовиться к походу.

9. РАЗГОВОР ПО ТЕЛЕФОНУ

Перед выступлением командир полка отобрал пять человек, приказав им зацепиться за белогвардейский провод и перехватить их разговор. В числе этих пяти был и я. Дождались ночи и пошли. За станицей Пичужинской нащупали провод. Присоединились: Сидим под мостом и слушаем. Я, как старший, взял трубку и, только поднес ее к ушам, слышу — разговаривают. Кругом ночь, ничего не видать, а мы пять человек — все на коленях — головами склонились над трубкой, которая дрожит и говорит, как живая. Даже дышать боимся. А в трубке: «Ваше превосходительство, ваше превосходительство...» Вижу — к самим белым генералам в гости угодили. Даже руки от волнения все мокрые стали. Один другому передает: «Азин вернулся и принял командование 28-й дивизией... Ростов пал... Красные передвигаются по всему фронту, группируясь около посада Дубовки... Настроение наших пехотных частей неуверенное, кое-где есть брожение. Единственная надежда только на кубанских и донских казаков... Вдруг с другого конца проволоки прерывают: «Нас, ваше превосходительство, кажется, кто-то подслушивает!»... Я замер. Даже дышать перестал. Этот выругался и закричал: — Какой мерзавец мешает?

Я не ответил. Тогда он еще раз спрашивает.

В этот момент мне показалось, что я даже вижу его. Вскочил со стола... толстый, седой... Весь трясется от злости и наган выдергивает. Забыл я, что кру-

гом темно, степь... Смотрю ему прямо в глаза и говорю:

— Я.

— Кто вы?

— Свой!

— Какого полка?

— Атаманского.

— Шпион ты, сукин сын, откуда говоришь?

— С поля.

— Красный?

— Конечно, это красные, — отвечает другой генерал.

Тогда первый начал ругаться. В телефоне только: «...так, растак вас... туды-т... растуды-т...».

Я слушал, слушал, затем не выдержал и тоже начал крыть их, сразу обоих. Потом сказал: «Мажьте скорей пятки салом и удирайте. Бежать до самой Турции придется». Слышу — замолчали. Не стали больше разговаривать. Мы все потом долго смеялись: хоть и генералы они и здорово умеют ругаться, но все же против красноармейцев устоять не смогли.

На обратном пути на нас налетел конный казачий разъезд. Двоих мы сразу сняли, а третий перед смертью все же успел хватить меня по голове шашкой. Рана оказалась несерьезной, но итти я от сильной потери крови уже не мог, и товарищи донесли меня до лазарета на винтовках.

10. СМЕРТЬ АЗИНА

Ко дню моего выздоровления и возвращения в часть был получен приказ перейти через Дон и занять станицу Перекопскую. Дело было, кажется, в декабре. Дон к этому времени уже замерз, и мы, перейдя его по льду, заняли станицу. Деникинцы отступили и окопались под станицей Цымлянской. На-

чался бой. Азин лично находился в цепи и вел части в наступление. К вечеру деникинцы были сбиты с позиций и стали поспешно отступать.

Наш полк получил приказ двигаться на хутор Соляное, где мы встретили части разбитой белыми 32-й дивизии. Но этот успех деникинцев был временным и никакого влияния на исход операции не имел. Наше наступление развертывалось по всему фронту. Вслед за станицей Платовской были заняты Торговая, Тихорецкая и Великокняжеская. Ряды противника стали сильно редеть. Под влиянием боевых неудач и неустанной пропагандистской работы, которая велась нами в тылу у противника, деникинские солдаты стали дезертировать и сотнями сдаваться в плен. В разгаре наших успехов мы потеряли своего начдива т. Азина.

Во время боев под Торговой т. Азин с двумя красноармейцами сам поехал в разведку. В дороге они наскочили на сильный казачий отряд и повернули обратно. В это время у лошади т. Азина на всем скаку лопнула подпруга—и он упал с седла. Казаки захватили его в плен и убили.

Так кончилась славная боевая жизнь одного из храбрейших и любимейших командиров Красной армии.

После взятия Торговой наша бригада (3-я) была отведена на отдых в станицу Платовскую. Здесь среди красноармейцев начался тиф. 19 января 1920 г. заболел и я.

Долгие месяцы болезни, сначала сыпным, а затем возвратным тифом, вырвали меня из боевых рядов Красной армии тогда, когда под ее мощными ударами последние остатки российских и иностранных контрреволюционеров были сброшены в Черное море.

ВОСПОМИНАНИЯ ПАРТИЗАНА

Из книги Мих. Голодного «Материалы о героях гражданской войны»

С Мельниковым я встретился в Харькове. Невысокого роста, плотный, краснолицый, он наделен недюжинной физической силой.

— Что же, — говорит он, — я первый на очереди! Начинаем!

— Начинаем, — и я сделал знак стенографистке.

— В феврале месяце 1918 г., — рассказывает он, припоминая и увлекаясь, — мы начали подготовку к выступлению против Центральной рады. Я тогда был шофером, с нами были товарищи: Букреев, Пятаков Леонид, Богданов, Введенский и другие, которых я сейчас не припомню. Я их возил в юнкерские казармы для переговоров, но вместо мира нам показывали броневики, сожалея, что нас нельзя расстрелять, как парламентаров.

На Печерской, в левую сторону от арсенала, находились жандармские казармы; ездить тут дальше нельзя было: территория на Печерской маленькая и вся открыта для артиллерийской стрельбы. Вооруженный винтовкой, бомбой и наганом, который всегда был при мне, я временно оставил свою автомашину. Однажды т. Букреев мне говорит: «Эх, хорошо бы узнать настроение богдановцев, которые изменили Петлюре». Это было весенним теплым утром. Мы шли и ели хлеб. За плечами у меня болталась винтовка дулом вниз. Выйдя на Крестовый переулок, мы столкнулись с группой солдат-богдановцев, которые нас разоружили и потащили в плен. «Куда вы идете?» — «Что же вы не знаете, куда? В Арсенал!» — «А зачем вы идете?» — И т. Букреев получил удар кулаком в затылок, от которого он чуть не свалился наземь.

Когда мы пришли в казармы, сельский учитель, знакомый Букреева, начал расспрашивать. «Кого же вы за-

щищаете?» Букреев стал ораторствовать: «Мы-то знаем, кого защищаем, а вот кого вы защищаете?». Наконец Букреева обыскали и решили оставить заложником. Готовясь к смерти, он мне оставил адрес его отца (Рязанская губ., село Ортыково) и просил, если его расстреляют, написать родным письмо. В это же время нас переводят со второго этажа на первый. Здесь, помню как сейчас, в углу стояла железная печка, нары для нескольких человек и ведро с парашей. Через день-другой дают т. Букрееву флажок. «Иди, — говорят, — в арсенал на переговоры». Тов. Букреев пошел и этим спасся.

Когда приехали в казармы гайдамаки, они меня почему-то приняли за штабс-капитана Загайдачного полка, а штабс-капитаном Загайдачного полка был Гордиенко, похожий на меня лицом. «Ладно, — думаю, — пускай так». К концу вечера люди стали бежать к водокачке, и нам через окно было видно, как гайдамаки, рассвирепев, открыли стрельбу из пулемета по жителям. Всем нам страшно хотелось пить, и наша сестра милосердия говорит нам: «Меня не собьют, я пойду по воду». Едва она спустилась, как мы услышали крики. Эта женщина кричала не своим голосом, и, заглянув в окно, мы увидели, что, раздев ее догола, гайдамаки вырезают ей груди.

Приходит и наше время — вызывают меня и настоящего штабс-капитана Гордиенко. (Это я потом узнал, что меня с ним перепутали.) Освещение по коридору напоминало каганец в степи. И вдруг, на мое счастье, свет в коридоре вовсе погас. Не долго думая, я вырвал у сопровождавшего нас винтовку и сбил его ударом приклада с ног. Гордиенко я оттолкнул в сторону, сорвал винтовку с того, кто был впереди, и держал его

горло до тех пор, покуда он не замолк. Переодевшись в платье гайдамаков, мы оставили им свои шинели и вышли на двор. «Если часовой нас пропустит, — думаю я, — значит, мы спасены». Часовой нас пропустил, и мы прошли. Для того чтобы долго не болтаться по городу без связи, мы решили где-нибудь устроиться на ночевку. Вскоре мы нашли складную кровать, бегом внесли ее на чердак, набитый войлоком. Спрятав в войлоке винтовки, мы заснули, как оглушенные. По дороге Гордиенко мне признался, что он и есть штабс-капитан, что он сочувствует коммунистам, и я ему доверился. Утром он стал меня будить, не добудился и ушел. Я проснулся, не зная, какой день, число и где нахожусь. Есть мне хотелось страшно, пить еще больше, и я решил с чердака слезть. Внизу, в подвале, жили пленные австрийцы, которые меня знали, как шофера. «Как, — сказали они, увидев меня, — вы тут? Здесь нас только что обыскивали, искали ваших, но никого не нашли».

Я стал просить хлеба и воды, и мне дали буханку хлеба и банку из-под конфет для воды. Я пошел к водопроводу, набрал воды — и скорей назад, на чердак. Хлеб поел и лежу на чердаке день, второй, третий и вижу через слуховое окно, что тащат гайдамаки оружие и направляют его на Днепр. Выстрел один, другой. «Ну, — думаю, — сейчас будут наступать». Вдруг снаряд взорвался у самой батареи — они давай бежать. Потом снаряд попал в левую сторону, в крышу, и я увидел большой дом Писарева насквозь: снаряд выбил всю стену. Я понял, что наши пехотные части наступают. Мне уже было видно, как стреляют передовые в цепи. «Ну, — думаю, — через минут двадцать они — здесь». Внезапно слышу сильный стук. На чердак лезут трое гайдамаков и тащат с собою пулемет. Один говорит: «Вы оставайтесь, а я пойду узнаю, в чем дело». Мне стало ясно, что они решили задерживать наступление пулеметом с чердака. Схватившись за винтовку, я выстрелил и попал одному в колено. Он закричал. Я принял воинственный вид и крикнул: «Руки вверх!». Вдруг слышу крики «ура!». Я понял,

что это свои. «Сюда, сюда, товарищи!» — закричал я. С ними был т. Сулема, тоже шофер. Он удивился: «А ты как здесь?». Я ему рассказываю, как убежал от гайдамаков, как застрелил пулеметчика, чем помог наступлению. Тут же я решил добраться в парк к машине. Машина была, но магнето не было. «Давай, — думаю, — железо». Только мы выехали от арсенала к Крещатику, как нам из парка кричат: «Куда вы с открытой машиной?». Не успели мы с Мишкой Баранчиком, пулеметчиком, доехать до церкви Александра Невского, как снова кричат: «Удирай назад, броневик вышел, куда вы лезете?». Как только броневик в арку прошел, мы по нем из пулемета. Мишка говорит: «Стреляй по левой стороне, а я в броневик». Поворота у броневика не было. Одна рессора была сломана, и мы захватили два пулемета вместе с броневиком. Спустившись к думе на Крещатике, мы увидели вооруженную толпу. Это были петлюровские войска, и мы из пулеметов давай жарить по ним. Началась паника и бегство. В этот же день город был нам сдан. Когда я приехал с броневиком обратно в парк, петлюровцев в городе уже не было, воевать не с кем было.

В Киеве мы пробыли около трех недель.

«Мельников, — говорит как-то мне мой комиссар, — у меня мать, сестры и детишки голодают, давай возьмем у монахов муки». Я согласился. Взяли мы муку и поехали. Семья его жила далеко от города, снесли мы муку, и как только я развернул машину, чтобы ехать назад, вижу: на лошадях, откуда ни возьмись, синие жупанники¹. Я стал звать комиссара, не дозвался и удрал. Проезжая Подол, вижу: разбивают аптеку. Я снова отправился в парк, чтобы захватить бензин, после чего поехал в гостиницу, так как думал, что кто-нибудь из начальства задержался. Но в гостинице я никого не застал и отправился дальше. На мосту в 30—40 шагах от меня ждала кого-то немецкая машина. Немцы не стреляли. Тогда я подумал, что не стреляют они потому, что мост сейчас будет взорван. Выхода

¹ Гайдамаки носили синие жупаны.

не было, и, не посчитавшись ни с чем, я проскочил через мост. Когда я стал приближаться к Слободке, наши подводы, нагруженные хлебом и консервами, прошли мимо. С подвод стали мне бросать продукты, уговаривая: «Бери, бери, нам хватит». Я повернул на Дарницу, будучи уверен, что отступить придется в единичном порядке, так как часть моя уже ушла. Смотрю, аэроплан летает над столицей. «Ну, — думаю, — доберусь до Козелец». Приехал я в Козелец, вечером попал в Нежин. Здесь я стал спрашивать товарищей: «Кто, ребята, со мной желает поехать на машине?». Отозвался матрос: «У меня, — говорит он, — есть тысяча рублей денег, поедем!» — И мы поехали. В Конотопе достали бензину и добрались до Курска. Тот матрос смылся. Машину я привел в надлежащий вид и начал интересоваться, где находится поезд 3-го авиационного парка. Телеграфист мне ответил, что поезд вышел из Брянска и вечером будет. Сел я на машину, есть хочется, будто неделю не ел; ни консервов, ни хлеба нет, матрос успел все это съесть. И я у торговки попросил хлеба. «Ребята приедут, — говорю, — я заплачу». Одна из них мне дала хлеба, сала, я поел, сел на машину и не знаю, что делать. Подходят ко мне начальник дивизии и адъютант и уговаривают остаться у них работать. Они формировали в это время части и нуждались в укомплектовании их автомашинами и людьми. Я уже было согласился к ним идти, как вдруг подошел поезд 3-го авиационного парка. Меня узнали. «Откуда, — говорят, — ты взялся? Прибегает начальник парка Бредис, хватает меня за шею, просит подать машину на площадку.

Приехали мы в Борисоглебск, нашли клуб и хотели поужинать. В клуб заходят фасонные паренки, снимают шинели и стучаются в бильярд. Меня подговаривают: «Поди, Мельников, с ними сыграть». Смотрю: у многих погоны, и ставят они большие ставки. Тогда я говорю одному: «Ты бы лучше погоны снял». И пошла драка. Позабирали мы их в плен, представили в совет. «Что это такое, — говорю, — в такое серьезное время, еще такие люди ходят...»

К весне снова стали показываться белогвардейские отряды. Если я не ошибаюсь, возглавлял их Дудаков, который шел с Новохоперска и хотел забрать Борисоглебск. Нас начинают собирать в бригады. Командира нам дали Воропаева, а заместителем назначили меня. Приезжаем мы в Поворино, Воропаев говорит: «Ты оставайся здесь, я скоро буду». Он поехал и не вернулся. Мы решили его не ожидать. Собрал я свою команду, и двинулись мы к Новохоперску. Поймали мы заместителя Дудакова, очистили район, и воевать снова не с кем было. Железнодорожники начали нам восстанавливать дорогу, подогнали все паровозы, вагоны, и когда мы приехали в Борисоглебск, нас встретили с большим энтузиазмом. Чего там только не было: и речи, и приветствия, и выстрелы, и все, что хотите. В газете я прогремел сильно. Жаль, вот, газеты пропали.

Совет скоро стал собирать опять ребят: «Кто знает хорошо Украину, помогайте, ребята, подпольной организации работать». Туманов и Евдокимов напирали, чтобы я ехал, потому что если машина застрянет, то я ее всегда один подниму и выправлю (я был очень здоровым тогда, пудов семь весу во мне было). И вот поехали мы в разные направления: Кисель — в Корнево, а меня захватил Евдокимов.

В Сквире я попал в плен карательному отряду. Остановился я ночевать в заезжем дворе, где расположился карательный отряд, разыскивающий наших ребят. Они меня поймали врасплох, на кровати. «Почему ты здесь, — говорят, — и кто таков?» Я им объясняю, что приехал купить немного муки.

Они мне, конечно, не поверили. Но я воспользовался минутой, когда они занялись своим делом и перестали за мной следить, и выскочил в окно. По мне открыли стрельбу, я бросился бежать. Вдруг передо мною вода блеснула. Показалась узенькая речушка. Я перескочил на другую сторону реки, город исчез от меня, а тут уже начинает всходить солнце. Вижу я пустую степь, хлеба нет, увидеть меня могут моментально — и кинулся в сено. Вижу: стоит повозка, мужик спит на ней.

Вначале я подумал распрячь лошадь и дать ходу верхом, потом решил лучше разбудить мужика. «Кто там, чего тебе?» — «Вставай, — говорю, — и вези до деревни Березка!» А он спросонья не разбирает, в чем дело. «Я тебя, — говорю, — железным кнутом протяну». Глянул он на меня, я на него, и он стал молча запрягать свою лошадь. Приезжаю я в партизанский отряд, ребята стреляют над моим ухом, но я говорю: «Раньше чем стрелять, выслушайте меня. Это для нашего дела полезнее будет». Я им разъясняю, что идет на них карательный отряд. «Сделаем засаду, — говорю, — чтобы карательный отряд уничтожить». А у них один пулемет. Это был малочисленный партизанский отряд. Командовал им,

помню, Ткаченко. Я им говорю, что пулемет я знаю, но доверить пулемет они мне не хотели. «Возьмите, — говорю, — двух часовых, за полверсты от деревни — гребля, там и устроим засаду. На случай чего, ваш часовой меня всегда сможет снять». Так мы и сделали. Ванька Рыжий долго стоял возле меня, в случае чего желая меня на штык надеть. Вдруг, слышу, песня. Пропустил я последнюю тачанку и ударил по ним из пулемета. Они бросились кто куда, но перед ними с одной стороны стена, с другой гребля. Наши выскочили из леса и захватили все имущество целиком. Однако долго оставаться в этом месте нельзя было. В уезде были немцы. Приехали мы в лес, местечко Жашково. Мужики и женщины бегут. «Як вы крас-

Украинские партизаны

В. Насьян

ни, вы повинны наших чоловиков захыщати, бачите, скільки трупов лежить, а нимци не дають трупы убирати». Мы долго шатались, дней семь, и наконец решили попытать счастья на немцах. Только мы вышли из местечка, смотрим: у цейхгауза немецкие часовые. Подхожу я к одному, прошу воды напиться, а он смеется. Тогда я его кулаком по черепу зацепил — он свалился. Доходим мы до следующего часового, тот что-то бормочет, а Ванька Рыжий в него уже вогнал штык по самое ушко. Мы все в немецкую форму переоделись и ночью покончили с немцами. Отряд потом попал к Гаркавенко, а оттуда в красные части.

С южного фронта я попал в Коростышев не как шофер, а как командир. Здесь в частях были почти все петлюровцы. Одного нашего командира-организатора они облили бензином и зажгли. У меня был броневик, въезжаем мы в Коростышев, не везет машина; первая, вторая, третья, четвертая скорость — одинаково: ходу нет. Я стал говорить своему командиру: «Давай остановимся, мы же таким ходом не доедем», а он утверждает: «Никаких, я должен ехать на фронт, ежай — и больше ничего». За всю ночь мы проехали семь верст. Все пошли спать, а шоферу я говорю: «Возьми молоток, зубило и давай заклепки зарубливать».

Смотрю я на распределение машины, а оно вставлено неправильно. «Ну, — думаю, — теперь поедем». Нашли артиллеристов, пулеметчика, я сел за руль, стали ехать, а он говорит: «Что вы сделали с машиной?». А я смеюсь: «Магнето, — говорю, — помазал — и больше ничего». За полтора часа мы сделали тридцать верст. Заказали мы обед на станции и пошли все кушать. В это время кто-то (кто — не знаю) открывает краник — и бензин вытекает. Выхожу к броневика, вижу: пятна желтые от бензина на снегу и краник открыт. «Ну, — думаю, — мы погибли». Отъехал я дальше, чтобы кто-нибудь в этом месте спички не бросил. «Что же теперь делать?», думаю. Командир говорит: «Вот, чорт возьми, наверное не заме-

тили, как краник открыли». Я говорю: «Мы будем искать самогон, нальем и поедем». Вдруг, смотрю, едет Антонов на легкой машине. «Дайте нам бензин, — говорю. — У нас нет. Если вы человек сознательный, — говорю, — то должны нам дать бензин». И мы выкачали его бензин к себе. Приехали мы на станцию Кочетово, а командир, артиллеристы и пулеметчики неизвестно куда делись. Искали-искали, звали-звали — нет. «Ну, говорю, — Гриша, поедем вдвоем воевать». Доезжаем мы ближе к фронту (командовал там полком Фекате). Фекате меня встретил и говорит: «Что это у вас команды мало?». Я ему рассказываю, и он мне дает трех пулеметчиков, артиллеристов и шофера. Я принял командование и поехал воевать. Фекате мне говорит: «Если возьмешь Коростышев, получишь благодарность». Матрос из моей команды мне грозит: «Без моей команды ни шагу не делать, итти в цепи вместе с пехотой». Я рассердился: «Что же, пехота мне будет охранять броневик? Извини, — говорю, — ты не умеешь командовать. Броневик должен итти на три версты впереди пехоты». Как приехали в лес, начал стрелять по нас пулемет. Я по ним. Внизу броневик на полотне. У меня был чудный артиллерист Кисель. «Мы его возьмем, — говорит он, — возьмем мы его, Мельников». Он взял прицел над бугром, и стрельба на броневике прекратилась. Соскакиваю я, вижу, что с броневика никто не выходит. Очевидно, они бросили машину и дали ходу. Доезжаем до моста, по нас снова стреляют. Мы снова отвечаем. Добравшись к городу, мы открыли по нем стрельбу как попало. В городе было девяносто с лишним человек. Высыпав на платформу станции, они стояли, подняв кверху руки. Жду я ребят, чтобы забрать город, но никого из них нет. Пленные говорят: «Разрешите нам взять оружие, мы вам поможем». — «Нет, — говорю, — извиняюсь, оружия давать вам не станем». В это время понаехало много артиллеристов, и город уже был за нами. В скором времени т. Подвойский мне прислал бумажку, в которой было указано, что я представлен к ордену Красного знамени.

Ф. ПОТЕМКИН

ЛИОНСКОЕ ВОССТАНИЕ

(1831—1931)

1

21 ноября текущего года исполнилось ровно сто лет со дня так называемого первого лионского восстания.

Классовый смысл и значение этого восстания вскрыла тогда же французская буржуазная газета «Журналь де деба»: «Лионское восстание открыло важную тайну—внутреннюю борьбу, происходящую в обществе между классом имущим и классом неимущим». «Класс буржуазии,—писала газета,—оказался бы одураченным, если бы в увлечении какими-то демагогическими принципами он глупо дал бы оружие и право своим врагам, если бы он впустил пролетарский поток в национальную гвардию, в муниципальные учреждения, в избирательные законы, во все, что есть государства».

В истории формирования пролетариата как самостоятельного класса восстание лионских ткачей несмотря на все его слабости имело огромное значение. Лионское восстание было первым открытым массовым восстанием рабочих против буржуазии.

Говоря о первом периоде в истории социалистического рабочего движения и борьбы пролетариата, Ленин отмечал восстание лионских ткачей: «Классовая борьба пролетариата, едва начинающего выделяться из общей массы мелкобуржуазного «народа», носит характер отдельных вспышек вроде восстания лионских ткачей. Рабочий класс в этот период лишь нащупывает свою дорогу».

Важнейшим явлением социально-экономической жизни Франции в конце 20-х годов и в начале 30-х годов XIX в. была промышленная революция, охватившая значительную часть текстильной промышленности, а также некоторые другие отрасли производства. Но промышленная революция была еще далеко не закончена. Для нас тут очень важно заметить, что основная отрасль лионской промышленности—шелкоткацкое производство—находилось еще в стадии мануфактурного, а не фабричного развития. Шелкоткацким производством была занята большая часть рабочего населения Лиона (и лионских пригородных предместий). Ткачи работали у себя на дому, на собственных станках. Пряжу получали из раздаточных контор капиталистов, которые лично следили за процессом производства, периодически посещая мастерские ткачей. Ткачи представляли собою чрезвычайно неоднородную массу. Ткачи-«хозяйчики», имели по 4, 6 и даже по 8 станков. Это были «вышибатели пота», сами эксплуатировавшие по нескольку учеников и подмастерьев (так называемых «компаньонов»). Подмастерья получали за свою работу лишь половину платы, другая половина шла в пользу «хозяйчика». Но много было ткачей-«одиночек», владевших всего лишь одним станком, обслуживавшимся семьей самого ткача-хозяина. Подростки поступали к хозяевам в качестве помощников (так называемые «лансеры») или же в качестве учеников. Таким образом,

в массе лионских шелкоткачей следует строго различать пролетарскую часть—учеников, лансеров и подмастерьев (компаньонов), полупролетарскую часть (хозяев-одиночек) и, наконец, эксплуататоров—«хозяйчиков», находивших время для игры в «буль» в те часы, когда в мастерских работа шла еще полным ходом.

После революции 1830 г. долго не восстанавливалась высокая рыночная конъюнктура, которая характеризовала развитие шелкоткацкого производства в эпоху реставрации перед промышленным кризисом 1827—1829 гг. Но осенью 1831 г. произошел перелом: мастерские вновь заработали во всем городе и в предместьях. Работа у ткачей была, но она настолько плохо оплачивалась, что ткачи попробовали обратиться к капиталистам с просьбой о повышении расценок. Сначала они делали это поодиночке, но вскоре же они убедились, что «деспотизм, изгнанный (в 1830 г.) из дворцов, нашел себе убежище в конторах капиталистов». Тогда решили действовать организованно. 8 октября (более чем за месяц до восстания) состоялась первая сходка ткачей хозяев мастерских. Каждый квартал избрал по два представителя (из числа ткачей-хозяев) для организации комиссии. 10 октября комиссия сформировалась, избрав бюро в составе председателя, вице-председателя и четырех секретарей. Бюро начало свою деятельность с обращения к высшему представителю местной власти—префекту. В это время префектом был Бувье-Дюмоляр, барон, сделавший свою карьеру при Наполеоне I.

Под давлением требований ткачей обе местные торгово-промышленные организации—ремесленный суд и торговая палата—высказались за необходимость составления по примеру прошлых лет общеобязательного тарифа более высоких сделных расценок. Торговая палата избрала 22 фабриканта для встречи с равным числом представителей от ткачей. Однако первая встреча, состоявшаяся 21 октября (в префектуре), с ясностью обнаружила нежелание фабрикантов идти на уступки.

2

На 25 октября была назначена вторая встреча. В это время по всему городу распространился слух, что один из виднейших фабрикантов приписал всю борьбу за установление тарифа частной инициативе нескольких немногих ткачей-хозяев, которые якобы лишь по причине своего беспутства и неумения «жить экономно» затеяли все это дело. Тогда встрепелась вся масса ткачей: работая по 16 и по 18 часов в день, они не сводили концы с концами, многие же буквально голодали. Сговорились устроить в день второй встречи делегатов внушительную демонстрацию. Инициатива начавшегося движения исходила от рабочих ткачей, обитавших не в самом Лионе, а в пригородном предместье Круа Рус¹. Отсюда-то с высокого холма, по крутой улице Гранд Кот и двинулась многочисленная толпа ткачей, по направлению к зданию префектуры, где заседала смешанная тарифная комиссия.

Хотя демонстранты вскоре удалились, уступив просьбам префекта, ссылавшегося на недопустимость «давления» на работу комиссии, однако свою роль демонстрация сыграла. Под ее давлением тариф был принят, подписан делегатами обеих сторон и скреплен префектом. Новые расценки вводились с 1 ноября. Однако многие фабриканты и слышать не хотели о выполнении тарифа. Старомодный прием регулирования расценок путем тарифа противоречил циничному лозунгу буржуазии, победившей в июле 1830 г.,—«обогащайтесь». И вот активная часть лионских фабрикантов решила оказать организованное противодействие. 10 ноября фабриканты составили докладную записку на имя правительства. По образному выражению одного из самых умеренных ткачей-хозяев, этот документ кишел лживыми утверждениями. Однако жалоба фабрикантов и их депутация были приняты в Париже очень благосклонно.

При получении первых же сведений об этом лионские фабриканты начали прибегать к самым различным

¹ По традиции мы продолжаем называть Круа Рус предместьем, хотя в действительности это был самостоятельный городок.

провокационным выходкам. Одни из них стали отдавать свои заказы в окрестные деревни и в другие департаменты. Другие ожесточали ткачей угрозами и оскорблениями. Так, например, один из фабрикантов, занимавший видную командную должность в национальной гвардии, протестуя против возобновления переговоров с ткачами, сказал: «Нечего толковать с этой сволочью». Другой фабрикант, показав на пару пистолетов, лежавших на конторке, ответил своему ткачу: «Вот тебе тариф!».

Еще важнее было коллективное провокационное выступление значительной части лионских фабрикантов. За два дня до восстания 104 фабриканта сговорились закрыть двери своих раздаточных контор!

Теперь мы подошли к самому критическому моменту. От восстания нас отделяет всего лишь один день—20 ноября. История этого дня очень важна. 20 ноября в Лионе был устроен смотр национальной гвардии, формировавшаяся, если можно так выразиться, по территориальному принципу: пригородные батальоны и батальоны отдаленных от центра кварталов состояли преимущественно из ткачей и городской мелкой буржуазии; первый же батальон (сформированный из жителей центральной части города) состоял преимущественно из фабрикантов. Таким образом, 20 ноября на площади Белькур лицом к лицу встретились классовые враги, отличавшиеся даже и формой своей одежды.

Буржуазные гвардейцы были одеты не по уставу: они все еще носили то дорогое обмундирование, в которое вырядились сразу после июльской революции (1830 г.). Они начали нагло высмеивать демократическую и рабочую часть национальной гвардии, издеваясь над их скромной формой одежды. Разумеется, ткачи не остались в долгу и отвечали угрозами.

В тот же день вечером ткачи, тайно собравшиеся в Круа Рус, решили повторить массовую демонстрацию утром следующего дня. Но городские власти узнали о предполагающемся выступлении.

Префект приказал запереть все заставы, через которые можно было попасть в город из Круа Рус, и кроме того организовал встречные отряды национальной гвардии.

3

Поздно настает осеннее ноябрьское утро. Поэтому еще до рассвета проснулось рабочее население холмистого предместья Круа Рус. Утренний свет озарил картину лихорадочного оживления: группы рабочих перебежали из одной мастерской в другую, собирали колонну демонстрантов. Набралось уже довольно много народу, как вдруг лицом к лицу с ткачами столкнулся небольшой отряд национальной гвардии, прибывший из Лиона. Обозвав ткачей «всклоченной сволочью», начальник отряда приказывает разогнать демонстрантов штыками. Тогда совершенно безоружные ткачи с яростью набрасываются на отряд, одних обращают в бегство, других обезоруживают.

Колонна демонстрантов продолжала быстро возрастать и вскоре двинулась в путь по длинной и крутой улице Гранд Кот, обе стороны которой были заселены ткачами. Но раньше чем колонна дошла до конца этой длинной улицы, она столкнулась с крупным отрядом национальной гвардии, открывшим огонь по безоружной толпе. Колонна демонстрантов дрогнула, подалась назад в Круа Рус, и здесь с криками: «К оружию, нас расстреливают!» рабочие разбежались по домам, чтобы вооружаться, кто чем сумеет. Быстро соорудили баррикады, отняли оружие у местной национальной гвардии, захватили две пушки, находившиеся в Круа Рус. Развернули черные знамена с надписью: «Жить работая или умереть сражаясь!».

Между тем, внутри города, т. е. в самом Лионе, к 11¹/₂ час. утра все было готово для похода в Круа Рус. Префект и новый начальник национальной гвардии ген. Ордонно выступили во главе большого смешанного отряда, состоявшего из буржуазных национальных гвардейцев и регулярных воинских частей. Едва лишь этот отряд вступил на улицу Гранд Кот, как остервенелые буржуазные гвардейцы начали обстре-

ливать рабочие жилища, тянувшиеся, как мы уже сказали, по обе стороны улицы Гранд Кот. Рабочие ответили градом камней, черепиц и пуль, метко направленных с верхнего конца улицы. На этот раз смятение произошло в рядах прекрасно вооруженных защитников буржуазии. Но вскоре порядок восстановился, и отряд стал быстрым маршем подниматься вверх по улице Гранд Кот. Тут навстречу префекту и его отряду вышли офицеры пригородной национальной гвардии и попросили префекта своим личным появлением в Круа Рус предотвратить дальнейшее кровопролитие. Префект и ген. Ордонно покинули свою колонну и в сопровождении добровольных парламентаров перешли через баррикаду. Когда префект выступал перед толпой рабочих, столпившихся на площади у местной мэрии, вдруг раздался грохот пушечного выстрела, и сразу же в трех различных пунктах началась перестрелка. Не дожидаясь даже возвращения префекта, буржуазия решила ускорить кровавую развязку конфликта. Повсюду раздались крики: «Отмщение!, Нас предали!». Рабочие больше уж не слушали увещаний «отца префекта». Под градом угроз Бувье-Дюмоляр был отведен под арест. Та же участь постигла и ген. Ордонно. Перестрелка возобновилась и продолжалась до позднего вечера. Однако под влиянием ткачей-хозяев рабочие сделали в этот вечер огромную ошибку: они выпустили обоим арестованным под выкуп за определенное количество боевых припасов. Нужно ли говорить, что обещанных припасов рабочие так и не получили? Рассказывают даже, что когда к начальнику гарнизона обратились с требованием выдать обещанные пачки боевых припасов, то генерал ответил: «Я перешлю их вам в р о з н и ц у!».

Внутри городской черты, т. е. в самом Лионе, в этот день тоже происходили отдельные стычки буржуазных гвардейцев с проживавшими в городе рабочими. Но главный бой происходил еще не в самом Лионе, а в черте пригородного предместья Круа Рус и на прилегающих к нему городских улицах.

Поздно вечером бой прекратился. Весь город погрузился во мрак ноябрьской

ночи, и только в центральных кварталах для оказания содействия солдатам домовладельцы зажигали свечи перед окнами первых этажей и таким образом кое-как освещали путь. По обе стороны баррикад лихорадочно готовились к встрече следующего дня. На помощь лионскому гарнизону форсированным маршем прибыли несколько батальонов 13-го и 42-го пехотных полков.

К ткачам в Круа Рус тоже прибыло небольшое подкрепление: ночью окольным путем пришли к ним товарищи из других предместий, расположенных на противоположном берегу Роны.

4

На следующий день 22 ноября восстание сделалось всеобщим. Рабочие всех профессий присоединились к ткачам. Бой перекинулся теперь внутрь города. Буржуазная часть национальной гвардии дрогнула. Многие гвардейцы вовсе не появлялись на своих постах 22 ноября. Некоторые из внутригородских батальонов национальной гвардии целиком перешли на сторону повстанцев. Тем не менее победа рабочих была чрезвычайно трудным делом. Противник не прекращал убийственного орудийного огня. У рабочих же было мало вооружения: оружие, отнятое в первых удачных стычках, оружие части национальной гвардии, перешедшей на сторону рабочих, охотничьи ружья, найденные в двух-трех взломанных оружейных магазинах. Но вот, наконец, к самому концу дня (повидимому, около 12 час. ночи) сдалась важнейшая позиция противника—арсенал, в котором рабочие нашли 6000 ружей. Главный штаб буржуазной национальной гвардии и правительственных войск помещался в лионской ратуше. Уступая неистовому натиску рабочих, регулярные части сдавали одну позицию за другой, и к концу второго дня во власти защитников буржуазии осталось лишь тесное кольцо нескольких улиц, расположенных вокруг ратуши. В страхе перед неизбежностью полного и позорного разгрома высшее военное командование поспешило устроить совещание совместно с представителями гражданской власти. В полночь пришли к единодушному решению: вывести из

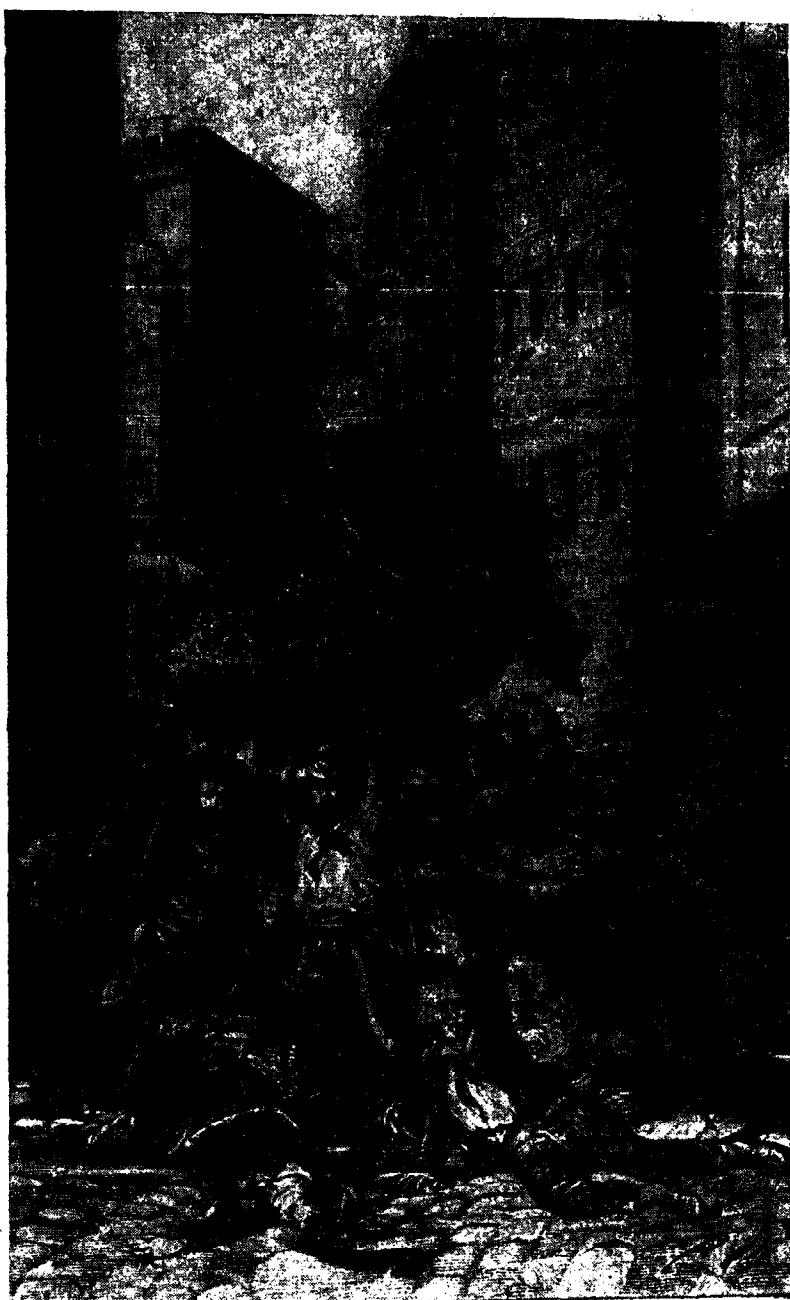
города весь гарнизон, иными словами, отступить. Без промедления и с большими потерями регулярные части покинули город, выйдя через ближайшую заставу.

Восставшие рабочие одержали блестящую победу: весь город был в их руках!

Вслед за рабочими из Гийотьер в ратушу прибыли и ткачи из Круа Рус во главе с одним из своих вождей, Ляшапеллем. Этот «вождь» был очень умеренным: всю свою власть он рассматривал только как власть постового начальника, высшего начальника на посту «Городская ратуша». К Ляшапеллю присоединилось несколько популярных ткачей-хозяев, совместно образовавших «комиссию рабочих рот». Таким образом, влияние на ход дальнейших событий сразу же перешло к умеренным, действительно аполитичным ткачам-хозяевам. Но в ту же ночь, около 5 час. утра в ратуше появились представители республиканцев: 59-летний республиканец Россэ, быв. мелкий промышленник, отбывший 10-летнюю ссылку в эпоху реставрации; идеологически близкие к нему: Дервье (лионский торговец шляпами); Дрижар-Дегарнье (лионский торговец мелочным железным товаром); никому неизвестный Фильоль (лионский кондитер); довольно популярный литератор Гранье (редактор местной газеты «Гланез»). Наконец, Перенон (о котором даже на суде, пришедшем в 1832 г., никто ничего не знал), довольно смелый политический авантюрист, монархист, втайне рассчитывавший вернуть дальнейший ход событий и рабочую массу лицом к «законной» династии.

Такова была пестрая группа политиков, соединившихся в ратуше с «комиссией рабочих рот» и совместно образовавших «временный главный штаб» в качестве высшего органа новой местной власти.

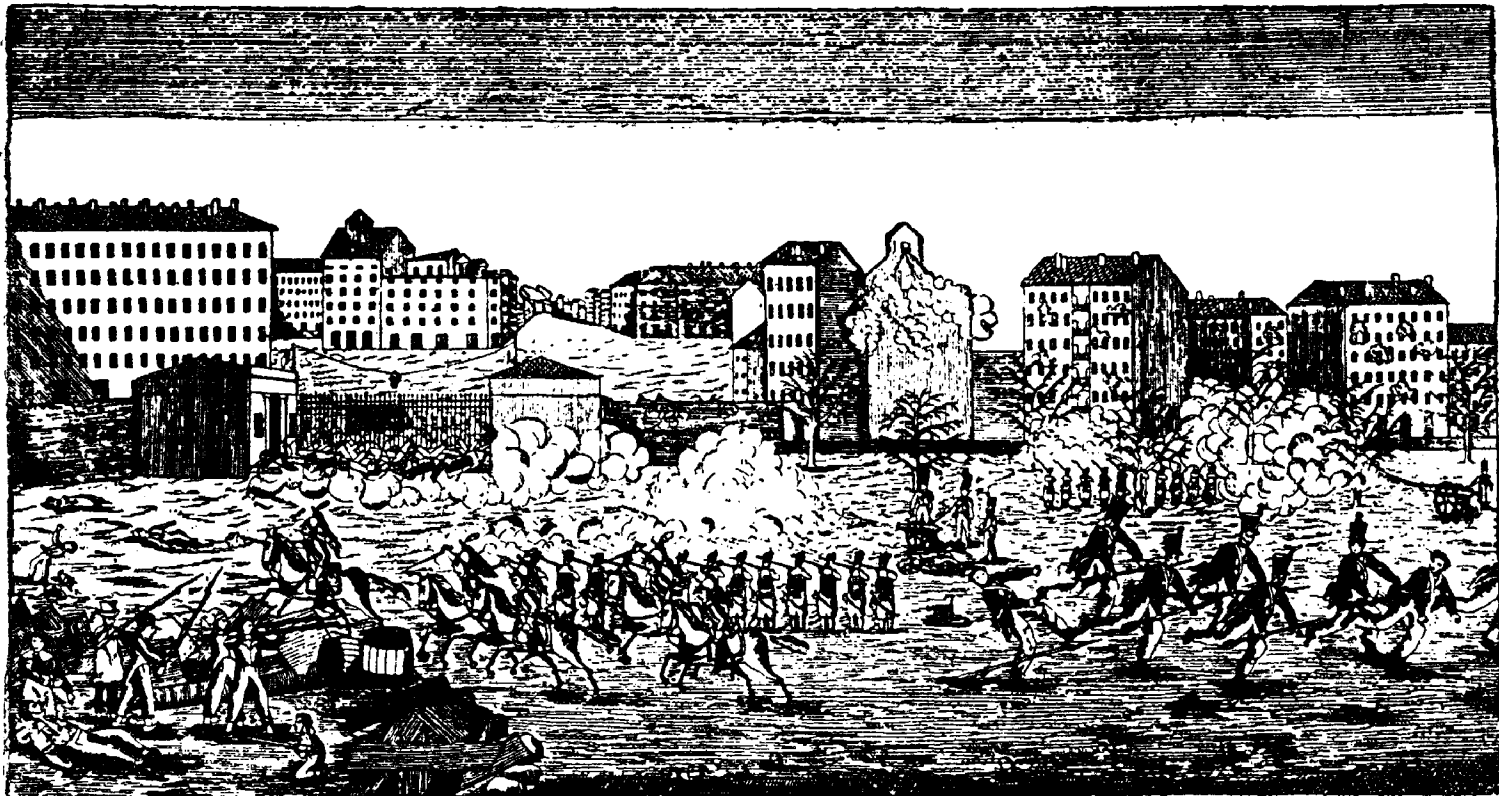
Мы еще не сказали, что в то же самое утро, около 8 час. в ратушу прибыли еще два руководителя ткачей-хозяев: Гийо и Лякомб. Последний сыграл в истории восстания очень странную, двойственную роль. Именно Лякомб более всех других содействовал освобождению пре-

«Жить работая или умереть сражаясь!»

Музей Маркса и Энгельса

фекта. Префект не позабыл этой «услуги», и как только ему стало известно, что в ратуше появились «политики» (а может быть, и немного раньше), он сразу же послал за Лякомбом. В ту же ночь с 22 на 23 ноября Лякомб явился к префекту, безнаказанно хозяйничавшему у себя в префектуре. После свидания с префектом и будто бы даже по его просьбе Лякомб сменил Ляшапелля и таким образом сделался главою временного штаба. В то же утро в ратуше осмелились появиться и прежние чиновники мэрии, пристроившиеся с разрешения Лякомба под одной крышей с револю-

Первый день лионского восстания. Бой у заставы Круа Русс

ционной властью. Разумеется, представители мерии прикидывались «друзьями рабочих». В то же время не дремал и «отец рабочих» — сам Бувье-Дюмолар. Около 10¹/₂ час. утра он объявил о созыве (в префектуре) о с о б о й р а б о ч е й к о м и с с и и, собираемой им якобы с целью «облегчения несчастного положения ткачей». Одураченные делегаты (ткачи-хозяева) довольно скоро откликнулись на приглашение префекта.

Тем временем в ратуше произошло важное событие. По предложению Перенона временный главный штаб выпустил следующую антиправительственную прокламацию:

«Лионцы! Вероломные городские власти фактически потеряли свое право пользоваться общественным доверием; гора трупов разделяет нас с ними», такими словами начиналась эта прокламация. Далее провозглашалась необходимость созыва так называемых первичных народных собраний и образования новой гражданской гвардии; упоминалось вскользь о «нуждах провинциального населения и, наконец, звучал явно антиправительственный лозунг: «Довольно нам терпеть от министерского шарлатанства». В заключительной фразе прокламации высказывалась надежда,

что «радуга истинной свободы заблистала» с этого дня над Лионом.

Но едва лишь успели расклеить антиправительственное воззвание, как не замедлила появиться другая прокламация, с резкостью направленная против политиков. Авторами этого протеста были те самые «добрые дети», которые собрались в префектуре по приглашению Бувье-Дюмолара. Прокламация была подписана влиятельнейшими ткачами-хозяевами, так называемыми «начальниками секций».

Тем временем, в продолжение всего третьего дня восстания все более и более назревал раскол в среде временного главного штаба. Россэ с негодованием узнал о совещаниях, происходивших между Лякомбом и заместителем мера. Старый революционер решил, наконец, совершить то дело, которое, казалось бы, давно уже подсказывалось самим ходом событий: он попытался арестовать префекта. Описываемый момент представляет, к сожалению, чрезвычайно темное место в истории восстания 1831 г. Вероятнее всего, что Россэ прибыл в префектуру как раз в то время, когда к префекту начали собираться приглашенные им члены новой рабочей комиссии. Россэ не смог арестовать префек-

та и вернулся в ратушу, где «рабочая» и нерабочая части временного главного штаба совершенно раскололись. Вечером того же дня в ратуше произошла бурная сцена: «политики» горячо, но безуспешно убеждали Лякомба признать факт свержения старой власти. Фильоль даже угрожал убить Лякомба. Поздно вечером 23 ноября все политические руководители временного главного штаба покинули ратушу. Скрылся затем и сам Лякомб.

5

До сих пор мы умышленно не освещали массовое движение 23 ноября. Этот чрезвычайно важный вопрос заслуживает особенно пристального внимания. Прежде всего точно определим здесь те выводы, к которым пришли в своих работах контрреволюционные историки Тарле и Леви Шнейдер. Тарле писал: «В первые два дня слышались кое-где слова о республике, но продолжения и последствий это не имело. А между тем, — продолжает Тарле, — следует отметить, что в не рабочей среды была сделана попытка, ни малейшего успеха не имевшая, провозгласить новое правительство. Об этом стоит упомянуть именно затем, чтобы еще более подчеркнуть полную аполитичность лионской рабочей массы». По утверждению Тарле, антиправительственная прокламация была выслушана рабочими «с удивлением и равнодушием». Другой буржуазный историк Леви Шнейдер посвятил истории временного главного штаба исследовательскую статью и пришел к выводу, что «интриганы (?!), собравшиеся в городской ратуше с целью придать восстанию политический характер, действовали в пустопорожном пространстве».

Нижеследующие факты из истории третьего дня восстания резко противоречат этому положению о полной аполитичности повстанцев. Днем 23 ноября в префектуру явился пролетарский отряд. Вот как описывал это посещение сам Бувье-Дюмоляр: «Банда, числом около тридцати дурно выглядевших, одетых в лохмотья людей, ворвалась в префектуру. Я спустился в свой кабинет, чтобы принять их. Они вошли с надменным видом и, не снимая шапок,

потребовали от меня оружия. «Оружия? У меня его нет», сказал я. Они ответили, что если у меня его нет, то следует разрушить «первый легион» (составленный из фабрикантов квартала Терро), что они хотят покончить с этими аристократами и что это бой решительности есть война тех, у кого ничего нет, против тех, которые что-нибудь имеют». Но тут подошли приглашенные префектом «добрые дети» — влиятельные начальники секций. Пролетарский отряд удалился.

Приблизительно в то же самое время (т. е. днем 23 ноября) состоялась встреча республиканца Россэ с Бувье-Дюмоляром. Как мы уже сказали, Россэ не смог арестовать префекта. Но старый республиканец вернулся в ратушу не один, а в сопровождении целого отряда, который ему удалось собрать на обратном пути.

Мы указывали, что антиправительственное воззвание появилось на улицах к вечеру 23 ноября. Верно ли, что все население читало эту прокламацию «с равнодушием»? Есть показания, свидетельствующие о том, что все прокламации долго и оживленно комментировались при свете факелов. Вечером (того же 23 ноября), когда повсюду расклеивали антиправительственную прокламацию, один из влиятельнейших членов комиссии рабочих рот — ткач Фредерик (имя которого — без его ведома — тоже стояло под этой прокламацией) — обходил городские караулы. Увидев антиправительственное воззвание, Фредерик начал срывать его со стен. Тогда в уличной толпе нашлись достаточно решительные пролетарии, которые арестовали Фредерика и отвели его в ратушу.

Наконец, укажем еще один факт. В ночь с 23 на 24 ноября после ухода известных нам членов временного главного штаба в ратуше собрались «волонтеры Роны»¹.

¹ Отряд «волонтеров Роны» образовался еще задолго до восстания. Цель организации заключалась в том, чтобы поддержать оппозиционное и революционное движение в Савойе, входившей когда-то (в эпоху Великой французской революции) в состав французской империи и утраченной после свержения Наполеона I. Но организация «волонтеров Роны» не была легализована французским правительством.

Волонтеры охранялись сотнями и пролетариев! Обходя ночные караулы, префект сбрался в эту ночь и до ратуши. С досадой он убедился, что ратуша все еще не была в его полном подчинении: там заседали «волонтеры».

Еще раз предоставим слово самому префекту: «Я еще чувствовал себя недостаточно сильным, чтобы их (волонтеров) арестовать, не вызвав тем самым кровавого побоища между людьми, которых я с собою привел, и несколькими сотнями бродяг, только что виденных у входа в ратушу». Мы ограничиваемся приведением только нескольких фактов, ясно показывающих, в каком направлении хотели вести восстание передовики-рабочие.

6

С 24 ноября, опираясь на соглашения с ельским временным главным штабом, префект начал «очищать» город от наиболее опасных повстанцев-пролетариев. Тем временем приближалась карательная экспедиция, посланная из Парижа, во главе с наследником и военным министром. 3 декабря прежний лионский гарнизон и огромная армия наследника вступили в Лион.

Главнейшей задачей «победителей» было разоружить рабочих. Попытка разоружить повстанцев была сделана еще до прибытия армии наследника. Но в ответ на первые же контрреволюционные приказы префекта рабочие стали повсюду распространять клочки бумаг с обращением к «правительству», к «министрам—душителям свободы» и к «жюст-милье», т. е. к буржуазии и ее прихвостням. На клочках бумаги стояла всего одна лишь лаконическая фраза: «Ты хочешь отнять наше оружие? — Попробуй, возьми его!». И даже тогда, когда весь город уже кишел военщиной, т. е. после 3 декабря, когда общая численность гарнизона была доведена до 20 000 чел. пехоты, 6 000 кавалерии, могучей артиллерии, состоявшей из 20 шестидюймовых гаубиц и 60 разнокалиберных пушек, «храбрецы» не отваживались отнять у рабочих захваченное ими оружие. Правительственный комиссар,

присланный из Парижа, в своем секретном бюллетене от 7 декабря с беспокойством доносил правительству, что еще накануне, 6 декабря, неизвестные люди стреляли по солдатам 2-го стрелкового полка, когда они вели лошадей на водопой. В этом же бюллетене комиссар сообщал о многочисленных арестах, прсисходящих ежедневно. В рабочих предместьях, по словам комиссара, было «тихо», но «не спокойно»: поговаривали даже о возобновлении восстания, назначая его на 15 декабря. И, как видно, лишь путем террора, с одной стороны, и наряду с этим путем ряда уступок, т. е. политикой «кнута и пряника», удалось добиться «умиротворения» взволновавшегося населения. С одной стороны, не прекращались ежедневные многочисленные аресты, но в то же время, 7 декабря 1831 г., местный ремесленный суд опубликовал свое «уведомление», гласившее, что путем специального обследования этот суд выработает таблицу расценок производства шелковых тканей для установления регулирующей основы при третейских разбирательствах в спорах между фабрикантами и рабочими.

Теперь нам известны главнейшие факты из истории восстания 1831 г. Мы убедились, что, лишь совершенно искажая показания источников, проливающих свет на пролетарские выступления 23 ноября, можно было утверждать о полной аполитичности всей рабочей массы. Нам теперь ясно, что политики, собравшиеся в ратуше, действовали не в «пустопорожном пространстве»: известная часть рабочей массы подталкивала их к борьбе. Контрреволюционный историк Тарле грубо исказил историю лионского восстания, совершенно ничего не рассказав в своей книге ни о пролетариях, явившихся в префектуру, ни о аресте Фредерика, ни о волонтерах Роны, ни о тех сотнях пролетариев, которые охраняли волонтеров. Мы убедились, что рабочие не сдавали оружие не только до прихода огромной армии наследника, но даже и после 3 декабря, когда весь город был превращен в военный лагерь. Тарле же уверял, что все «приказы префекта» исполнялись и даже принимались рабочими «с глу-

боким почтением». Тарле утверждал, что разоружение рабочих началось на другой же день после 28 ноября, причем «никакого сопротивления оказано не было». Классовый смысл всех этих искажений совершенно ясен: Тарле и здесь, как и во всех своих работах, постарался принизить самостоятельную, ведущую политическую роль пролетариата.

В заключение скажем несколько слов о значении восстания 1831 г. Обширна была та политическая трибуна (провинциальная и столичная пресса, палата депутатов, памфлеты, иностранная печать), с которой буржуазия была вынуждена рассказывать о первой победе рабочих в непосредственной схватке с классовым врагом. Обозревая всю эту литературу, лишней раз убеждаешься, как глубоко был прав Маркс, сказавший, что «как бы ни было частично» восстание промышленных рабочих, оно заключает в себе у н и в е р-

с а л ь н у ю душу». Тревога буржуазии, явственно увидевшей перед собою «призрак коммунизма», была всеобщей тревогой к л а с с а. Для всего французского и мирового рабочего движения лионское открывало новую эпоху. «Переворот в естествознании мог совершиться лишь постольку, поскольку исследования доставляли соответственный материал для познания. Коренному же изменению исторического понимания предшествовали крупные события в жизни человечества и народов. В 1831 г. произошло в Лионе восстание рабочих, в период 1838—1842 г. первое национальное рабочее движение (чартистов) достигло своего апогея. Классовая борьба между пролетариатом и буржуазией выступила на первый план в истории наиболее прогрессивных стран Европы», так оценивалось значение лионского восстания Фридрихом Энгельсом в его гениальной работе «Анти-Дюринг».

Второй день восстания. Бой на пл. Бернардинов

М. ЛАРИН

ЛИЦО АНГЛИЙСКОЙ РАБОЧЕЙ ПАРТИИ

1

У нас слишком мало знают о деятельности социал-фашистских партий. Сказать, лишь то что партии II интернационала изменили, предали и т. д., недостаточно. Нужно знать, как они действуют, их программу, тактику, способы обволакивания рабочего класса. Тогда легче понять и дать ответ на столь часто возникающий вопрос: «Если с.-д. предатели, то почему же за ними идут до сих пор еще большие массы рабочих». Далее, в свете повседневной «работы» партии II интернационала еще более ярко встают поистине грандиозные задачи Коммунистического Интернационала — единственного поборника интересов рабочего класса.

Германской с.-д. в нашей печати «повезло»: о ней пишут много. Значительно хуже обстоит дело с английской Рабочей партией, о которой подчас встречаются самые неправильные представления. В связи в этом для нашего читателя представляет несомненный интерес недавно вышедшая книга Ф. Вертгеймера о Рабочей партии¹.

Вертгеймер — немецкий с.-д., он хорошо знает прошлое и еще лучше настоящее английской Рабочей партии.

Сам Вертгеймер рекомендует себя реформистом, «неортодоксальным марксистом». Он большей почитатель Рабочей партии, ее программы и тактики, поэтому у нас не может быть подозрения в «оговоре» с его стороны лейбористов. Его свидетельства во многих случаях, несомненно, верны. Он, пожалуй, первый собрал и систематизировал ряд программных документов Рабочей партии и на основе их пытается рассмотреть ее эволюцию и деятельность. Но он ставит перед собой задачу не только ознакомить читателя с Рабочей партией Великобритании. Он сравнивает программу и тактику английской и немецкой партий и пытается доказать правильность и неизбежность «английского» пути развития для всего II интернационала. Поэтому-то книжка Вертгеймера представляет для нас двойной интерес: она дает ма-

териал для характеристики Рабочей партии и вместе с тем с большой убедительностью вскрывает тенденции, чаяния «настоящего» с.-д., который во весь голос говорит о своих целях и намерениях. Вертгеймер враг всяких «левых» фразеров вроде Кука, Мекстона и др. Он превосходно понимает, что «между реформизмом и большевизмом не может быть середины¹, что коммунистов и с.-д. разделяет пропасть». С другой стороны, Вертгеймер признает, что «политические методы германской с.-д. приблизились к методам Рабочей партии». В настоящее время обе эти партии несравненно более родственны друг другу, чем в начале XX в. Вертгеймер очень точно устанавливает, что лежит в основе этого сближения, которое меньше всего свидетельствует об укреплении II интернационала.

«Британские и германские делегаты (во II интернационале. М. Л.) больше всего боятся, как бы их политика не стала руководиться иностранной организацией, и этот страх является одной из важнейших гарантий, что установится и сохранится необходимое гармоническое равновесие между социалистическими проектами II интернационала и способами их осуществления, между его манифестами и его действительной силой» (стр. 63). История уже раз показала, какая «гармония» существует между манифестами II интернационала и его «действительной силой» — это показала война 1914 г. Послевоенная история (версальский договор, оккупация Рура, план Дауэса, подготовка и поддержка интервенции СССР и т. д.) умножила эти примеры. Вертгеймер дает еще одну лишнюю гарантию того, что в грядущих боях II интернационал будет вполне последовательно проводить свою предательскую тактику. Но Вертгеймер не только констатирует наличие сближения между английской и континентальными партиями. Он ставит в пример лейбористскую партию и призывает другие секции I интернационала, и в первую оче-

¹ Вертгеймер, «Лицо английской рабочей партии», Соцэкгиз 1931 г.

¹ Вертгеймер, стр. 15. В дальнейшем все ссылки на Вертгеймера будут указаны в скобках после цитаты (подчеркивания сделаны нами).

редь немецкую с.-д., следовать по пути Рабочей партии. Что же заставляет его с такой силой пропагандировать «островной социализм»? Основное наиболее ценное качество лейбористской партии Вертгеймер видит в том, что «среди европейских партий одна свободна от противоречий между революционным символом веры и повседневным приспособлением к действительности» (стр. 35). Вертгеймер считает, что даже те жалкие отрешения социалистических фраз, которые все еще напяливают на себя европейские социалистические партии, должны быть отброшены, ибо они связывают, стесняют, мешают проводить настоящую, стопроцентную реформистскую политику наподобие лейбористской партии.

2

Вертгеймер очень внимательно разбирает эволюцию программы Рабочей партии. В противоположность своим английским собратьям он, очевидно, был когда-то знаком, по крайней мере, теоретически, с марксизмом. Какова же его общая оценка программы Лейбор-партии? «По части теоретической проницательности и научных познаний, — говорит он, — она оказывается при всем нашем почтении к Сиднею Веббу (автор программы. М. Л.) гораздо ниже, чем наиболее элементарная из всех континентальных социалистических программ. Стоит только прочесть мастерскую и сокрушительную критику Готской программы 1875 г., написанную Карлом Марксом, чтобы представить себе, с какой яростью он разорвал бы на клочки эту первую программу британского рабочего класса»¹ (стр. 42).

Однако эти качества программы для Вертгеймера отнюдь не кажутся отрицательными. Наоборот, разбирая ее пункт за пунктом, он с большим удовлетворением отмечает положительное значение программы, а в некоторых случаях даже превосходство ее над программами континентальных с.-д. партий. Чем же программа Рабочей партии столь любезна сердцу немецкого с.-д.? Прежде всего тем, что она без всяких обиняков откидывает принцип классовой борьбы. «Рабочая партия, — гласит программа Лейбор партии, — говорит не в качестве агента того или другого класса, а в качестве политического органа, выражающего нужду и стремления всех тех, которые участвуют в труде, выпавшем на долю человечества... Рабочая партия — социалистическая организация. Целью ее является организация промышленности и управление создаваемым промышленностью богатством в интере-

¹ Говоря о программе Рабочей партии, следует иметь в виду, что единой программы в собственном смысле этого слова у Лейбор партии нет. Это скорее предвыборные платформы. Первая такая программа была принята в 1918 г., вторая — бирмингемская — в 1928 г. Вторая программа — «Труд и нация» — по сравнению с первой — «Новый социальный строй» — делает, как отмечает Вертгеймер, еще более заметные успехи в направлении оппортунизма.

сах... всех тех, которые своей полезной службой содействуют общему благу»¹.

Опасаясь, что точный дух этого пункта, выраженного в столь туманных выражениях, не будет уловлен, Вертгеймер подробно поясняет, какой богатый смысл в нем заложен. «По существу британский социализм отличается от социализма остального мира в одном важном пункте. Судя по авторитетным декларациям, британский социализм сочтет свою задачу выполненной, когда средства производства будут переданы в собственность и под контроль всего общества, т. е. когда произойдет радикальная перемена в распределении дохода. Повидимому, британский социализм не прочь признать старое традиционное распределение труда, которое господствует в капиталистическом механизме и при котором на одной стороне стоят организаторы и директора производственного аппарата, а на другой — рабочие физического труда, не оказывающие никакого непосредственного влияния на управление производством». Иными словами, Рабочая партия, считающая себя «социалистической» организацией, вовсе не ставит своей целью переход средств производства от класса капиталистов в руки рабочего класса.

Вторая «счастливая» особенность Рабочей партии заключается для Вертгеймера в том, что, освободившись от «пут марксистской догмы», вышвырнув за борт идею классовой борьбы, Рабочая партия сразу получила возможность впитать в себя «лучшие принципы британской национальной культуры, религии и традиции». «Не отделенная от интеллектуальных и духовных понятий капитализма никакими классовыми барьерами, Рабочая партия добилась тесной связи с традициями национальной культуры» (стр. 61).

Полное игнорирование «рабочей» партией идеи классовой борьбы и составляет, как мы видим, главное достоинство программы Рабочей партии в глазах Вертгеймера: «Хотя программа ярче всех других документов вскрывает ограниченность фабианского мышления, тем не менее в практическом отношении она свидетельствует о той гениальной способности охватить непосредственно реальную обстановку, которая всегда отличала британское рабочее движение и придавала этому последнему такую огромную силу в борьбе за власть» (стр. 43).

Оппортунизм, умение приспособляться, уживаться с буржуазией — вот те «гениальные способности» Рабочей партии, перед которыми континентальный с.-д. преклоняет колени. Впрочем, немецкая с.-д. проделала огромный самостоятельный путь в этом отношении и вряд ли хоть сколько-нибудь отстала от своих английских собратьев.

3

Перефразируя известную поговорку, можно сказать: «Какова программа, такова и партия».

¹ «Labour and nation» published by the Labour Party, стр. 7.

Мы не будем здесь останавливаться на своеобразной структуре Рабочей партии. Она общеизвестна. Большой интерес представляет другой вопрос: чем живет партия, какова ее внутренняя партийная жизнь? Послушаем Вертгеймера: «По сравнению с германской с.д. партией Рабочая партия представляет собой просто голосующую машину... Партийная организация играет роль подсобной группы парламентской партии... Она не является решающим фактором для парламентской партии. Наоборот, парламентская партия господствует над партийной организацией. Власть находится в руках партии только в промежуток между роспуском старого парламента и выбором нового» (стр. 21 и 22). К этому можем добавить, что и в этом промежутке власть находится не «в руках партии», а в руках небольшой кучки партийных и профессиональных «бонз»-бюрократов. Фактическая же власть в этой «демократической» партии самой «демократической» страны сосредоточена в руках небольшого числа лидеров.

Теперь мы переходим к одному из наиболее интересных явлений не только в книге Вертгеймера, но и во всей организационной политике II интернационала. Известно, что до войны вхождение в Рабочую партию нерабочих было затруднено тем, что индивидуального приема в нее почти не было. В Рабочую партию входили коллективно профсоюзы, и подавляющая часть партии и ее лидеров были по социальному происхождению рабочими (за исключением некоторой части фабианцев и независимцев). После войны все эти рогатки были сняты — и в партию получили возможность вступать лорды, придворные чины, высшее офицерство и т. п.

Какова политическая физиономия вновь вступивших членов «рабочей» партии? Что побудило их перейти из консервативной или либеральной партии в Рабочую? Основная причина, несомненно, заключается в том, что на платформе Рабочей партии могли мирно усестись рядом «левый» консерватор, «крайний» либерал и какой-нибудь мнимой «экстремист» вроде Кука. Но была еще одна причина, манившая в «рабочую» партию этих перебежчиков из лагеря капиталистического класса. Это — рост голосов, подаваемых за Рабочую партию, желание создать себе карьеру на плечах «рабочей» партии в парламенте. Лейбористы с радостью раскрывали двери для всяких сиятельных особ. «Перебежчики из других партий, — говорит Вертгеймер, — и притом не только те из них, чьи идеалистические мотивы не вызвали сомнений, но даже заведомые карьеристы, стремившиеся только к личной выгоде, видели по отношению к себе известное внимание со стороны Рабочей партии. Британский рабочий на основании многолетнего исторического опыта пришел к выводу, что карьерист может оказаться столь же полезным для его дела, как и честный правдивый человек» (стр. 140). И чтобы не быть голословным, Вертгеймер приводит в качестве исторических примеров империалиста Дизраэли, Бирхенхеда и др. Конечно, верно, что Дизраэли и ряд других

основоположников Британской империи были карьеристами и мошенниками. Едва ли, однако, английские рабочие считают, что они принесли им какую-либо пользу. Убеждение, что карьеристы являются необходимым элементом в партии, разделяется, очевидно, только лидерами Рабочей партии и их континентальным другом Вертгеймером.

Но прием «перебежчиков» дает Рабочей партии с точки зрения немецкого социал-фашизма еще одно политическое преимущество. Своей принадлежностью к Рабочей партии они сделали ее «респектабельной» в глазах мелкобуржуазного избирателя, которого труднее всего привлечь на сторону социализма». Итак, выгода заключается в том, что, выставив в кандидаты какого-нибудь прохвосталорда, в роде зятя Керзона—Освальда Мосли, Рабочая партия ловит «на него» большое количество мелкобуржуазных голосов, которые иначе никаким калачом не заманишь на сторону «социализма». Наконец, у Вертгеймера припрятан еще один аргумент, так сказать, государственной важности! «В партии сложилось мнение, хотя рядовые ее члены и не отдают себе в этом ясного отчета (какая несознательность! М. Л.), что с тех пор, как она заняла место официальной оппозиции и сделалась одной из правящих партий, ей необходим новый тип должностного лица для выполнения новых функций, вместо прежнего агитатора и организатора, убеждение в том, что пролетариат в условиях капитализма не может создать администратора типа «правителя». Между тем присутствие людей такого типа у государственного руля способствовало бы укреплению доверия к партии и повышению ее престижа» (стр. 140).

Вертгеймер не может обойти еще одного вопроса, связанного с «перебежчиками». Следуя традиции буржуазных партий, «для того чтобы обеспечить себе победу на выборах, Рабочая партия старалась найти кандидата, который представлял бы собой «национальную» фигуру, а при отсутствии такового, по крайней мере, человека, который помимо личной привлекательности обладал бы титулом, высоким общественным положением или крупным состоянием, а лучше всего сочетанием этих трех данных. Нельзя отрицать того, что Рабочая партия неуклонно следовала этой традиции, отнюдь не смущаясь тем обстоятельством, что это противоречило ее священным принципам. Деньги, положение и титул в соединении с личными заслугами — вот чем руководствовалась партия при выборе кандидатов» (стр. 142).

Тут перед нами раскрывается картина самого гнусного барышничества, торговли рабочими голосами, по поводу которого автор говорит, что он не считает, «чтобы мужчины и женщины, избранные таким способом, сколько-нибудь компрометировали социалистическое движение Великобритании. Фактически в их среде мы находим более влиятельных и молодых лидеров» (стр. 143). Единственно о чем сожалеет

Вертгеймер, так это о том, что в континентальных партиях придерживаются до сих пор старых предрассудков и сочли бы такое поведение партии предательским, «рядовые члены партии усмотрели бы в этом признаки постыдной коррупции» и реагировали бы на такое предательство массовым переходом в коммунистическую партию (стр. 143).

Конечно, Вертгеймер преувеличивает целомудрие континентальных партий, в частности германской. Коррупция, связь с фашистами, банкирами—господствующее явление в капиталистических социал-фашистских партиях.

Нам представляется весьма важным тот вывод, который Вертгеймер делает из этой проблемы перебежчиков для континентальных социал-фашистских партий, в частности для немецкой. «Эти люди, (т. е. перебежчики. *М.Л.*) не были использованы, — говорит он. — Их не выдвигали на партийные должности и в парламент, чтобы тем самым упрочить их лояльность к партии. Партийные традиции были слишком прочны, чтобы их можно было приспособить к новой ситуации. Континентальный социализм упустил единственную возможность, которая ему представлялась, и вследствие этого потерпел величайшее поражение» (стр. 137). Здесь очень отчетливо выражена вся антипролетарская идеология современного социал-фашизма. «Долой всякие ненужные традиции, — говорит Вертгеймер, — всякие священные принципы! Не бойтесь обвинения в коррупции. Следите только, чтобы из-за этого рабочие не уходили к коммунистам. Принимайте побольше буржуазии в партию! Не зажимайте, выдвигайте ее. Она нам нужна. Нашей партии нужны новые свежие силы из среды буржуазии, офицерства, которых надо привлечь, как это сумела сделать английская Рабочая партия!».

4

Некоторые опасения за судьбы Рабочей партии возникают, однако, и у Вертгеймера. Его беспокоят перспективы Рабочей партии, возможность отхода от нее масс. «Что случится, если либеральная партия чудесным образом исчезнет со сцены?» — задает себе вопрос Вертгеймер. Он надеется, что этого не случится, ибо финансовая база, на которой покоится либеральная партия, достаточно сильна. Но если бы это случилось, то это привело бы к тому, что Рабочая партия осталась бы с глазу на глаз с консервативной партией и это затруднило и уменьшило бы ее политическую маневренность. Возможен и другой вариант: либеральная партия исчезает со сцены и Рабочая партия занимает ее место; в Англии опять восстановится двухпартийная система и игра начнется сначала. Однако такая перспектива внушает Вертгеймеру большие опасения: «Такая ситуация была бы чревата новыми опасностями, возникающими вследствие отказа Рабочей партии от чисто социалистических элементов своей программы. Совершенно немисливо, чтобы мил-

лионы рабочих, организованных в профессиональные союзы, безропотно согласились на отказ от социализма» (стр. 181). Вертгеймер прекрасно понимает, к чему бы это привело. «Отказ Рабочей партии от социализма привел бы только к тому, что элементы, идущие ныне за Рабочей партией, организовались бы на демократических началах, может быть, подвергли бы опасности и самое существование нации, ибо ведь даже в Великобритании они могли бы стать материалом, вызывающим социальные взрывы». Поэтому нельзя сливаться с либеральной партией. Можно и должно душить колонии, строить флот, якшаться с буржуазией, вытравливать всякие марксистские принципы, бороться с революционным крылом рабочего класса, но при всем этом надо сохранить социалистическую фразеологию, ибо иначе массы перейдут на сторону Коминтерна и тогда все погубило. Давая эти советы, «на основе опыта ряда континентальных стран», Вертгеймер успокаивающе добавляет: «Желание, чтобы в Рабочей партии сохранились чисто социалистические элементы, отнюдь не означает революционного или хотя бы профессионального образа мыслей. Оно вполне совместимо с консерватизмом» (стр. 182). Вертгеймер, очевидно, невысокого мнения о своих английских товарищах, ибо разве они нуждаются в пояснениях, разве им непонятна эта мысль, что некоторая левизна, пускаемая в ход для такой возвышенной цели, как спасение капитализма, не может противоречить консерватизму?

Книга Вертгеймера вышла тогда, когда в Англии стояло у власти второе рабочее правительство. Она служит прежде всего доказательством того, что германский социал-фашизм ни в малейшей мере не предвидел краха лейбористов, что он стремился к перестройке по английскому образцу. Неслыханное по размерам поражение лейбористов является поражением всего II интернационала, всей его тактики, всех его предвидений.

С другой стороны, книга Вертгеймера может служить прекрасным, совершенно объективным документом для разоблачения социал-фашизма. В этом отношении особенно интересны его мысли о «попутчиках». История очень быстро показала, какую роль играют для рабочего движения выходцы из английской аристократии — вроде Мосли, открытого фашиста и еще недавно лейбористского депутата. Но еще нагляднее подтвердилась оценка сущности социал-фашизма Коминтерном на примере Макдональда и Сноудена. И если так быстро подтвердилась оценка Коминтерна, что между Макдональдом и Черчиллем нет особенного различия, то на примере открытого блока Зевринга и Брюнинга выясняется, что сегования Вертгеймера о недостаточном использовании английского опыта были напрасны. Английский и германский социал-фашизм выполняют одну и ту же работу, играют совершенно одинаковую историческую роль.

СОВЕЩАНИЕ АКТИВА ЖУРНАЛА БОРЬБА КЛАССОВ

В ноябре редакцией «Борьба классов» было созвано первое совещание исторического актива. В совещании приняли участие 40 представителей различных исторических учреждений и учебных организаций: О-ва историков-марксистов, Историко-партийного института, институтов истории ИКП и Комакадемии, ИМЭЛ, О-ва старых большевиков и др.

Целью этого совещания было организовать постоянный актив историков, на который могла бы опираться редакция журнала в своей дальнейшей работе и который мог бы развернуть широкую массовую работу на предприятиях.

В своих докладах члены редакции (зам. отв. редактора т. Ярославский и отв. секретарь т. Панкратова) подробно остановились на тех задачах, которые стоят перед журналом (см. подробно № 3-4 «Борьбы классов»). Журнал был создан для того, чтобы внедрить исторические знания по истории классовой борьбы в СССР и на Западе в широкие читательские массы. Журнал должен быть историческим комментарием в марксистско-ленинском духе к важнейшим современным политическим событиям. Журнал должен откликаться на все важнейшие вопросы истории партии и Коминтерна. Журнал обязан проявлять максимальную политическую четкость, так как историческая наука есть наука сугубо партийная. Письмо т. Сталина ставит вопрос о большевистской партийности в истории и о необходимости бдительности и борьбы с контрабандой чуждой и враждебной пролетариату идеологии. В духе указаний т. Сталина должен ставить свою работу и журнал «Борьба классов». Как журнал массовый «Борьба классов» резко отличается от всех остальных исторических журналов, которые, главным образом, освещают методологические вопросы истории («Историк-марксист») и собирают документальный и исследовательский материал по истории партии («Пролетарская революция»). «Борьба классов» рассчитан на другого читателя. Его читатель — партийный, комсомольский и колхозный актив.

Лицо читателя определяет самый тип журнала. Тов. Панкратова подробно остановилась на вопросе о том, соответствует ли содержание

журнала тем задачам, которые он перед собой ставит. Этот вопрос явился основным для совещания, так как журнал строился в расчете на актив. Нужно ли сохранить этот тип журнала в дальнейшем или же снизить его до менее квалифицированного читателя? Редакция считает, что журнал должен оставаться попрежнему рассчитанным в основном на рабочий, партийный и комсомольский актив. Вместе с тем материал должен подаваться в более популярной форме и все более проникать в широкие массы. Одной из первоочередных задач является обеспечение журнала достаточными кадрами массовых писателей-историков.

В отношении содержания редакция отмечает ряд недостатков. Прежде всего до сих пор недостаточно освещались вопросы Коминтерна и истории строительства социализма в СССР как системы, которая должна быть противопоставлена загнивающему монополистическому капитализму. Отдел библиографии необходимо развернуть, он до сих пор был очень слаб. Необходимо больше места уделять освещению и разъяснению происходивших дискуссий на историческом фронте. Дискуссия о положении на западном участке не нашла достаточного отражения в журнале. Большое внимание редакция полагает уделить отделам «Массы творят и пишут историю», «История фабрик и заводов», «История гражданской войны». Предполагается еще один новый отдел «История техники».

Вторым важным вопросом, предложенным на обсуждение совещания, был вопрос о создании актива писателей и читателей. Журнал не может быть массовым до тех пор, пока у него не будет организованных читательских и писательских кадров. Редакция налаживает сейчас связь с Институтом заочного обучения при ЦК партии, в котором насчитывается свыше 100 тыс. партийного актива. Массовости журнала чрезвычайно мешали два обстоятельства: с одной стороны, несвоевременный выход, с другой — недостаточный тираж (15 т.). Оба эти вопроса должны быть разрешены. Сейчас редакция прилагает все усилия, чтобы наладить своевременный выпуск журнала и выполнять обязательства перед подписчиками.

Поставленные редакцией вопросы вызвали оживленный обмен мнениями. Наибольший интерес вызвал вопрос о профиле журнала. Среди выступавших наметилось два течения. Часть товарищей считала, что журнал «Борьба классов» должен давать материал в более популярной форме, учитывая своего читателя. Другие находили, что журнал должен стать учебно-вспомогательным пособием и поэтому должен освещать систематически методологические вопросы истории чаще, чем это делалось до сих пор. Выступавшие в прениях отметили, что партийный актив провинции часто пользуется «Борьбой классов» как учебным пособием; это обстоятельство должно быть учтено и в дальнейшем.

Представитель Института Ленина отметил недостаточное освещение в журнале методов работы Ленина и предложил усилить этот материал и систематически печатать его в журнале. Выступавшие товарищи выдвинули ряд ценных предложений: освещать классовую борьбу в деревне, историю совхозов и колхозов.

Предложено было давать историю крупных промышленных районов (Донбасс), посвящая таким темам специальные номера журнала и связывая историю районов с историей гражданской войны, классовой борьбой в деревне и т. п.

Отмечена была необходимость осветить и историю комбедовского движения. Предложено было библиографический отдел сделать одним из основных отделов журнала, в котором бы печатались рецензии на все выходящие книги по истории классовой борьбы, а также на книги по исторической беллетристике. Указано было на недостаточное освещение вопросов национально-колониальных революций.

Собрание признало необходимым повысить партийную заостренность журнала, сделать его главной установкой политическое воспитание партийного актива, проводить работу по его дальнейшей популяризации, вовлекая в работу писательские и читательские кадры, в первую очередь молодых историков.

ОТ РЕДАКЦИИ

Материалы и резолюции по обсуждению письма т. Сталина в «Пролетарскую революцию» будут помещены в ближайшем номере журнала.

В № 5 «Борьбы классов» в статье В. Хвостова «Ог переговоров о разоружении к войне» на стр. 78 в предпоследнем абзаце допущены следующие опечатки. Напечатано «Искренно не верить», следует: «Искренно верить» и в том же абзаце, после слов: «Не было же поздно» пропущены две фразы: «Если бы Грей сказал свое слово раньше, оно раньше бы оказало то же действие и тогда были бы шансы на что, то кризис можно уладить. Но сер Эдуард Грей этого-то и не хотел».

ПРАВИЛА ДЛЯ ОБЩЕСТВЕННОГО РАСПРОСТРАНИТЕЛЯ ПО ПРИЕМУ ПОДПИСКИ И СДАЧЕ ЕЕ НА ПОЧТУ

1. При вербовке подписчиков общественный распространитель заполняет подписной лист, высылаемый ему по его требованию Жургазобъединением (Москва, 6, Страстной б., 11), или же производит запись на обыкновенной бумаге. В подписном листе четко указываются № подписчиков по порядку, фамилия, имя, отчество и адрес подписчика, на какой срок выписывается журнал, стоимость подписки. Против стоимости подписки ставится собственноручная расписка подписчика.

2. Вербуемые подписчики могут подписаться с 1 декабря 1931 г. с переходом на 1932 г. или же с 1-го числа любого месяца на следующие сроки:

Журнал «Борьба классов»: 12 м.—10 р., 6 мес.—5 р., 3 мес.—2 р.50 к.

3. Подписная плата собирается общественным распространителем при подписке полностью за весь срок подписки (1 год, 6 мес., 3 мес.). Рассрочка платежа не допускается. Подписка в кредит и наложенным платежом не принимается.

4. Подписные листы вместе с деньгами сдаются на ближайшую почту или в заводскую газетную экспедицию, где таковые имеются, не позже срока, установленного местной почтой. Подписка, сданная позже установленного местной почтой срока, переносится исполнением на следующий месяц. Все жалобы на неаккуратное получение или недополучение журнала следует заявлять почте по месту сдачи подписки, требуя проверки наличия карточки на каждого отдельного подписчика, указанного в подписном листе.

5. Жургазобъединение подписку непосредственно не принимает. Подписные листы высылаются поэтому в Объединение ни в коем случае не следует, они подлежат сдаче исключительно на почту.

КОНКУРС НА ЛУЧШЕЕ РАСПРОСТРАНЕНИЕ ЖУРНАЛА «БОРЬБА КЛАССОВ» СРЕДИ ОБЩЕСТВЕННЫХ РАСПРОСТРАНИТЕЛЕЙ

Исходя из общей установки, что распространение печати на предприятиях, в учреждениях и коллективах — дело массовых организаций, распространению журнала «Борьба классов» должно быть уделено большое внимание местными отделениями О-ва историков-марксистов.

Боевая задача всех отделений О-ва — вербовка постоянных читателей журнала «Борьба классов» путем выделения на предприятиях общественных распространителей, работающих в порядке общественной нагрузки.

Придавая большое значение распространению журнала «Борьба классов» через общественных распространителей, издательство объявляет конкурс на лучшее распространение журнала.

Условия конкурса следующие.

Для поощрения качественной работы общественных распространителей в деле большего охвата подпиской на «Борьбу классов» на более длительные сроки, Журнально-газетное объединение организует конкурс на лучшего общественного распространителя журнала «Борьба классов».

1. Конкурс будет проводиться с 1 декабря 1931 г. по 1 марта 1932 г.

2. В конкурсе могут принять участие все общественные распространители и отдельные товарищи, заинтересованные в широком распространении этого журнала.

3. Премируются товарищи, добившиеся наилучших результатов по охвату подпиской на журнал «Борьба классов» на наиболее продолжительный срок, методами массовой пропаганды.

4. Среди товарищей, принявших участие в конкурсе, будет распределена 21 премия:

О д н а	1-я премия	Фотообязательство.
О д н а	2-я премия	Денежная в 100 р.
Т р и	3-х премии	24 кн. «Всемирной истории».
Ш е с т ь	4-х премий	Годовая подписка на «Литературное наследство».
Д е с я т ь	5-х премий	50 кн. «Библиотеки «Огонек».

В с е г о 21 премия.

Премии присуждаются жюри конкурса не позже 20 марта с опубликованием об этом в журнале «Борьба классов» и высылаются премированным не позже 1 апреля 1932 г.

5. При сдаче подписных листов на почту (или в газетную заводскую экспедицию) общественный распространитель, заполнив справку, помещенную на бланке подписного листа, с отметкой почты о количестве экземпляров и сумме сданной подписки, пересылает обязательно эту справку в массово-тиражный сектор Жургазобъединения (Москва, 6, Страстной бульвар, 11). На основании указанных справок будут распределены премии по конкурсу.

6. По окончании срока конкурса, не позже 1 марта последний подписной лист должен быть сдан на почту. Одновременно со сдачей последнего подписного листа общественный распространитель присылает в Жургазобъединение и последнюю справку о количестве и сумме сданной подписки с указанием, сколько уже справок отправлено, подтверждая свой точный адрес.

7. Общественные распространители, приславшие справки о работе после 5 марта, к участию в конкурсе не допускаются.

Редакционная коллегия: В. Далин, Х. Лурье, Л. Мехлис, А. Панкратова (отв. секретарь), М. Н. Покровский (ответ. редактор), Н. Н. Попов, Ем. Ярославский (зам. ответ. редактора).

Уполн. Главлита В—15.345 Издатель: Журнально-газетное объединение. Вып. Б. Шнейдер.

Отп. в «Интернациональной» (39) тип. «Мособлполиграф», Москва, ул. Скворцова-Степанова, 3. Зак. 1600. Тираж. 15.000. Ст. Ат Б, 176×250 мм ¹/₁₆ д. л. Общ. число печ. знаков 150.000. Издание № 244. Коррект. Н. Абрамов. Журнал сдан в набор 8.XII.1931 г. Подписан к печати 28.XII. 1931 г.